

КОНФЕРЕНЦИИ

СИМПОЗИУМЫ

ЧТЕНИЯ

**ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ**

Министерство культуры Кировской области
Кировская ордена Почета государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

К 120-летию со времени открытия
Вятской ученой архивной комиссии

Материалы
Всероссийской научной конференции
(Киров, 20–21 ноября 2024 года)

Киров
2024

ББК 63.3(2Рос-4Кир)
УДК 94(470.342)
В 99

Редакционная коллегия:

М. С. Судовиков (составитель, науч. редактор),
С. Н. Будашкина, Н. В. Стрельникова, П. Н. Шарабаров

В 99 Вятская земля в пространстве исторической памяти : К 120-летию со времени открытия Вятской ученой архивной комиссии : Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 20–21 ноября 2024 года) / редкол.: М. С. Судовиков (сост., науч. ред.), С. Н. Будашкина, Н. В. Стрельникова, П. Н. Шарабаров ; Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. – Киров : КОГБУК «КОУНБ им. А. И. Герцена», 2024. – 192 с. : ил.

ISBN 978-5-4338-0134-9

Сборник содержит материалы научной конференции, посвященной 120-летию со времени открытия Вятской ученой архивной комиссии. Рассматриваются вопросы истории и культуры российской провинции, портреты ее выдающихся деятелей. Авторами статей выступили исследователи из Кирова и Кировской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Курска, Пензы, Ижевска, Глазова, Сарапула.

ББК 63.3(2Рос-4Кир)
УДК 94(470.342)

Научное издание

Вятская земля в пространстве исторической памяти

К 120-летию со времени открытия Вятской ученой архивной комиссии

Материалы Всероссийской научной конференции
(Киров, 20–21 ноября 2024 года)

Верстка: С. И. Подлевских
Оформление обложки: А. И. Крысов

ISBN 978-5-4338-0134-9

© КОГБУК «Кировская ордена Почета
государственная универсальная областная научная
библиотека им. А. И. Герцена», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

120 лет назад, 28 ноября 1904 г., на открытии Вятской ученой архивной комиссии прозвучали слова: «Задача архивной комиссии в достаточной степени будет выполнена, если члены ее соберут и будут сохранять в архивах, музеях и библиотеках, по возможности, весь местный исторический материал; опишут, издадут его, наконец, дадут историю края и свяжут ее с общей историей родины... Важно, чтобы всякий проникся любовью к прошлому родины и сознал, что воспоминание “о днех древних” может осветить настоящее».

Поставленные задачи архивной комиссией были выполнены так, что и спустя время ее многогранная деятельность и напечатанные «Труды...» не забыты и являются ярчайшим примером подвижничества и исторического просвещения. Став весьма плодотворным этапом в деле изучения прошлого и сохранения исторической памяти, многие темы, которые исследовались комиссией, находят свое достойное продолжение и в XXI веке. Новая научная конференция, которая прошла в Кировской областной научной библиотеке им. А. И. Герцена, продолжает цикл мероприятий, проведенных библиотекой ранее: всероссийские научные конференции, посвященные ВУАК, были организованы в 2014 и 2019 годах.

Поступившие на конференцию материалы составили три раздела настоящего сборника: «Из истории губернских ученых архивных комиссий (к 120-летию Вятской ученой архивной комиссии)», «Историко-культурное наследие российских регионов», «Личность в истории».

Наша конференция состоялась в юбилейный для города Кирова год – в год 650-летия со времени первого упоминания Вятки в общероссийском летописании, и мы помним о том, что Вятская ученая архивная комиссия внесла ощутимый вклад в изучение прошлого города. Материалы комиссии послужили важнейшим источником для подготовки современных книжных изданий и выставок, посвященных истории Хлынова – Вятки – Кирова.

Благодарим исследователей из разных городов России – Кирова и Кировской области, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Курска, Пензы, Ижевска, Глазова, Сарапула, принявших участие в конференции, и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Оргкомитет конференции

РАЗДЕЛ I.
ИЗ ИСТОРИИ ГУБЕРНСКИХ
УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ
(К 120-ЛЕТИЮ ВЯТСКОЙ УЧЕНОЙ
АРХИВНОЙ КОМИССИИ)

Яков Поскребышев на посту председателя
Вятской ученой архивной комиссии

М. С. Судовиков

В истории Вятской ученой архивной комиссии вместе с неутомимыми историками и краеведами оставили след и деятели местного самоуправления, среди которых яркой личностью был Яков Иванович Поскребышев (1866–1912), на рубеже XIX–XX веков трижды избиравшийся городским головой и внесший огромный вклад в развитие губернского центра¹.

Еще до официального открытия комиссии он отозвался на приглашение губернатора Павла Федоровича Хомутова стать членом ВУАК и содействовать ее работе. «...Я с большой готовностью изъявляю согласие вступить в число членов предполагаемой к учреждению в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии и насколько для меня представится возможным – принять участие в ее трудах», – отвечал Яков Иванович губернатору 10 июня 1904 г.²

О задумке открыть в Вятке новое учреждение Поскребышев знал и ранее, поскольку в декабре 1903 г. о комиссии говорили на заседании городской думы. Рассматривался вопрос о назначении ей единовременного пособия в сумме 200 рублей и ежегодного – 100 рублей, но из-за недостатка средств было принято решение о выделении ВУАК

только единовременного пособия. Кроме того, городское управление не смогло выделить и помещение для комиссии, о чем ходатайствовал губернатор³. Однако городской голова не отказывался от дальнейшей помощи ВУАК.

«Позвольте мне, господа, как представителю городского управления, приветствовать вас с открытием нового просветительного учреждения. Зная о целях комиссии, выражаю удовольствие по поводу ее открытия, а зная о материальных средствах комиссии, буду ходатайствовать пред городским управлением об ассигновании ей постоянного пособия, и думаю, что комиссия встретит со стороны городского управления постоянную денежную поддержку. Затем, господа, приветствую вас, как председатель кружка любителей естествознания, который преследует так же просветительные задачи, как и архивная комиссия», – говорил он 28 ноября 1904 г. в зале губернского правления – в день рождения комиссии⁴.

Деятельность комиссии с самого начала приняла энергичный характер: регулярно, два-три раза в месяц, обычно по пятницам, в зале Публичной библиотеки проводились заседания, заслушивались доклады и рефераты с исследовательскими темами; комиссия приступила к изданию своих «Трудов...», которые редактировал известный краевед Александр Степанович Верещагин. Но в сентябре 1905 г. ее председатель Николай Александрович Спасский заявил об уходе со своей должности.

По решению неперменного попечителя, нового губернатора Александра Георгиевича Левченко и комиссии были проведены выборы нового председателя, которые прошли «в экстренном заседании» 17 октября. К баллотировке в председатели были предложены десять человек – неперменные и действительные члены комиссии, в том числе и городской голова Я. И. Поскребышев. По разным причинам чуть ли не все кандидаты отказались от руководства архивной комиссией, и тогда Верещагин, чья кандидатура также предлагалась к избранию, но по состоянию здоровья он не мог взять председательство, обратил внимание на кандидатуру Якова Ивановича, пояснив, что последний – член комиссии из местных уроженцев и что именно таких людей авторитетный российский историк-правовед и археограф Н. В. Калачов рекомендовал избирать в председатели. Как аргумент в пользу Я. И. Поскребышева было упомянуто и то, что он знаком с историей Вятского края и «уже известен как председатель местного кружка любителей естествознания»⁵.

Поскребышев не присутствовал на заседании комиссии, но ее члены сумели достаточно быстро получить от него утвердительный ответ. Началась процедура выборов, и в результате Яков Иванович получил «пятнадцать (15) шаров избирательных и три (3) неизбирательных»⁶.

После выборов члены комиссии вынесли постановление о признании избранным в председатели комиссии Я. И. Поскребышева и просили его приступить к исполнению обязанностей председателя. Так, Яков Иванович стал председателем Вятской ученой архивной комиссии.

При Поскребышеве должностными лицами комиссии были: Александр Степанович Верещагин (товарищ председателя и редактор «Трудов...»), непрменный член Аркадий Афанасьевич Швецов, библиотекарь Александр Иванович Гомеров, заведующий складом «Трудов комиссии» Иван Иванович Зубарев, а впоследствии Василий Иванович Шабалин; казначей Вячеслав Григорьевич Зонов, помощник казначея Дмитрий Васильевич Фаворский. К декабрю 1905 г. в комиссии насчитывалось 17 почетных и 78 действительных членов.

Бурные события политической жизни осени и начала зимы 1905 г., черносотенный погром в Вятке, не позволили Поскребышеву полноценно начать работу в комиссии. Ее заседания во время отсутствия Якова Ивановича проводил А. С. Верещагин.

Городской голова в новом качестве пришел на заседание комиссии 22 декабря 1905 г., и с его участием рассматривались вопросы: об издании новых выпусков «Трудов...», о составе членов комиссии, об избрании в действительные члены комиссии и т. д. Их обсуждение было длительным – начавшееся в 7 час. 15 мин. вечера заседание завершилось «в 12-м часу ночи»⁷, что, в общем, для вятской комиссии являлось нормой.

В «журнале» следующего заседания, состоявшегося 4 января 1906 г., содержались фразы – «председателем комиссии предложен был вопрос», «председателем сообщено». По всему видно, что новый председатель быстро освоился в комиссии и начал решать неотложные дела.

Я. И. Поскребышев рассказал о переговорах с владельцем типографии П. Д. Харитоновым по поводу издания «Трудов...» из-за отказа их печатать губернской типографией, и условия, предложенные Харитоновым, который пришел на это заседание комиссии, в целом ее устроили⁸. Владелец типографии был готов приступить к печати «при готовой бумаге, с брошюровкой и обрезом каждого экземпляра, изготовлением по указанной форме сорочек и с первою корректурую в типографии».

В дальнейшем, некоторое время⁹, «Труды...» печатались именно у Харитонова.

Я. И. Поскребышев инициировал рассмотрение вопросов о пополнении ВУАК новыми членами. На заседании 21 февраля 1906 г. он предложил комиссии – «не признает ли она полезным, в интересах своих, предоставить ему обратиться к некоторым известным ему лицам с предложением, не пожелают ли они вступить в члены комиссии и доставить им по экземпляру “Трудов” комиссии за прошлый год», и эта инициатива была поддержана¹⁰.

С участием Я. И. Поскребышева решался вопрос и о помещении для комиссии. ВУАК на временной основе размещалась в здании Публичной библиотеки, где и проводились в нерабочее для последней время, чтобы не мешать читателям, заседания комиссии и где в прихожей комнате размещались шкафы с книгами и документами, и, кроме того, комиссия имела склад для хранения «Трудов...» в строительном отделении при губернском правлении.

Вместе с тем у библиотеки имелся флигель с квартирой, в которой появилась возможность разместить исторический архив и библиотеку комиссии. Часть помещения во флигеле «ради пользы дела» согласился занять А. С. Верещагин под свою квартиру.

Все эти обстоятельства были удобны для работы архивной комиссии, как и непосредственное соседство с самой библиотекой, где хранились ценные издания и источники, и было вынесено постановление о том, чтобы ее председатель Я. И. Поскребышев, который являлся и членом попечительного комитета библиотеки, заявил о желании комиссии «занять эту квартиру, с платою за нее по 300 руб. в год»¹¹. И вопрос был решен в интересах комиссии, о чем Яков Иванович доложил на очередном ее заседании 3 августа 1906 г.¹²

Правда, впоследствии оказалось, что не все члены комиссии согласны с этим решением. Против выступили В. Д. Емельянов и Л. И. Софийский, объясняя свое мнение ограниченностью денежных средств ВУАК, но это не помешало комиссии связать свою судьбу с библиотекой более крепкими узами.

Первое заседание в новом помещении – комиссия заняла четыре просторных комнаты флигеля – прошло 8 октября 1906 г. в присутствии вице-губернатора Александра Федоровича Шидловского. Протоиерей Иоанн Осокин совершил молебствие и окропил флигель святой водой. Однако Я. И. Поскребышев присутствовать на заседании не смог. Ему,

а также новому губернатору Сергею Дмитриевичу Горчакову, членам попечительного комитета библиотеки от лица присутствующих была выражена благодарность «за их участливое отношение к комиссии»¹³.

С конца августа 1906 г. из-за болезни Якова Ивановича и его отъезда из Вятки на лечение комиссия работала без него. Надо отдать должное Александру Степановичу Верещагину, который уже на излете своей жизни, не считаясь со здоровьем, всего себя посвятил ВУАК. Под его началом комиссия продолжала плодотворно работать, основное внимание уделяя поиску материалов для публикации в «Трудах...». За период с декабря 1905 г. по декабрь 1906 г. комиссия провела 23 заседания, в том числе девять заседаний прошли с участием Я. И. Поскребышева.

Председателем комиссии Яков Иванович оставался до 20 сентября 1907 г. Из-за болезни он не мог продолжать работу в комиссии, и перед ней актуально встал вопрос о новом председателе.

Взоры членов ВУАК были обращены на непременного попечителя, вятского губернатора, князя Сергея Дмитриевича Горчакова, который к тому времени уже зарекомендовал себя деятельным помощником в работе ВУАК. Его кандидатура была предложена А. С. Верещагиным, отмечавшего, что «в некоторых архивных комиссиях председателями состояли и состоят непременно попечители их – местные губернаторы, что эти именно комиссии находятся в более счастливом положении сравнительно с другими»¹⁴.

К чести губернатора он трезво смотрел на ситуацию, и хотя дал согласие на избрание, но честно заявил, что «при своих многосложных обязанностях лишен возможности заниматься научными трудами, даже принимать постоянное участие в заседаниях комиссии», однако желание «быть ей полезным, чем может», имеет¹⁵. Постановление по кандидатуре С. Д. Горчакова принято единогласно. А в списке членов комиссии напротив фамилии Поскребышева, после его председательствования, осталась запись: «...с 28 ноября 1904 г., бывш. гор. голова»¹⁶.

Остается сожалеть, что по причине серьезной болезни и отъезда из Вятки деятельность Якова Ивановича в ученой архивной комиссии не развернулась в полную силу, но даже за недолгое время работы в ней он сумел решить первоочередные, отнюдь непростые задачи. Комиссия нашла возможность выпускать научные труды и стала работать на постоянной основе в отдельном помещении, и все это для комиссии и, стало быть, для развития краеведения и научной исторической мысли в Вятке имело большое значение. Имя Я. И. Поскребышева не может

оставаться в тени в связи с изучением истории ВУАК, и мы с благодарностью вспоминаем об этом человеке в год 650-летия города Хлынова – Вятки – Кирова и в год 120-летия со времени основания архивной комиссии.

Примечания

¹ Деятельность Я. И. Поскребышева подробно освещена в нашей книге «Необыкновенные провинциалы из прошлого». Киров, 2020. С. 56–85.

² ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 40.

³ Там же. Л. 15–15 об.

⁴ ТВУАК, 1905. Вып. 1. Вятка, 1905. Отд. 1. С. 38–39.

⁵ Там же. Вып. V–VI. Вятка, 1905. Отд. 1. С. 156.

⁶ Там же. С. 156–157.

⁷ ТВУАК, 1906. Вып. I–II. Вятка, 1906. Отд. 1. С. 5.

⁸ Там же. С. 6–7.

⁹ В частности, в типографии П. Д. Харитонова вышли все выпуски «Трудов...» за 1906 год и два выпуска за 1907 год, затем они вновь печатались в губернской типографии.

¹⁰ ТВУАК, 1906. Вып. I–II. Вятка, 1906. Отд. 1. С. 21–22.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² Там же. Вып. III–IV. Вятка, 1906. Отд. 1. С. 1–2.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ ТВУАК, 1907. Вып. II. Вятка, 1908. Отд. 1. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 15-б. Л. 12 об.

А. С. Верещагин и Вятская ученая архивная комиссия

В. А. Бердинских

Известный вятский историк Александр Степанович Верещагин (1835–1908) внес большой вклад в деятельность Вятской ученой архивной комиссии. В 1903–1904 гг. он много сил отдал подготовительной работе в этом направлении. Торжественное открытие комиссии состоялось 28 ноября 1904 г. Она стала 25-й ученой архивной комиссией России¹.

Комиссии как общественные учреждения создавались в стране с 1880-х гг. Целями их деятельности провозглашалось сосредоточение и вечное хранение архивных дел и документов, важных в историческом

отношении, приведение в порядок и разбор документов, предназначенных в губернских и уездных архивах к уничтожению.

Собирательская деятельность объявлялась главной, а исследовательская и издательская – второстепенными. Общим координирующим центром первоначально объявлялся Археологический институт в Петербурге. Источники финансирования определены не были. В Вятке инициативная группа по открытию комиссии имела еще с 1892 г. Но успеха долго не имела. Все упиралось в отсутствие помещения и стабильного источника финансирования. Вся заслуга возникновения комиссии в Вятке, по честному признанию губернатора, принадлежала небольшой группе частных лиц.

Власти не препятствовали местным энтузиастам (числом около десятка), но и не помогали им. С большим трудом удалось выбить в 1903–1904 гг. некоторую помощь от Вятской городской думы и губернского земства. На открытии комиссии 28 ноября 1904 г. Н. А. Спасский – эффективный менеджер местных краеведов и руководитель вятского губстаткомитета (научно-общественной предтечи архивной комиссии) – сказал очень четко: «По моему глубокому убеждению ... во главе нового учреждения следовало бы стать Александру Степановичу Верещагину. С ним по громкой его репутации ученого-историка, какой он пользуется далеко за пределами губернии, конкурировать некому, а тем более не мне»².

С сентября 1905 г. именно Верещагин (после отказа от председательства в ВУАК Спасского) стал официально во главе комиссии. Именно он до самой своей смерти в 1908 г. определял основные направления ее деятельности. Ключевым стало издание «Трудов ВУАК». В основе их лежали наработанные за десятилетия кропотливой археографической и исследовательской деятельности этого историка – его материалы. Как собственные работы, так и тщательно археографически подготовленные им в течение жизни, с глубокими комментариями документы и целые документальные комплексы.

Именно Верещагин поставил во главу угла комиссии издание ее Трудов. И даже после его смерти эта программа работала до самого закрытия ВУАК в 1918 г. В посмертной речи о Верещагине сотрудник комиссии прямо сказал, именно Верещагин принял на себя соединенное с массой трудностей и неприятностей дело – учреждение Вятской архивной комиссии, а после открытия ее встал во главе и «явился в ней главным и почти единственным работником», работая на склоне дней своих с увлечением и энергией вступающего в жизни юноши³.

Все заботы и деятельности комиссии шли через него: изыскание денег для печатания Трудов, проведение заседаний (приходило обычно от 7 до 12 человек), руководство работой в уездах (по сбору архивных материалов), само печатание и распространение Трудов, связи с научным миром и другими архивными комиссиями, покупка дров для помещения ВУАК и многое другое.

Стоит отметить, что характер вятского историка, человека предельно педантичного и конфликтного в общении со многими людьми, нередко этому мало способствовал. Он все-таки – одинокий исследователь, постригшийся в местные историки как в монашество.

Именно благодаря Верещагину в 1905–1908 гг. под его руководством вышло 18 выпусков Трудов ВУАК. В них налицо преемственность и единство содержания, внутренняя логичность и последовательность. Кстати, всего в 1905–1917 гг. издано 46 выпусков Трудов. Программа этого издания, судя по всему, была выработана историком задолго до 1905 г. Фактически, именно его труды составили основу данного издания.

Труды А. С. Верещагина – это надежная и ценнейшая основа для всех исследований по истории Вятки как древнерусской эпохи (особенно), так и двух последующих веков. Это фундамент и основа для всех местных историков и краеведов прошлого и нынешнего веков.

Примечания

¹ См.: Бердинских В. А. Вятские историки. Киров, 1991. 192 с.

² ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

³ Бердинских В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. Москва, 2003. С. 373.

Александр Степанович Верещагин **в Казанской духовной академии в 1853–1858 гг.** *(по материалам Национального архива Республики Татарстан)*

Г. А. Кочин

Александр Степанович Верещагин (1835–1908) и при своей жизни, и в наши дни остается одним из самых выдающихся вятских краеведов-архивистов, внесших неоценимый и весомый вклад в изучение истории родного края. Благодаря работам А. Шубина и доктора исторических

наук В. А. Бердинских обо всей долгой и наполненной неустанными трудами жизни Верещагина сейчас в целом известно довольно много.

Но при этом период пребывания Александра Степановича в стенах Казанской духовной академии в 1854–1858 гг. до сих пор остается одним из наименее изученных эпизодов из биографии ученого. К счастью, в городе Казани в стенах Национального архива Республики Татарстан хранится обширный фонд № 10, содержащий документы Казанской духовной академии. После изучения обнаруженных там старинных ведомостей, прошений и писем, многие из которых были написаны рукой молодого Верещагина, становится возможным прояснить многие прежде неизвестные факты и обстоятельства четырех лет его жизни и обучения в Казани.

Александр появился на свет 30 августа (11 сентября) 1835 г. в семье диакона Воскресенской церкви города Уржума Степана Григорьевича Верещагина. Семи лет от роду мальчик стал учеником Нолинского духовного училища, а после

его окончания в 1848 г. поступил в Вятскую духовную семинарию. В 1854 г. сын диакона Верещагина в числе трех лучших выпускников был направлен правлением семинарии на учебу «на казенный счет» в Казанскую духовную академию¹.

В аттестате, выданном ему в семинарии, указывалось: «Объявитель сего Александр Верещагин Вятской епархии города Уржума умершего дьякона Степана Верещагина сын, имеющий ныне от роду 19 лет, в сентябре 1848 г. из высшего отделения Нолинского духовного училища вступил в Вятскую духовную семинарию, обучался в ней, при поведении весьма честном и добром, способностях весьма хороших и прилежании весьма ревностном»².

*Александр Верещагин
в молодые годы. ЦГАКО*

В августе 1854 г. всем трем выпускникам, назначенным в академию, была выписана подорожная до Казани. Эконом семинарии закупил для юношей 99 аршин холста для белья, три шелковые косынки и три пары сапог. Согласно медицинскому освидетельствованию, перед отъездом в Казань Александр Верещагин был «телосложения от природы крепкого, болезней и недостатков телесных не имеет, умственные способности у него в здравом состоянии»³.

Казанская духовная академия была учреждена в соответствии с указами императора Павла I в 1797–1798 гг. на базе действовавшей в Казани духовной семинарии. Однако в 1818 г. «старая» КазДА была преобразована в семинарию с оставлением классов, соответствующих только семинарскому курсу.

В 1842 г. Святейший правительствующий Синод принял решение об открытии в Казани новой духовной академии, что предусматривалось уставом духовных училищ 1814 г. 8 ноября 1842 г. состоялось ее торжественное открытие. Первое время академия размещалась в стенах Спасо-Преображенского монастыря в Кремле, а в 1844 г. она переехала в съемные помещения Казанского подворья на улице Большая Проломная⁴.

В 1845–1848 гг. в Казани на Арском поле по проекту архитектора А. И. Песке был возведен главный трехэтажный корпус академии⁵. В том внушительном каменном здании разместились домовая церковь во имя архангела Михаила, учебные аудитории, общежитие, столовая и кухня. На территории большого по площади квартала был разбит сад, построены деревянный корпус больницы и дома с квартирами служителей⁶. Ныне в бывшем главном корпусе академии находится городская клиническая больница № 6 по адресу: ул. Николая Ершова, 27.

В 1850–1860-е гг. в Казанской духовной академии зародились три основных направления научной деятельности, впоследствии определившие ее самобытность: миссионерское, филологическое и историческое⁸. Кроме того, помимо обучения студентов, академия осуществляла контроль над всеми низшими и средними религиозными учебными заведениями от Нижнего Новгорода до Кавказа, включая и Сибирь⁹.

Приемные экзамены для поступающих в академию семинаристов поначалу были очень долгими, взыскательными и нелегкими. Они шли по всем предметам семинарского курса, вплоть до медицины и сельского хозяйства, и производились медленно и внимательно¹⁰. 20 января 1854 г. ректором Казанской духовной академии назначен архимандрит Агафангел (Соловьев)¹¹. Новый ректор старался щадить здоровье молодых людей, и при нем приемные экзамены стали несравненно легче.

Они продолжались всего два часа в день, ответы студентов сокращались до минимума, а оценки ставились высокие¹².

Поступивших студентов академия одевала за свой счет. Согласно документам из Национального архива Республики Татарстан, в сентябре 1854 г. правление академии закупило у казанского купца Николая Урванцева черные и серые ткани, а также пуговицы, чтобы пошить сюртучные пары и шинели для 27 студентов, только что поступивших на 6-й курс. Кроме того, у того же купца Урванцева еще в мае были приобретены сукно, трик и коленкор для пошива фраков, жилетов и брюк студентам высшего отделения¹³.

Осенью 1854 г. для Александра Верещагина и его сокурсников начались учебные занятия. Они состояли в слушании лекций по общеобразовательным предметам и в разных учебных работах. По словам историка академии П. В. Знаменского, наиболее любимыми для юношей были лекции по истории, математике, физике и философии. Многие из студентов «становились усердными поклонниками точных наук и вели бесконечные споры с философами и историками», которые служили «главным средством к саморазвитию и вырабатывали среди них

гибкие, изворотливые и крепкие умы, способные к серьезной работе над всяким попавшимся им потом научным материалом.

Более серьезными были домашние занятия сочинениями, за которыми некоторые ретивые молодые люди расстраивали даже здоровье. За недостатком библиотеки, впрочем, и эти занятия носили преимущественно теоретический характер. Сочинения задавались часто и писались очень пространно, так что на них уходило почти все внеклассное время студента; некоторые представляли преподавателям еще значительное число своих добровольных работ¹⁴.

Все оставшееся от письменных работ время уходило на

*Агафангел (Соловьев), епископ
Вятский. Литография П. Бореля.
1860 г. ГИМ*

Казань. Духовная академия. Открытка начала XX в.

всепоглощающее чтение, чему немало способствовала академическая библиотека. Плоды домашних занятий и запойного чтения умножались взаимным обменом идей и мыслей среди сплоченного сообщества студентов¹⁵.

Александр Верецагин учился на миссионерском чувашско-черемисском отделении. По итогам «сентябрьской трети 1854 года» к декабрю он показал «очень хорошие» успехи. Кроме наречий местных народов, он также изучал греческий, латинский и французский языки¹⁶.

В декабре 1854 г. в академии в течение недели проходила экзаменационная сессия, которая именовалась тогда «внутренними испытаниями». «По классу философских наук» и «общей гражданской истории» и другим предметам Верецагин был удостоен такой лестной оценки: «...при способностях хороших, прилежании усердном ... успехи хорошие». По итогам «испытаний» ректор архимандрит Агафангел и правление академии объявили «одобрение отлично успевшим студентам». В том числе и Александру Степановичу – «в предметах и языках черемисо-чувашского отделения». Также он вошел во второй разряд студентов 6-го курса¹⁶.

В июне 1855 г. проходили очередные «испытания» для воспитанников академии. 21 июня в «докладной записке» ректора снова выражено

«одобрение» Верещагину как «отлично успешному студенту» в «предметах черемисо-чувашского отделения». По остальным предметам у него везде стоят оценки «хорошо», «довольно хорошо» и «очень хорошо». Вятчанин вошел в список студентов, показавших «прилежание и успехи хорошие»¹⁸.

Летом пришло время «вакаций» – тогда так именовали каникулы. 22 июня студент Верещагин подал руководству академии прошение:

«Наступающее вакационное время я имею нужду провести в Вятской губернии, Нолинского уезда, в селе Ильинском у брата моего священника Николая Верещагина, по сему покорнейше прошу Правление Академии выдать мне билет для поездок в означенное место». И получил «билет» за номером 39319.

Перед отъездом он получил записки от библиотекаря, что им все «книги возвращены» и от эконома академии, что «за студентом Академии Александром Верещагиным никаких казенных вещей не состоит». 11 августа на обороте его «билета» священник села Нижне-Ильинского Иоанн Стефанов засвидетельствовал: «Студент Александр Верещагин вакационное время проводил в доме брата своего ... священника Николая Верещагина благоприлично»²⁰.

После вакаций продолжилась напряженная учеба. Еще в марте 1855 г. студент Верещагин попал на пять дней в больницу академии, заболев «простудною лихорадкою». 10 ноября того же года, согласно ведомостям врача, Александр Степанович снова поступил в больницу с тем же диагнозом и находился там довольно долго – до 22 ноября²¹.

В декабре 1855 г. прошли очередные «испытания» для студентов Казанской духовной академии. И вновь студент Верещагин получил почти по всем предметам оценки «очень хорошо», «довольно хорошо», «весьма хорошо» и «хорошо». По «классу всеобщей гражданской истории» и «русской гражданской истории» оценка достижений вятского юноши звучит так: «...при способностях весьма хороших, прилежании очень ревностном» оказал «успехи весьма хорошие»²².

10 апреля 1856 г. Александр Верещагин снова попал в больницу академии с «простудной лихорадкою»²³. 13 апреля инспектор академии архимандрит Федор подал архиепископу Казанскому и Свяязскому такой рапорт: «...с 6 по 13 сего апреля в академии все состояло благополучно. Студенты вели себя благонаравно и после надлежащего приготовления к исповеди приобщились Св. Тайн 12 числа. В больнице шестеро. Врач посещает больницу четыре раза в неделю». В приложенном к рапорту

списку больных студентов числится и фамилия Верещагина²⁴. Но уже в середине мая Александр, поборовший свою болезнь, уже находился в числе студентов, приобщившихся «Св. Христовых тайн» в церкви академии в седмицы в неделю великого поста²⁵.

После благополучного окончания учебного года студент Верещагин перешел в высшее отделение 6-го курса. Летом 1856 г. и 1857 г. он снова, получив «билет» на проезд, отправился к своему брату Николаю, который теперь служил в церкви села Васильевского Нолинского уезда²⁶.

На экзаменационной сессии 1856 г. Александр Степанович стабильно продолжал получать по всем предметам такие оценки: «хорошо», «довольно хорошо», «очень хорошо»²⁷.

В июне 1858 г. студент Верещагин успешно окончил курс Казанской духовной академии и получил степень кандидата богословия. 1 сентября того же года он был утвержден в этой степени²⁸. Но еще 30 июня Александр Степанович обратился с таким прошением: «Покорнейше прошу Правление Академии уволить меня – до дальнейших распоряжений обо мне начальства – в дом брата Вятской губернии Нолинского уезда села Васильевского священника Николая Верещагина и выдать мне на проезд билет».

Получив необходимые расписки от библиотекаря и эконома академии, Верещагин отправился к брату²⁹. Но к осени он возвратился в Казань. 18 августа 1858 г. Святейший Синод постановил сделать распоряжение о распределении выпускников Казанской духовной академии по имеющимся вакансиям по Казанскому духовно-учебному округу. Александр Верещагин и пять его бывших однокурсников получили назначение в Самарскую семинарию. Вятчанин был определен на место «наставника Всеобщей истории и соединенных предметов».

Тем же распоряжением Св. Синод предписал выдать выпускникам академии из духовно-учебных капиталов «прогонные деньги по положению» (т. е. на дорогу) и по 50 рублей серебром каждому на «первоначальное обзаведение». Согласно этому предписанию, Верещагин на «прогоны» до Самары с товарищами получил по 12 руб. 75 $\frac{3}{4}$ коп. и 50 руб. – на «обзаведение»³⁰.

Так завершился казанский период жизни молодого учителя. Без сомнения, Казанская духовная академия дала Александру Верещагину многое. Именно в академии окончательно укрепился его интерес к истории и вкус к научному поиску. Из ее стен он вышел настоящим ученым с солидным багажом знаний, владея необходимым опытом по

сбору необходимых сведений, методикой анализа и обобщения полученных данных.

После безвременной кончины Александра Верещагина, последовавшей спустя много лет 5 декабря 1908 г., друзья и коллеги по основанной им Вятской ученой архивной комиссии так подвели итог всех его трудов и достижений: «Покойный всю свою жизнь посвятил изучению истории родного края и своими трудами по истории Вятки пролил некоторый свет на то темное прошлое ее... Собирая в течении сорока лет исторические материалы, касающиеся Вятки, покойный обладал в этом отношении неисчерпаемыми знаниями и примерным трудолюбием... Строго преследуя цель изучения истории родного края, он справедливо мог быть назван “летописцем” Вятки...»³¹.

Примечания

¹ Шубин А. Александр Степанович Верещагин (Некролог) // Вятские епархиальные ведомости. 1909. (№ 1, отд. неофиц.). С. 14 ; Бердинских В. А. Вятские истории. Ремесло истории в России. Киров, 2007. С. 28–30.

² Бердинских В. А. Указ. соч. С. 30 ; ЦГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 821. Л. 23.

³ Бердинских В. А. Указ. соч. С. 30 ; ЦГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 821. Л. 17.

⁴ Православная Энциклопедия. Казанская духовная академия : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319800.html> (дата обращения: 17.10.2024).

⁵ Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001. С. 199.

⁶ Православная Энциклопедия. Казанская духовная академия...

⁷ Бикбулатов Р., Мустафин Р. Указ. соч.

⁸ Православная Энциклопедия. Казанская духовная академия...

⁹ Бикбулатов Р., Мустафин Р. Указ. соч.

¹⁰ Знаменский П. В. Из жизни Казанской духовной академии // Семинарский вестник (Казань). 2003. № 2 (8). Июнь. С. 20.

¹¹ Православная Энциклопедия. Агафангел (Соловьев) : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63204.html> (дата обращения: 17.10.2024).

¹² Знаменский П. В. Указ. соч. С. 20.

¹³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1362. Л. 18, 19, 115, 116.

¹⁴ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 20, 39, 41, 42.

¹⁷ Там же. Л. 6–6 об., 7 об., 15 об. – 16, 29, 30, 31, 33, 34, 37 об. ; Там же. Д. 1481. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 1433. Л. 14–14 об., 24, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 40.

¹⁹ Там же. Д. 1408. Л. 60–60 об.

²⁰ Там же. Л. 61, 62, 136–136 об.

- ²¹ Там же. Д. 1390.
- ²² Там же. Д. 1439. Л. 14 об. – 15, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 42, 44.
- ²³ Там же. Д. 1488. Л. 8, 9.
- ²⁴ Там же. Д. 1546. Л. 13–13 об.
- ²⁵ Там же. Д. 1548. Л. 1, 3.
- ²⁶ Там же. Д. 1503. Л. 25, 26, 27, 43, 57, 60 ; Там же. Д. 1633. Л. 3, 4, 5, 120–120 об.
- ²⁷ Там же. Д. 1545. Л. 11 об. – 12, 18 об., 21, 23, 24, 25 об., 26, 27, 28, 29, 30 об.
- ²⁸ Выпускники Казанской духовной академии 1846–1920 гг. : [Электронный ресурс]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kazda.html> (дата обращения: 17.10.2024).
- ²⁹ НА РГ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1733. Л. 41, 42, 43, 54.
- ³⁰ Там же. Д. 1747. Л. 1–2, 4 об., 6 об., 41 об.
- ³¹ От редакции // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 1. С. 1.

Роль духовенства в деятельности Вятской ученой архивной комиссии

Е. О. Виноградов

В современной науке хорошо известно о значении деятельности губернских ученых архивных комиссий и о том вкладе в науку и культуру России, который они внесли своими трудами. Большинство комиссий состояло из дворянства, духовенства и интеллигенции. Однако каждая ГУАК имела ту или иную специфику в зависимости от региона, и Вятская ГУАК не была исключением. Особенностью Вятской ГУАК являлся состав участников комиссии, большая часть которого, так или иначе, была связана с духовным сословием империи.

Плачевное состояние архивного дела в Российской империи к концу XIX в. вынудило власти искать способы решения этого вопроса, и, начиная с 1884 г., дело сдвинулось с мертвой точки. 13 апреля 1884 г. высочайше было утверждено «Положение об учреждении ученых архивных комиссий и губернских исторических обществ»¹. Интеллигенция империи активно включилась в деятельность по исследованию локальной истории, в этом смысле Вятская губерния не стала исключением. Правда, создание ВУАК произошло несколько позднее, а именно 28 ноября 1904 г. с торжественного открытия².

Учредителями ВУАК были члены губернского статистического комитета Н. Спасский и А. Верецагин, член Пермской архивной комиссии протоиерей И. Осокин, два действительных члена Санкт-Петербургского археологического института Н. Попов и Л. Софийский и преподаватель Вятского духовного училища М. Решетников³.

С самого основания комиссии в ее составе были представители духовенства Вятской епархии. Состав ВУАК год от года менялся, и количество членов комиссии тоже не было одинаковым, оно составляло от 88 до 121 чел. в разные годы, но представители духовенства в комиссии были всегда⁴. В 1915 г. из 89 членов ВУАК представителей духовенства было 12 чел., то есть 13 процентов, из которых только трое принимали непосредственное участие в деятельности комиссии⁵. Если посмотреть список членов ВУАК, проживавших в городе Вятке, то получится, что число представителей духовного сословия доходило до 30 процентов⁶. Можно с полной уверенностью сказать, что влияние духовного сословия на деятельность ВУАК этим не ограничивалось. Если принять во внимание тот факт, что значительная часть действующих членов хоть и не была в сане, тем не менее происходила из древнейших священнических родов Вятской земли, то станет понятно, что влияние духовного сословия на мировоззрение и деятельность комиссии было огромно. Назовем лишь некоторых из них.

Николай Александрович Спасский (1846–1920) – сын вятского чиновника, один из организаторов и бессменных работников Вятского статистического комитета и ВУАК. Под его редакцией вышло 36 томов «Календаря и памятной книжки Вятской губернии» и 31 том «Трудов ВУАК». Выходец из священнического рода Спасских, который известен на Вятке с середины XVIII в. Предки Николая Александровича происходили из духовенства города Елабуги⁷.

Александр Степанович Верецагин (1835–1908) также происходил из духовного звания. Сын диакона города Уржума, окончил Нолинское духовное училище, Вятскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию. С 28 ноября 1904 г. – товарищ председателя ВУАК и редактор «Трудов»⁸.

Иван Михайлович Осокин (1864–1921) – сын псаломщика села Верхошижемского Орловского уезда, окончил Вятскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию, протоиерей Воскресенского собора города Вятки⁹. Автор более 120 работ по истории Вятского края и исследователь жизни и трудов преподобного Трифона Вятского.

Павел Николаевич Луппов (1867–1949) родился в семье псаломщика села Усть-Чепецкое Вятского уезда, получил классическое церковное образование, как и большинство церковников того времени. Окончил в Вятке духовное училище и семинарию, а затем продолжил свое образование в Казанской и Московской духовных академиях¹⁰. Знаток истории Вятского края и автор истории удмуртского народа, множества статей и монографий, доктор исторических наук (1944).

Николай Николаевич Блинов (1839–1917) – священник, сын причетника села Зашижемского Орловского уезда Вятской губернии¹¹. Окончил духовное училище и семинарию в Вятке, а затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Педагог-новатор, историк, краевед, этнограф.

Леонид Иванович Софийский (1877–1933) – сын священника села Урень Костромской губернии. Окончил духовное училище и духовную семинарию в Костроме и Санкт-Петербургскую духовную академию. Сан принимать не стал. Историк Вятки и Пскова, основатель ВУАК и член Псковского археологического общества¹².

Иоанн Яковлевич Сырцов (1839–1919) – протоиерей, сын солдата починка Савинский Вятского уезда Вятской губернии. Окончил Архангельскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, настоятель Стефановской церкви г. Вятки¹³. Историк Соловецких островов, Костромы и Вятки, заведующий Трифоновским церковно-археологическим музеем.

Кроме основных акторов, было множество участников ВУАК – вятские преосвященные Алексей (Опоцкий) и Никон (Софийский), Филарет (Никольский) и Никандр (Феноменов), Глазовский викарий епископ Павел (Поспелов). Непосредственное участие в работе комиссии принимал цвет вятского духовенства – «летописец г. Слободского» протоиерей Андрей Алексеевич Замятин, ключарь Кафедрального собора г. Вятки протоиерей-мученик Алексей Степанович Израилев, протоиерей Кафедрального собора Валентин Васильевич Раевский. Чиновники, которые вышли из духовного сословия после окончания Вятской семинарии – городской голова Аркадий Михайлович Васнецов, Михаил Константинович Селивановский. В постоянные члены комиссии включались и другие менее известные представители духовенства и выходцы из духовного сословия. Обычно это были преподаватели Вятской семинарии, духовного училища и других учебных заведений Вятского края, такие как Н. П. Кибардин, В. К. Смиренномудров,

Д. М. Попов, Н. И. Янусов, известный преподаватель-революционер А. А. Рукин. Выходцем из духовного сословия был историк вятских церквей и духовенства Василий Иванович Шабалин.

В действительных членах комиссии было немало приходского духовенства, например, священник-миссионер села Порез Глазовского уезда Даниил Константинович Шерстенников, отец Николай Кибардин, отец Иоанн Филипьев и др. Сельские священники собирали на местах немало ценной информации, готовили исследования по истории сел, историко-статистические описания церквей, описание некрополей, описывали древности, писали исследования о известных людях Вятского края, при нахождении кладов, передавали их в ВУАК¹⁴. Священники жертвовали редкие книги из собственных библиотек или копировали древние документы из библиотек церковных. Кроме этого, видные представители духовенства жертвовали свои архивы. Так, например, часть архива известнейшего в XIX в. протоиерея Кафедрального собора г. Вятки Азария Тимофеевича Шиллегодского на хранение в ВУАК передали его родственники¹⁵.

Вопрос содержания ВУАК был одним из главных на протяжении всего времени работы комиссии. Духовенство подписывалось на издание трудов комиссии, тем самым поддерживая ее материально. Подписка на «Труды ВУАК» была отнюдь не дешевой и составляла 5 руб. в год¹⁶. Сообщения о подписке регулярно публиковались в «Вятских епархиальных ведомостях» и «Вятском вестнике».

Среди почетных членов ВУАК было немало известных личностей, связанных с Вяткой происхождением и учебой, таких как выпускник Вятской семинарии, член Санкт-Петербургского археологического института Борис Васильевич Титлинов, выпускник Вятской семинарии, кандидат богословия, член Императорского географического общества Иван Николаевич Сырнев и др.

На заседаниях обычно присутствовали постоянные члены и два-три человека посторонних лиц, приходивших на собрания по билетам, так как библиотечный зал для публики был явно маловат¹⁷. Заседания проходили вечером с 7 часов и затягивались иногда до полуночи, что, учитывая преклонный возраст участников, было непросто. Но, несмотря на различные трудности, ВУАК просуществовала до 1920 г., когда была преобразована в Вятское историческое общество, а итогом ее работы стали 46 томов «Трудов Вятской ученой архивной комиссии».

Таким образом, можно констатировать, что основной движущей силой в изучении вятской истории в дореволюционный период были лица духовного звания и выходцы из духовенства Вятской и других епархий. Именно им мы обязаны сохранению и публикации множества исторических документов и трудов по истории Вятского края в рамках деятельности Вятской губернской ученой архивной комиссии.

Примечания

¹ ПСЗ III. Т. IV. № 2149. С. 226.

² Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 г. Вятка, 1905. С. 163.

³ Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 3.

⁴ Вечтомова Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции в конце XIX – начале XX в. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 2007. С. 49.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Пентина Н. Б. О связях старинных вятских семей Рязанцевых, Арбузовых, Васнецовых и Спасских // Герценка : Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002. С. 144.

⁸ Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. Вып. I. Вятка, 1909. Отд. I. С. 6.

⁹ Маркелов А. В. Протоиерей Иоанн Осокин – сотрудник исторического архива при Вятской публичной библиотеке в 1918–1919 гг. // Библиотека в современном социокультурном пространстве региона : материалы науч.-практ. конф. (Киров, 14–15 дек 2017 г.). Киров, 2017. С. 168.

¹⁰ Павел Николаевич Луппов. Библиографический указатель / сост. Г. Ф. Чудова. Устинов, 1985. С. 7.

¹¹ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 1278. Л. 106. Метрическая книга церкви Спаса Преображения с. Зашижемского Яранской окр. сл. Кукарки Вятской губ. 1839 г.

¹² Софийский Леонид Иванович // У истоков псковского краеведения (XVIII – начало XX в.) : Библиограф. рек. указ. лит. Вып. 1. Псков, 2002. С. 50–51.

¹³ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 292. Л. 2 об.

¹⁴ Журнал 16 заседаний ВУАК. 8 июля 1905 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. IV. Вятка, 1905. Отд. I. С. 126.

¹⁵ Журнал 47 заседаний ВУАК. 9 ноября 1906 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. Вып. III–IV. Вятка, 1906. Отд. I. С. 6.

¹⁶ Журнал 29 заседаний ВУАК. 22 декабря 1905 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. I–II. Вятка, 1906. Отд. I. С. 3.

¹⁷ Журнал 2 заседаний ВУАК. 21 декабря 1904 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 46.

Значение трудов Вятской ученой архивной комиссии в сохранении памяти о протоиерее А. Т. Шиллегодском

Е. И. Горев

В 2024 г. исполняется 230 лет со дня рождения известного деятеля Вятской епархии, протоиерея Троицкого кафедрального собора Азария Тимофеевича Шиллегодского (1794–1866). Еще в 1916 г. один из членов Вятской ученой архивной комиссии священник Н. В. Кибардин отметил: «Азарий Тимофеевич, как умный, просвещенный пастырь и духовник и выдающийся деятель, имел большое влияние и значение в жизни епархии и вполне заслуживает глубокого и самого живейшего внимания местной истории»¹.

В данной статье мы не будем касаться подробностей биографии А. Т. Шиллегодского, поскольку в 1915 г. она была опубликована в «Трудах ВУАК»². Основой «Биографической записки» о бывшем протоиерее Вятского кафедрального собора А. Т. Шиллегодском стала рукопись его зятя, протоиерея И. Ф. Фармаковского (1813–1873), который начал работу над ней еще в 1860-е гг., но полностью опубликовать не успел. В начале XX в. рукопись передана в ВУАК и перед публикацией была дополнена выписками из разных источников, служащих «прекрасной характеристикой отца Азария»³.

Однако памятью о протоиерее Азарии являются не только печатные публикации, но и два вещественных источника – экспонаты Кировского областного краеведческого музея им. П. В. Алабина. Музейным достоянием они стали благодаря Н. А. Спасскому (1846–1920), одному из инициаторов создания и председателя ВУАК. Кстати, Николай Александрович приходится внуком А. Т. Шиллегодскому⁴.

Один из экспонатов – это кабинетный портфель протоиерея Азария (КОМК 389). 26 сентября 1913 г. он был пожертвован Н. А. Спасским в существовавший в то время в г. Вятке Трифоновский церковно-археологический музей⁵. Этот музей был создан по инициативе ВУАК⁶.

На задней стороне портфеля сохранилась этикетка Трифоновского музея с текстом: «№ 207. Портфель столовый из кабинета кафедрального протоиерея Азария Тимофеевича Шиллегодского. Работа монахинь Вятского женского монастыря начала 50 год. XIX стол. Дар. Н. А. Спасского». Портфель представляет изящную ручную работу с использованием таких материалов, как дерево, бумага, фольга, жест, бархат, тюль, хлопчатобумажная ткань и стекло. В советские годы, после лик-

*Картина «Проводы из Вятки зимою 1832 года
Высокопреосвященнейшего Кирилла»*

видации Трифионовского музея, часть его экспонатов, в том числе портфель, оказались в фондах краеведческого музея.

Второй экспонат – картина (КОМК 6093). Ее описание помещено в каталоге Трифионовского музея, опубликованном в 1914 г. в «Трудах ВУАК»: «Картина художественного письма, в хорошей рамке, мерою 5 x 4 четв., представляющая проводы из Вятки, зимою 1832 г. Высокопреосвященнейшего Кирилла. Кирилл на границе Вятской губернии, вышедши из экипажа, одетый в шубу на распашку, прощается с провожавшим его вятским соборным духовенством, во главе с о. протоиереем Азарием, и, обратившись в сторону Вятки, благословляет Вятскую страну. От Н. А. Спасского»⁷.

Еще некоторые подробности о картине содержатся в упомянутой выше «Биографической записке» о А. Т. Шиллегодском. В редакционном примечании уточняется: «В числе провожающих нарисован (точный портрет) и отец Азарий с муфтою в руках, какие носили тогда в холод духовные лица. Картина эта принадлежала отцу Азарию и вместе с рамкою того времени пожертвована родственниками в музей»⁸.

К нашему времени картина утратила раму и представляет картонное полотно размером 57x75,5 см. В правом нижнем углу заметны

плохо читаемые надписи, сделанные, скорее всего, самим художником. На обороте имеется надпись советского периода, которая уточняет, что действие картины – благословение епископа Кирилла Вятской земли на ее границе, происходит, «очевидно, у дер. Вязовки бывш. Кундышской волости Яранского уезда».

Особую ценность имеет наличие на картине изображения А. Т. Шиллегодского и более того, как выясняется, его «точного портрета» в возрасте 37 лет. Уникальность этого еще и в том, что протоиерей Азарий – представитель первой половины и середины XIX в., поэтому его изображения редки, а в начале XX в. они вообще считались утраченными. Например, в 1916 г. священник Н. В. Кибардин сожалел, что к биографии отца Азария не прилагается его портрета, который «не однократно мы видали еще в детстве в домах своих родителей»⁹.

Тем не менее один из фотоснимков А. Т. Шиллегодского, датированный 1860 г., сохранился до нашего времени и находится в собрании Ульяновского краеведческого музея имени И. А. Гончарова (УКМ 31479). В этом же музее хранятся фотографии семьи протоиерея И. Ф. Фармаковского. Это не случайно, поскольку Фармаковские имели непосредственную связь с Симбирском (ныне Ульяновск). В 1877–1881 гг. В. И. Фармаковский (внук протоиерея Азария) работал инспектором народных училищ в Симбирской губернии¹⁰. А бывший дом Фармаковских в Ульяновске в настоящее время является объектом культурного наследия регионального значения¹¹. Память о вятских уроженцах в этом городе жива до сих пор, чем и объясняется наличие в местном музее фотографий протоиерея А. Т. Шиллегодского и Фармаковских.

Вернемся к картине «Проводы Высокопреосвященнейшего Кирилла». На первый взгляд, ее сюжет может показаться рядовым событием. Однако после ознакомления с «Биографической запиской» об А. Т. Шиллегодском раскрывается ее глубинный смысл и судьба протоиерея Азария. Дело в том, что Кирилл (Платонов), епископ Вятский и Слободской (1827–1832) и отец Азарий были очень близкими друзьями не только по долгу службы, но и в повседневности. Именно владыка Кирилл рукоположил Азария Тимофеевича в священный сан, и тот стал первым помощником архиерея по делам духовного ведомства. Разумеется, что перевод Кирилла на другую кафедру для обоих друзей явился непростым испытанием, а протоиерея Азария и вовсе постигла тяжелая болезнь. «Болезнь эта произвела решительный переворот в жизни А. Т-ча», – писал автор его биографии¹². Автор не указывал конкретную

причину болезни священнослужителя, но, по всей видимости, она возникла из-за простуды и стресса. В период с 1 по 6 марта 1832 г. протоиерей Азарий провожал архиепископа Кирилла до Казани, «а 9 марта А. Т-ч простился навсегда со своим благодетелем и отцем, преосвященным Кириллом. <...> Из Казани возвратился А. Т-ч 15 марта, и с этого времени стал заметно расстраиваться в здоровье»¹³. Болезнь длилась несколько месяцев, отец Азарий не мог служить, его мучили сильный кашель, боли в легких, временами казалось, что человек находился при смерти. Однако после этой тяжелой болезни протоиерей Азарий прожил еще 34 года и скончался в возрасте 72 лет.

Данная информация позволяет лучше понять анализируемую картину и прояснить историю музейного экспоната. Становится понятно, что на полотне запечатлено событие 1832 г., которое как бы делит жизнь А. Т. Шиллегодского на две части: до болезни и после нее. Причем автор его биографии также выделял в ней период жизни священнослужителя до 1832 г. и после.

Между тем «Биографическая записка» – не единственная публикация в «Трудах ВУАК», которая знакомит с личностью протоиерея Азария. Отдельного внимания заслуживают опубликованные там же письма духовных лиц, адресованные этому священнослужителю. Относительно данной переписки приведем слова вятского историка А. С. Верещагина (1835–1908): «А. Т. Шиллегодский был другом и любимцем одного из лучших и наиболее памятных Вятке архиереев, преосв. Кирилла Платонова (1827–1832) и правою рукою преосв. Неофита Соснина (1838–1851), с которыми по отъезде их из Вятки вел постоянно самую дружескую <...> переписку до конца их жизни, не редко получая от последнего просьбы о “совете”. <...> близкие и дружеские отношения он имел и к преосвященным Вятскому Иоанникию Образцову (1832–1835) и Черниговскому Варлааму Денисову, с которыми имел тоже частую и откровенную переписку»¹⁴.

Именно А. С. Верещагин первым проявил интерес к письмам А. Т. Шиллегодского как историческому источнику, а став редактором «Трудов ВУАК» способствовал их публикации. В 1872–1875 гг. ему довелось проживать в одной квартире с вдовой протоиерея Азария Елизаветой Гавриловной и услышать от нее немало рассказов о вятской старине и с ее позволения прочитав массу писем к ее мужу, а с более замечательных из них – снять копии¹⁵. Именно с этих копий в 1905–1909 гг. и с позволения сына протоиерея Азария В. А. Шиллегодского делались публикации в «Трудах ВУАК».

В 1905 г. было опубликовано семь писем архимандрита Никодима (Казанцева) (1803–1874), который в 1835 г. был назначен на должность ректора Вятской духовной семинарии и настоятеля Трифонова монастыря. Его письма датируются 1837–1841 гг., когда он проживал в Санкт-Петербурге, занимаясь там вопросами духовного образования¹⁶. Стоит отметить, что оригиналы копий этих писем сохранились до наших дней в Центральном государственном архиве Кировской области в фонде Е. Д. Петряева (1913–1987). Правда, из семи писем утрачены два: от 26 июля 1837 г. и от 21 августа 1840 г.¹⁷

В 1906 г. в двух выпусках «Трудов ВУАК» опубликовано 36 писем архиепископа Подольского и Брацлавского Кирилла (1788–1841), бывшего Вятского преосвященного. Письма датируются 1834–1841 гг.¹⁸

В 1907–1909 гг. публиковались письма (в количестве 81) епископа (с 1854 г. – архиепископа) Пермского и Верхотурского Неофита (1794–1868), бывшего Вятского преосвященного. Его письма датируются 1851–1865 гг.¹⁹

Таким образом, ВУАК сыграла огромную роль в сохранении памяти о выдающемся вятском священнослужителе А. Т. Шиллегодском. Благодаря публикации в «Трудах ВУАК» биографии и писем, адресованных протоиерею Азарию, эти уникальные письменные источники удалось сохранить и сделать их доступными для широкой аудитории, в том числе для современных читателей и исследователей. Через эти материалы раскрывается яркая личность священнослужителя. В Кировском областном краеведческом музее им. П. В. Алабина сохранились его личные вещи (портфель и картина), которые стали музейным достоянием благодаря председателю ВУАК Н. А. Спасскому. А смысл и значение этих экспонатов раскрываются благодаря трудам ВУАК.

Примечания

¹ Вятские епархиальные ведомости. 1916. № 14, отд. неофиц. С. 443.

² Азарий Тимофеевич Шиллегодский, бывший протоиерей Вятского кафедрального собора. Биографическая записка. Сост. протоиерей Игнатий Фармаковский // ТВУАК. 1915. Вып. II–III. Отд. III. С. I–XIV; 1–98.

³ Там же. С. V.

⁴ Любимов В. А. Вятские священно- и церковнослужительские и чиновнические фамилии, предки историка и статистика Н. А. Спасского, археолога Б. В. Фармаковского // Спасские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящен. 165-летию со дня рождения Н. А. Спасского (Киров, 22–23 нояб. 2011 г.). Киров, 2012. С. 31–32.

⁵ О поступлении пожертвований в Вятский Трифоновский церковно-археологический музей с 23 августа по 26 сентября 1913 года // ТВУАК. 1914. Вып. I. Отд. I. С. 19.

⁶ Осокин И. Открытие Трифоновского церковно-археологического музея // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 41, отд. неофиц. С. 1040.

⁷ Каталог памятников церковной и частью народной старины Вятского края, имеющихся в Трифоновском церковно-археологическом музее // ТВУАК. 1914. Вып. II–III. Отд. I. С. 45–46.

⁸ Азарий Тимофеевич Шиллегодский... Биографическая записка... С. VIII–IX.

⁹ Вятские епархиальные ведомости. 1916. № 14, отд. неофиц. С. 445.

¹⁰ Помелов В. Б. Фармаковские – Синцовы – Бараковы... (К 170-летию со дня рождения В. И. Фармаковского) // Герценка : Вятские записки. Вып. 24. Киров, 2013. С. 112–115.

¹¹ «Бывший дом Фармаковских» 2-я пол. XIX в., г. Ульяновск, ул. Красноармейская, 42 // Управление по охране объектов культурного наследия администрации Губернатора Ульяновской области : [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie73.ulgov.ru/about/2087/2364.html> (дата обращения: 12.09.24).

¹² Азарий Тимофеевич Шиллегодский... Биографическая записка... С. 52.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Верещагин А. С. Редкий масон на Вятке тридцатых годов // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898. С. 355.

¹⁵ Письма архимандрита Никодима Казанцева к кафедральному протоиерею А. Т. Шиллегодскому // ТВУАК. 1905. Вып. II. Отд. III. С. 62–63.

¹⁶ Там же. С. 61–74.

¹⁷ ЦГАКО. Ф. Р-139. Оп. 8. Д. 88.

¹⁸ Из писем преосв. Кирилла к протоиерею А. Т. Шиллегодскому // ТВУАК. 1906. Вып. III–IV. Отд. III. С. 77–102 ; Вып. V–VI. Отд. III. С. 54–70.

¹⁹ Из пермских писем преосв. Неофита Соснина к протоиерею А. Т. Шиллегодскому // ТВУАК. 1907. Вып. I. Отд. III. С. 74–89 ; Вып. II. Отд. III. С. 63–79 ; Вып. III. Отд. III. С. 74–92 ; Вып. IV. Отд. III. С. 60–88. ТВУАК. 1908. Вып. I. Отд. III. С. 94–110. ТВУАК. 1909. Вып. I. Отд. III. С. 43–57 ; Вып. II–III. Отд. III. С. 116–131.

Из истории «Указателя содержания “Трудов Вятской ученой архивной комиссии”»

П. Н. Шарабаров

Среди вятских историков большой популярностью пользуется «Указатель содержания “Трудов Вятской ученой архивной комиссии”». 1905–

1917 гг.», изданный в Кирове в 1993 г.¹ Интересно, что указатель был составлен еще в 1976 г. библиографом Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена Г. Ф. Чудовой². К тому времени Гали Федоровна была крупным специалистом в области библиографии и краеведения, и деятельность Вятской ученой архивной комиссии занимала в ее историко-библиографических исследованиях немалое место³.

Однако указатель вышел лишь через 17 лет после его доработки другим крупным библиографом В. Н. Колупаевой уже под двойным авторством – Гали Федоровны и Валерии Николаевны. Научным редактором издания выступил кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина В. В. Низов, написавший обстоятельное предисловие.

Указатель раскрывает содержание «Трудов» за все годы их издания: сведения о помещенных в них исторических источниках, а также относящихся к ним статьях, предисловиях, статьях по истории Вятского края, материалы о деятельности ВУАК; содержит справочный аппарат.

Надо отметить, что в 1993 г. издание было опубликовано в довольно усеченном виде. В предисловии от составителей указывалось, что «при подготовке его к печати с целью уменьшения объема сделаны сокращения в аннотациях, исключены справочные сведения в Именном указателе, сведения об информативных и рецензиях на выпуски “Трудов”, список отдельных изданий и оттисков материалов, опубликованных в “Трудах”».

Полная машинописная рукопись работы Г. Ф. Чудовой хранится в документальном фонде отдела краеведческой литературы⁴. Обратимся к неизданным фрагментам указателя.

Исключительный интерес представляет авторское предисловие Г. Ф. Чудовой. В нем Гали Федоровна дает краткую историю возникновения губернских ученых архивных комиссий в России в целом и на Вятке в частности. Подчеркивалось, что «вятские краеведы долго добивались решения вопроса об учреждении архивной комиссии в Вятке. На их пути стояли многие бюрократические рогадки. Наконец, в 1903 году они добились поддержки губернатора П. Ф. Хомутова. Он повлиял на губернское земство и городскую управу, чтобы архивной комиссии были выделены некоторые, хоть и очень скромные, средства. Нашлось и помещение для работы комиссии».

Высоко оценивалась исследовательская деятельность ведущих членов ВУАК: А. С. Верещагина, А. А. Спицына, Н. А. Спасского, Д. К. Зеленина, П. Н. Луппова и др.

Гали Федоровна особо подчеркивала важность работ А. С. Верещагина: «В годы его редакторской работы “Труды” особенно интересны и ценны по своим материалам. Благодаря глубокому знанию исторических источников А. С. Верещагин сумел опубликовать в “Трудах” много нужных историкам материалов по истории Вятки и вятских городов, <...> важных для изучения Вятского края XVII века. А. С. Верещагин много работал над источниками по истории просвещения и образования в Вятке XVIII века, в особенности по истории Вятской духовной семинарии. Им было помещено в “Трудах” большое количество интересных документов по этим вопросам, причем он снабжал их своими комментариями, также представляющими большой интерес».

В духе своего времени Г. Ф. Чудова довольно скептически оценивала необходимость создания Трифоновского церковно-археологического музея, отмечая, что «архивная комиссия вынуждена была согласиться» на участие в его организации. В то же время автор признавал, что многие из церковных «документов имеют значение для изучения Вятского края» – документы о монастырских владениях, о деятельности вятских епископов XVII–XVIII веков, о времени строительства церквей.

Наконец, самым главным достоинством ТВУАК называется «публикация в них подлинных старинных архивных документов и письменных памятников <...> В “Трудах” имеются документы, относящиеся к экономической истории края, к монастырскому землевладению и монастырской колонизации, материалы по истории народностей, заселявших край, документы о русификаторской политике царизма и христианизации края».

При изучении основного текста рукописи указателя в первую очередь обращают на себя внимание профессиональные аннотации к публикациям, в полной мере раскрывающие их содержание. Особенно важны пояснения к материалам со «слепыми» заголовками, в частности, журналам заседаний ВУАК. Так, из аннотаций к заседаниям от декабря 1904 г. – февраля 1905 г. мы узнаем, что на них обсуждались «сообщения о книгах, пожертвованных разными лицами и организациями в пользу комиссии. О начале издания “Трудов” комиссии, о материалах для публикации в “Трудах”. Зачисление ряда лиц в почетные члены ко-

миссии. Место работы комиссии – в Вятской публичной б[иблите]ке». А в сентябре – декабре 1908 г. обсуждался «реферат А. С. Верещагина об открытии 250 лет назад Вятской епархии. Информация о получении книг. Заседание 18 декабря – о кончине А. С. Верещагина и об увековечении его памяти. Вместо А. С. Верещагина товарищем председателя комиссии и редактором “Трудов” избран Н. А. Спасский. Назначена комиссия для разбора рукописного наследия А. С. Верещагина». Подобные сведения, несомненно, значительно облегчают работу с указателем и поиск нужной информации.

Неопубликованным осталась и библиография литературы о работе Вятской ученой архивной комиссии. В ней содержится указание, главным образом, на материалы, помещенные в местной периодике в начале XX в. – «Приложении к Вятским губернским ведомостям», «Вятских епархиальных ведомостях», «Вятской речи», «Вятском вестнике», «Северном слове». Здесь печатались заметки об открытии ВУАК, объявления о заседаниях комиссии, сведения о ее работе, сообщения о кончине членов общества и др.

Большой ценностью обладают сведения об информации и рецензиях на «Труды». Исходя из этого списка можно сделать вывод, что выпуск ТВУАК стал заметным событием в научной жизни России того времени. Положительные отзывы на вятские исследования публиковали такие солидные центральные издания, выходившие большими тиражами, как «Исторический вестник» и «Журнал министерства народного образования»; подобные же материалы выходили и в местных газетах⁵.

Интерес также представляет список книг, поступивших в архивную комиссию. Отчеты о новых поступлениях, как правило, помещались в «Трудах» ежегодно. Отдельно в первом выпуске «Трудов» за 1909 г. был опубликован «Список книг и рукописей из фондов умершего А. С. Верещагина».

Наконец, неопубликованным остался обширный «Список отдельных изданий документов и работ, опубликованных в “Трудах Вятской ученой архивной комиссии”». Перечень содержит 87 наименований документов по средневековой и новой истории Вятской земли (многочисленные акты и грамоты вятских церквей и монастырей, переписка выдающихся вятчан, материалы по переломным историческим периодам, документы о Хлынове/Вятке и др.), а также отдельных исследовательских работ членов комиссии (А. С. Верещагина, А. А. Игнатьева,

П. Н. Луппова, И. М. Осокина, М. Г. Сергиева, Л. Н. Спасской, Д. В. Фаворского, М. Г. Худякова, В. И. Шабалина и др.).

Остается только сожалеть, что в 1993 г., вероятно из-за недостатка средств, указатель не удалось опубликовать в полном объеме. Однако сохранение машинописной рукописи в отделе краеведческой литературы Герценки делает его неопубликованные части доступными для достаточно широкого круга исследователей.

Примечания

¹ Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905–1917 гг. / сост.: Г. Ф. Чудова, В. Н. Колупаева. Киров, 1993. 114 с.

² Г. Ф. Чудова упоминает составление содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» за 1905–1917 гг. как одно из направлений библиографической работы Герценки в 1970-е гг. в своем исследовании «Дорогами поиска». См.: Чудова Г. Ф. Дорогами поиска : очерки по истории краеведения Кировской области за 70 лет (1917–1987). Киров, 2023. С. 276.

³ В вышедших чуть позже ее «Очерках по истории краеведения Вятской губернии» целая глава была посвящена деятельности Вятской ученой архивной комиссии. В ней Гали Федоровна в целом высоко оценивала деятельность ВУАК по изучению исторического прошлого Вятского края, особенно отмечая деятельность «главных краеведов А. С. Верещагина и Н. А. Спасского», а также П. Н. Луппова, Д. К. Зеленина, Н. Н. Блинова, М. Г. Худякова, А. С. Лебедева, М. Г. Васильева, Л. Н. Спасской, Г. Е. Верещагина, П. И. Наумова, А. А. Замятина. При этом Г. Ф. Чудова подчеркивала, что «их труды далеко не равноценны, но каждый из них внес в развитие краеведения свой посильный вклад». См. *подробнее*: Чудова Г. Ф. В те далекие годы (Очерки по истории краеведения Вятской губернии). Киров, 1981. С. 101–120.

⁴ Чудова Г. Ф. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905–1917 гг. / Кировская областная библиотека имени А. И. Герцена. Краеведческий отдел. Киров, 1976. 240 с. // КОУНБ им. А. И. Герцена. Ф. Д. 951. П. 4. Машинопись.

⁵ См. также об этом: Шарабаров П. Н. Отражение деятельности Вятской ученой архивной комиссии в местной периодике и центральной научной печати (1904–1909) // Вятская земля в пространстве исторической памяти : (к 110-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Киров, 11 нояб. 2014 г. / сост. М. С. Судовиков. Киров, 2014. С. 20–33 ; Он же. Отражение деятельности Вятской ученой архивной комиссии в местной периодике и центральной научной печати (1910–1916 гг.) // Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 115-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 12 ноября 2019 г.) / сост. М. С. Судовиков. Киров, 2019. С. 6–16.

Малоизвестные факты деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии

В. В. Митрофанов

Открытие губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) в России – это реализация инициативы известного юриста, историка, археографа, много лет сотрудничавшего с Археографической комиссией, директора Петербургского археологического института, академика Н. В. Калачова. Она была поддержана императором Александром III, утвердившим 13 апреля 1884 г. Положение «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов», давшее начало новому движению провинциальных любителей истории, археологии, архивного дела.

Среди первых четырех ГУАК, открытых в качестве опыта 22 июня 1884 г., была Тверская¹. Через 20 лет подобная комиссия была создана и в Вятке². В комиссии потянулись равнодушные люди, выступавшие за сохранение памятников культуры, письменности, архивов в губернских и уездных городах. Приглашались и иногородние ученые, например, в члены (почетным, действительным, пожизненным) этих комиссий, как, впрочем, и еще полтора десятка других, был избран выдающийся отечественный историк и просветитель российской провинции С. Ф. Платонов: с 6 марта 1898 г. – член комиссии, а с 6 октября 1903 г. – почетный член Тверской; с 21 декабря 1904 г. – почетный член Вятской ГУАК.

История комиссий и их бесценный опыт работы в последние годы привлекает заинтересованных исследователей. Например, на Первом Международном историческом конгрессе, проходившем в Санкт-Петербурге с 29 октября по 3 ноября 2019 г., с докладами, посвященными архивным комиссиям и их деятелям, выступили исследователи Твери, Пензы, Саратова, Тамбова, Калуги, Курска, Тулы. Тематика докладов была разнообразной: «Место Пензенской губернской ученой архивной комиссии в провинциальном социокультурном пространстве» (В. И. Первушкин), «Роль Калужской ученой архивной комиссии в становлении архивного дела в губернии» (М. А. Добычина), «К вопросу об учреждении Курской губернской ученой архивной комиссии» (В. В. Раков), «Тульская губернская ученая архивная комиссия (1913–1918) и ее председатель В. С. Арсеньев в фондах Государственного

архива Тульской области» (И. А. Антонова)³. Пять лет назад проходила конференция, посвященная 115-летию открытия Вятской ГУАК⁴, и вот новое, можно сказать, событие, которое стоит только приветствовать. Вятские краеведы этим подтверждают преемственность поколений в краеведении.

Несмотря на публикации последних лет, в истории Тверской комиссии остается немало белых пятен. Например, как были проведены выборы председателя комиссии после смерти А. К. Жизневского, а возглавил ее губернатор П. Д. Ахлестышев – случай исключительный. Начальники губерний (губернаторы) были почетными попечителями комиссий.

Встреча и долгое знакомство, наставничество и даже покровительство А. К. Жизневского над И. А. Ивановым были судьбоносным явлением. Однако перевод второго по службе в Симбирск помешал ему принять комиссию сразу после ушедшего из жизни выдающегося краеведа.

С комиссией связан еще один-единственный в своем роде факт. В разные годы в ее состав вошли члены семьи И. А. Иванова: жена Мария Дмитриевна была избрана 27 февраля 1906 г.; старший сын Александр открыл клад домонгольского периода (примерно 1238 г.), который был передан в Эрмитаж (кстати, в устройстве этого содействовал С. Ф. Платонов), он же подготовил описание сокровищ и выступал в комиссии с докладами. 31 мая 1907 г. он стал членом комиссии, а на следующем заседании в члены комиссии была избрана дочь Прасковья. За устранение неточностей, допущенных В. А. Плетневым при составлении археологической карты губернии, другой сын, Николай, в 1912 г. был избран в состав краеведческого общества. Сыну Федору, как и его старшему брату, улыбнулась редкая удача – он стал обладателем вислой печати новгородского архиепископа Климента, пожертвованной им в дар комиссии. В знак признательности он также был избран в ее состав. Можно говорить, что ТГУАК стала семейным делом Ивановых.

Все указанные избрания зафиксированы в журналах комиссии, за исключением последнего. Об этом узнаем из письма И. А. Иванова, адресованного С. Ф. Платонову. Трудно сказать по какой причине протоколы заседаний комиссии после 1913 г. не опубликованы.

До сих пор не обнаружено достоверных сведений о закрытии Тверской ГУАК, хотя высказано немало предположений (Л. М. Сори́на, В. Н. Середа, О. В. Маркелова, В. Н. Штыков, В. В. Митрофанов) по этому крайне важному вопросу. В одном из писем И. А. Иванова,

адресованных С. Ф. Платонову, встречаем фразу: «Из учредительного о Гл[авном] архивн[ом] управлении декрета наша ком[иссия] вывела лишь то значение, что губ[ернские] уч[еные] арх[ивные] комиссии этим декретом ликвидированы, чем остановлена и наша текущая работа по рассмотрению описей архив[ных] делам, предназначенным правит[ельством] местами к уничтожению»⁵. Вероятно, отъезд председателя И. А. Иванова 17 (30) сентября 1918 г. на родину в село Трехбратское и стал окончанием ее работы, хотя отдельные редкие указания, но и не подтвержденные, на продолжение деятельности встречаются.

Возглавляя комиссию, И. А. Иванов не только ее «разбудил», но и предпринял ряд организационных мер, которые привлекли в ее состав цвет не только местной интеллигенции, но и самых авторитетных ученых и общественных деятелей империи. Известен факт, что она к 1900 г. стала самой «титулованной» (шесть князей, три графа, один барон)⁶. Быстро увеличивался ее состав, если в год основания было 37 членов, то уже в 1900 г. – 103, а 1903 г. – более 250 членов.

Но самое главное – комиссия проводила такую работу, которая оказывала заметное влияние на активизацию интереса к местной истории не только Тверского края, но и всего Поволжья. При этом приходится констатировать, что вниманием исследователей комиссия обойдена; например, по истории других были написаны диссертационные исследования (Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Вятской, Саратовской, Иркутской, Орловской, Тамбовской и др.).

Особо отметим, что среди иногородних членов комиссии самым деятельным являлся С. Ф. Платонов – важная страница в его просветительской работе и уникальный факт сотрудничества с провинциальными краеведами.

Самыми значимыми событиями, где участие комиссии трудно переоценить, были утверждение устава Тверского музея, выделение для него помещений в путевом императорском дворце. Эти вопросы помогал решать и инициировал поддержку в столичных властных кабинетах С. Ф. Платонов, приехавший в 1897 г. в Тверь по заданию ученого комитета.

В 1903 г. ТГУАК приняла замечательную эстафету и провела Второй областной археологический съезд, чем показала свою принципиальную позицию всесильной графини П. С. Уваровой – руководителя Московского археологического общества, под эгидой которого проходили всероссийские подобные съезды. Этому делу всемерную поддержку

оказал С. Ф. Платонов и его друг, авторитетный археолог А. А. Спицын. Кроме того, стараниями С. Ф. Платонова была отпечатана археологическая карта в столичном картографическом заведении Ильина⁷. Отделение русской и славянской археологии, управляющим которого был С. Ф. Платонов, при активном участии А. А. Спицына подготовило целый том трудов к этому съезду.

В 1904 г. и 1912 г. деятельность комиссии прошла под знаком организации и проведения церковно-археологических курсов, в которых активное участие принимал (в согласовании программ, приглашении лекторов, личном выступлении с циклом лекций) С. Ф. Платонов. На первых курсах он предложил программу под названием «Значение XVII века в русской истории», а на вторых – «Московское государство и общество в XVI–XVII веках»⁸.

Важную роль комиссия, и прежде всего И. А. Иванов, сыграли в организации и проведении в 1908 г. экскурсии с познавательными целями для детей королевы Эллинов Ольги Константиновны и ее брата великого князя Константина Константиновича⁹. Руководил же этим мероприятием С. Ф. Платонов.

Судьбоносное событие в истории России – Смутное время – было отмечено в рамках проходивших в Твери торжеств. 26–27 апреля С. Ф. Платонов представил слушателям лекцию: «О значении Смуты в развитии нашей государственности»¹⁰.

На протяжении многих лет С. Ф. Платонов оказывал содействие в строительстве Волго-Верховского монастыря, в частности Спасо-Преображенского собора, который и по сей день поражает своим величием и является украшением истоков великой русской реки Волги. И здесь посильную помощь оказывал ему друг и помощник – выдающийся тверской краевед.

Ученики С. Ф. Платонова обращались к истории Тверского края, укажем на И. И. Лаппо – автора исследования «Землевладение в Тверском уезде в XVI в.»¹¹. Активную преподавательскую работу вел в Твери в 1920-х гг. В. В. Снигирев, относивший себя к ученикам петроградского профессора. Членами ТГУАК были университетские друзья С. Ф. Платонова А. А. Спицын и И. А. Шляпкин.

Следовательно, тесные взаимоотношения, установленные С. Ф. Платоновым с тверскими краеведами, были до революционных потрясений 1917 г. активными и плодотворными, а потом целое десятилетие он продолжал переписку с И. А. Виноградовым и особенно активную

с И. А. Ивановым. Этот эпистолярный пласт является единственным в подобного рода письменном общении С. Ф. Платонова с провинциальными краеведами. Переписка была не только продолжительной (началась с 1898 г. и велась до 1927 г.), но и объемной (насчитывает более 180 писем и телеграмм). Этот комплекс писем характеризуется полнотой, регулярностью, многообразием затронутых тем, по сути, является любопытнейшим историческим источником, как по деятельности Тверской ГУАК, так и содержит редкие сведения о личной жизни корреспондентов, общественной, политической, научной, культурной жизни Твери и губернии, а также Рославльского уезда. И эти документы письменного общения, как ни странно, до недавнего времени в полном объеме оставались неизвестными¹². Ответные корреспонденции, которые удалось выявить, были опубликованы намного раньше¹³.

И. А. Иванова следует считать не только почитателем трудов С. Ф. Платонова, но и одним из дотошных, заинтересованных и обстоятельных рецензентов его исследований¹⁴. Примечательно, что свое последнее письмо от 3 мая 1927 г. И. А. Иванов адресует своему многолетнему другу.

Личный фонд академика С. Ф. Платонова является важным местом хранения материалов, написанных И. А. Ивановым или связанных с его именем. Ряд из них только сейчас удалось атрибутировать. Например, «Письмо неустановленному лицу (Ивану Александровичу)» от 28 мая 1910 г. Н. Савельева, где он выражает готовность встретиться Платоновых в Осташкове¹⁵. В том году профессорская семья проводила летний отдых на озере Селигер. Аналогичное письмо неустановленному лицу (Ивану Александровичу), следовательно, Иванову, от Т. О. Соколовской с просьбой передать С. Ф. Платонову время для возможной встречи¹⁶. Еще одно архивное дело «Первое путешествие в село Петровские озера: (Письмо к другу). Рассказ. Тверь» неустановленного автора (И. И.)¹⁷. Все три дела касаются И. А. Иванова. Думается, что это не последние находки в названном фонде.

И еще одно, что объединяет судьбы академика и выдающегося краеведа. Могилы их утрачены: первого – в Самаре, второго – на родине в Трехбратском. При этом заметим, что стараниями современных самарских историков установлена памятная плита на предполагаемом месте захоронения С. Ф. Платонова, а могила И. А. Иванова ждет своего обнаружения и установки там креста, подобного тому, который был установлен в день его похорон. Эпитафию сочинил он сам: «Иван

Александрович Иванов. Скончался на родине на 77 г. жизни. Сотрудник Академии Наук. *Requies satin pace*». Последняя фраза на латинском языке (Отдыхай с миром), знатоком которого был И. А. Иванов.

Заметим, что С. Ф. Платонов имел заинтересованных корреспондентов и в научных обществах Севера Европейской России¹⁸.

Таким образом, Тверская ГУАК, пожалуй, была самой авторитетной из подобных научно-краеведческих обществ начала XX в. Этому способствовала организаторская деятельность И. А. Иванова и его соратников (И. А. Виноградова, В. А. Плетнева, В. И. Колосова, П. Ф. Симсона и др.). Активная поддержка и личное участие С. Ф. Платонова в ряде крупнейших мероприятий поднимали их научный уровень, привлекали слушателей, обеспечивали успех.

Опыт, оставленный краеведами конца XIX – первой трети XX в., трудившихся в рамках ГУАК, является бесценным для развития краеведения и в наши дни.

Примечания

¹ Открытие Тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1884. 2 с.

² Вечтомова Ю. В. Обзор деятельности Вятской ученой архивной комиссии по журналам заседаний // Герценка : Вятские записки. Киров, 2007. Вып. 12. С. 101–109.

³ Программа Первого Международного исторического конгресса (С.-Петербург, 29 октября – 3 ноября 2019). Санкт-Петербург, 2019. 70 с.

⁴ Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 115-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии). Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 12 ноября 2019 г.). Киров, 2019. 192 с.

⁵ Митрофанов В. В. «...ища у Вас обычного утешения, заступления и помощи»: письма И. А. Иванова С. Ф. Платонову (июль – декабрь 1918 г.) // Культурный ландшафт регионов. 2020. Т. 2. № 2. С. 85.

⁶ Отчет о деятельности Тверской ГУАК за 1900 г. Тверь, 1901. С. 4.

⁷ Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии за 1902 год. Тверь, 1902. С. 18.

⁸ Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова, читанные на тверских церковно-археологических курсах 28–30 мая 1912 г. Тверь [По зап. сваящ. Л. Крылова]. Тверь, 1913. 47 с.

⁹ Высокие гости в гг. Твери и Калязине // Тверские епархиальные ведомости. Тверь, 1908. № 25. С. 569–574.

¹⁰ Отчет о деятельности Тверской ученой архивной комиссии с 1903 г. по 1912 год включительно. Тверь, 1915. С. 51.

¹¹ Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения (Этюд по истории провинции Московского государства). Москва : Университетская типография, 1893. 238 с.

¹² Митрофанов В. В. «На днях наша комиссия проснется от своей продолжительной спячки»: письма И. А. Иванова С. Ф. Платонову (1898–1905 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. Электронный международный научный журнал. 2022. Т. 3. Вып. 3. С. 77–101; Он же. «...мы не “безродная чернь”, а великий народ»: письма И. А. Иванова С. Ф. Платонову (1925–1927 гг.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 36–57. Всего 15 публикаций.

¹³ Академик С. Ф. Платонов : Переписка с историками / публ. В. Г. Бухерт. Москва, 2003. Т. 1. С. 114, 115–116, 117, 118 и др.

¹⁴ Митрофанов В. В. И. А. Иванов – выдающийся тверской краевед и почитатель трудов С. Ф. Платонова // Культурный ландшафт регионов. 2022. Т. 4. № 4. С. 57–88.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 5. Д. 6957. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Д. 6960. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 6893. Л. 1–4 об.

¹⁸ Служение Отчизне и науке : Письма А. Ф. Шидловского С. Ф. Платонову. 1911–1916 гг. / публ. М. А. Орешина // Исторический архив. 2005. № 1. С. 105–124 ; Письма вологодского историка И. Н. Суворова С. Ф. Платонову. 1910–1925 гг. / публ. М. А. Орешина // Исторический архив. 2006. № 2. С. 133–155 ; Митрофанов В. В. Вологжане очень помнят Вас : Письма Л. И. Андреевского и В. Д. Андреевской-Прозоровской С. Ф. Платонову // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4 (52). Т. 2. С. 48–60.

Академик Н. В. Калачов: штрихи к портрету основателя губернских ученых архивных комиссий

Д. Ю. Мурашов

Основателем губернских ученых архивных комиссий является академик Николай Васильевич Калачов (1819–1885). Ученые архивные комиссии сыграли огромную роль в сохранении местных архивов и изучении локальной истории. Они объединили всех неравнодушных к истории края людей, которых сегодня называют краеведами, положили начало системному изучению регионального прошлого нашей страны. В воспоминаниях современников и трудах историков много сказано о Н. В. Калачове, как о человеке, ученом, преподавателе, сенаторе, организаторе Археологического института в Санкт-Петербур-

ге и губернских ученых комиссий. Меньше – как о человеке в кругу семьи, муже и отце.

Между тем отношения в семье были основой успешной карьеры Николая Васильевича. Супруга Людмила Александровна, урожденная Черемисинова, пожертвовала многим в своих чувствах, чтобы Калачов стал тем, кем мы его знаем. Значительную часть жизни супруги прожили порознь – из-за службы в Москве и Петербурге Н. В. Калачов редко бывал дома с женой и детьми. Вот одно из писем, где он сожалеет, что не может приехать в Волхонщину, имение Калачовых в Саратовской губернии (ныне это часть Пензенской области) из-за того, что занят строительством нового здания архива министерства юстиции, где был директором. «Я получил твое письмо из Пензы, – писал Калачов, – и, несмотря на все мое желание утешить тебя ответом, что я приеду на днях непременно в Волхонщину, я теперь не могу сказать ничего положительного. В желании моем повидаться с тобой и со всеми вами ты, конечно, не сомневаешься. О мучении, которое я испытываю, живя врозь, я тебе много раз говорил и не стану теперь повторяться. Скажу только, что для того, чтобы убить скуку одиночества, я и занимаюсь, и гуляю запоем и все-таки бываю часто в отчаянии от тоски. Но, взявши службу, я не могу быть так недобросовестен, чтобы решиться проситься в отпуск, в то время как каждый день жду архитектора, который должен начать пристройки в Архиве. Он был уже здесь два раза и сказал, что на днях приедет, чтобы приступить к делу. При этом надо будет дать новое перемещение всем рукописям и вообще наблюдать, чтобы не положить все, как не лежит. Кроме того, и по Сенату я не мог проситься в отпуск раньше конца августа. Я действительно предположил, что к этому времени переустройство в Архиве будет кончено, и я мог бы доехать к тебе. Но ведь ты довольно разумна, чтобы понять, это не от меня зависит»¹.

Знакомство Николая Васильевича и Лидии Александровны произошло в усадьбе Родичево Ярославской губернии, где будущая жена академика, жила с отцом. Недалеко находилось поместье Калачовых, куда Николай, после смерти отца ставший старшим в роде, приехал его посмотреть. Недавний выпускник Московского университета, готовившийся к защите магистерской диссертации, не стремился связать себя брачными узами, но на них, видимо, настоял отец Лидии, Александр Магвеевич Черемисинов, увидевший в Калачове выгодную партию для засидевшейся дочери. Семидесятилетний помещик, находившийся при

смерти, определил Лидии огромное приданое². Такой брак был выгоден и Калачову: он поправлял его материально-финансовое положение, сложившееся после раздела отцовской собственности, и превращал его в крупного помещика.

Понравились ли молодые друг другу – вероятно, да; об этом свидетельствует их переписка, показывающая душевную близость супругов. Венчание состоялось в небольшой Никольской церкви села Каменки в трех верстах от Родичева 7 (19) января 1851 г.

Семья Калачовых являлась типичной для своего времени. Муж «ходил на службу и занимался делами поместий», а жена «вела хозяйство и воспитывала детей»³. У Калачовых их родилось шестеро. Пятеро из них (Александр, Ольга, Зинаида, Вера, Лидия) дожили до зрелого возраста, а Екатерина умерла в девять лет (1874). Дочери Калачова успешно вышли замуж, сын, к сожалению, умер от туберкулеза (1878).

Отношения между Николаем Васильевичем и Лидией Александровной раскрывает их переписка. Многие письма Калачовых не имеют точной даты, но важен сам дух писем, передающий сложившиеся отношения между супругами.

Вот два таких письма.

Первое – от Лидии Александровны Николаю Васильевичу: «Бесценный и добрый мой друг Nicolas, мне очень грустно, что все мои старания успокоить тебя не имели никакого успеха, обещав писать к тебе, я никак не могла не исполнить. В Тамбове я сама заезжала на почту, и при мне Василий (слуга. – Д. М.) отдал письмо. Неужели ты можешь думать, что я сомневаюсь в твоей ко мне любви? Я не раз имела случай уверить тебя в этом и знаю по себе, как ты должен скучать теперь. Это письмо уже четвертое, неужели ты до сих пор ни одного письма не получил? Напрасно ты так спрашиваешь меня, мой друг, писать к тебе каждую почту, я бы это сделала и без твоей просьбы. Я только тогда и забываю скуку, когда читаю твои письма, да пишу к тебе. Письмо это пройдет, вероятно, долее обыкновенного, потому что дорога уже начинает портиться, и ты получишь его к самому Празднику. Поздравляю тебя, мой ангел, и желаю от души, чтобы ты был здоров и не скучно провел праздник. Меня звали встретить его Юматовы, но я думаю, нельзя будет проехать, да если и можно, не поеду, дома не скучно. Проведу такой праздник с ребятишками, хотя не полной, да своей семьей. Благодарю тебя, мой друг, за поздравления с ангелом и за желание сделать мне подарок. Если ты непременно хочешь, то я буду считать за тобою 25 р[ублей] сер[ебром], когда будут лишние деньги, ты дашь

мне. Теперь же брать из доходов нельзя, деньги на многое очень нужны, а о платье, дружок мой, не думай, пожалуйста. Неужели я такая пустая, что буду желать иметь платье, когда знаю, что денег так мало, да и к тому не очень оно мне и нужно»⁴.

Письмо отправлено Л. А. Калачовой из Волхонщины накануне праздника Пасхи. Упомянутые Юматовы – соседи Калачовых по имению. Один из них, П. И. Юматов, ветеран Отечественной войны 1812 года, приходился крестным отцом Александру, сыну академика. Стоит отметить, что издательские проекты Н. В. Калачова, такие, как знаменитый «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» и пришедшие ему на смену «Юридический вестник» и «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России» финансировались, как правило, им самим. Поэтому грустное замечание супруги об отсутствии в семье «лишних денег» – это определенная «жертва» науке, которой занимался муж. Тем обидней Лидии Александровне было наблюдать, как в основанном Калачовым Археологическом институте в начале XX в. новым поколением преподавателей стиралась память о нем⁵.

Второе письмо Николая Васильевича – Лидии Александровне: «Сегодня утром собирался я писать к тебе, но отложил в надежде получить от тебя письмо, и предчувствие меня не обмануло. По возвращении из Сената я получил твое письмо от 26 и теперь спешу ответить и отнесу на железную дорогу, чтобы оно сегодня же пошло к тебе. Ты пишешь, мой друг, что мои письма единственная твоя отрада в разлуке. Но, вероятно, ты не испытываешь еще той скуки, какую я чувствую в одиночестве. При теперешних холодах выходить не хочется никуда, да и рад отдохнуть после утра, проведенного в Сенате. Но заниматься, особенно вечером, боюсь, а без занятий страшная пустота. Мои немцы – добрые люди, но мы тоже не видимся. Муж до того глух, что не выходит из своей комнаты и только кланяется. Жена является раз в день спросить, доволен ли я обедом с чаем (я плачу за обедом за чай вместе 1 раз в день) и не нужно ли чего, а дочь страшная дикарка. Ты спрашиваешь меня, мой друг, о здоровье. Я, помнится, писал тебе, что чувствую себя очень хорошо и что вовсе не болею, по этой причине я теперь и не примачиваю голову бумагой. Поездка на этот раз меня также вовсе не утомила. Деньги из Государственного Совета (1000) я также получил. Все было бы хорошо, если бы не пришлось жить врозь с вами, мои друзья»⁶.

Калачов пишет письмо из столицы, где заседает в Сенате. Упомянутые в нем «немцы» – владельцы квартиры, которую он снимает. «Поездка» – визит в Москву, где Николай Васильевич с 1865 г. занимал

должность директора Московского архива министерства юстиции. Перемещения между Москвой и Петербургом – его обычная повседневность.

Болью Калачовых был сын Александр, который рос болезненным, трудно сходявшимся с детьми ребенком, что заставляло менять учебные заведения – от 1-й Московской гимназии до частного пансиона. Удивительно, но Николай Васильевич на свои педагогические способности в воспитании и обучении сына не надеялся, предпочитая советы сторонних педагогов. Например, таких, как Юлий Богуславович Стурцель, наставник-наблюдатель при 1-м Московском кадетском корпусе. «Он мне привез от вас свежие известия и рассказал, как вы проводите время, – писал Калачов жене. – О Саше я узнал, впрочем, то, что знал и прежде, т. е. что он очень ленив, рассеян и невнимателен, от этого не помнит долго то, что учил, и вообще получил дурное направление. Со всем этим я совершенно согласен. Но вопрос в том, как исправить его. Если бы мог быть при нем опытный, серьезный и честный в деле воспитания человек, как Стурцель, то было бы лучше всего еще на год оставить его дома, взяв к нему такого руководителя. Но как очень трудно найти такого человека, да и платить ему было бы не по силам нам, то придется и на этот год отправить его на сторону в хорошие руки. Разумеется, всего бы лучше было в московское заведение. Но что бы ни говорил Стурцель, я боюсь отпускать Сашу так далеко от дома, как, например, в Лефортово, где бы мы вовсе не могли навещать его. Как бы дурны не были родители – наемники никогда не заменят их и никогда не увидят они в этих некоторых недостатках целого, потому что они им чужие. Сашу надо отдалить от дома, как справедливо заметил Стурцель, потому что вся среда его окружающая и мы с тобой своим неправильным общением портим его, но это не значит, что надо совершенно лишить его заботы и попечения отца и матери. Если мы не можем держать его дома, то должны часто навещать его там, куда отдадим, следить за его учением, поведением и вообще быть с ним иногда вместе или чтобы ободрить его, или чтобы пожурить»⁷.

Александр Калачов был другом философа В. С. Соловьева, они вместе с ним путешествовали по Египту и Италии, поднимались на Везувий⁸. Их отцы находились в натянутых отношениях (особенно это видно по воспоминаниям С. М. Соловьева), а дети – нашли общий язык.

Знакомясь с жизнью Н. В. Калачова, как и любого другого ученого, фокус зрения мы привычно смещаем на его научную деятельность,

оставляя в стороне жизнь личную и семейную. Это представляется неверным, так как между ними существуют тесная связь. И очень часто личное оказывает влияние на научное, а научное на личное. Академик Калачов в этом сложном взаимодействии нашел равновесие – взаимопонимание с женой обеспечило ему прочную основу для служебной и научной деятельности. Гармония супругов продолжает жить и сегодня в строках их сохранившихся писем, в которых Лидия Александровна – «бесценный мой друг», а Николай Васильевич – «милый и бесценный ангел».

Примечания

¹ ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 408. Оп. 2. Д. 392. Л. 148–149.

² Третьякова Т. А. Калачовы и Ярославский край // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 71–72.

³ Шокарева А. Дворянская семья : культура и общение. Москва, 2017. С. 82.

⁴ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 415. Л. 10–11.

⁵ Там же. Д. 595. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 392. Л. 13–14.

⁷ Там же. Л. 128 об. – 129 об.

⁸ Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Санкт-Петербург, 1909. Т. II. С. 24.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Из предыстории Хлынова

К. А. Аверьянов

Известно, что город Киров первоначально назывался Хлыновом. Затем при учреждении наместничеств он был переименован в 1780 г. в Вятку, а в 1934 г. получил современное название.

В научной и краеведческой литературе основание города обычно связывают с 1374 г. Под этой датой в ряде летописей рассказывается о походе ушкуйников, ограбивших поволжские земли. С награбленной добычей они «преидоша за Волгу, и суды вся пожгоша, а сами поидоша къ Вятке на конехъ по суху и, идуще, множество сель и властей по Ветлузе пограбиша»¹.

Вместе с тем исследователи обратили внимание на одно противоречие: в этом летописном известии Хлынов не упоминается, а речь идет о Вятке. Его в 1971 г. попытался объяснить А. В. Эммаусский. «Ошибка заключалась в том, – писал он, – что все историки считали, что главный город Вятской земли с самого своего возникновения назывался Хлыновом, а слово “Вятка” трактовали как синоним Вятской земли». Обратившись к «Списку русских городов дальних и ближних» конца XIV в., он отметил, что в перечне «залесских» городов после Нижнего Новгорода и Курмыша на Суре стоит Вятка, но нет никакого Хлынова². Этот источник, по мнению ученого, «убеждает нас, что первый город, поставленный на р. Вятке, первоначально носил название этой реки». Он упоминается и в договорной грамоте 1428 г. Василия II с Юрием Галицким³, и в послании митрополита Ионы 1452 г. на Вятку⁴. И только

после 1452 г. в документах появляется другое наименование – Хлынов. В Воскресенской, Львовской и Софийской первой летописях, в Устюжском летописном своде под 1457 г. помещено известие о походе московских войск на Вятку «со многими силами». Рати долго стояли под городом Хлыновом, но не взяли его и ушли обратно, так как вятчане подкупили одного из московских воевод Григория Перхушкова и он им «норовил»⁵. Отсюда А. В. Эммаусский сделал вывод: «...город Вятка получил другое название Хлынов в промежуток времени между 1452 и 1457 гг. Но для этого переименования был необходим какой-то повод. К сожалению, об этом поводе мы ничего не знаем и можем только высказывать догадки, исходя из исторической обстановки того времени»⁶.

Между тем известен источник, благодаря которому появляется возможность установить интересующие нас обстоятельства. Речь идет о так называемом «Летописце солигаличского Воскресенского монастыря». Кратко охарактеризуем текст его древнейшей части.

Под 6840 (1332) г. он сообщает: «Приехали из Орды вси князи рустии, и досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич, и князь жил год и преставился, и остались два сына, князь Федор и князь Андрей. И князю Федору Семеновичу досталось Галич, а князю Андрею Кострома. И князь Андрей женился у ветлуского ис Хлынова города у князя Никиты Ивановича Байбороды. И меж собою братья враждовали, князь Андрей с Федором, к киевскому и московскому ездили миритися, и помирился со князем Никитою Ивановичем и братом с Андреем, и московский велми жаловал князя Федора Семеновича». Далее сообщается о приходе к князю Федору Семеновичу присланного «игуменом Даниилом» старца Афанасия с двумя иноками, основавшими в Галиче монастырь св. Спаса, где Афанасий игуменствовал три года.

Под 6843 (1335) г. рассказывается о знамени князю Федору Семеновичу. После окончания пасхальной службы князь пошел в свои палаты и уже было расстался с игуменом, как вдруг «внезапу свет явился велик, сияющъ на западной стране, аки заря, и прислоняшесе от небеси к земле». Князь удивился и спросил игумена, что сие означает. И бысть ему глас с небеси: «О княже, дерзай, – бог ведый желание твое». В четверг на той же пасхальной неделе, «в пяты час дни», когда князь шел к храму, знамение снова повторилось: «и гром бысть велми страшен, и огнен столб от небеси на той же стране». После совета с игуменом и приближенными князь Федор решил отправиться в ту сторону, где был виден таинственный свет.

Край тот представлял собой «великий лес», жилья практически не встречалось, кроме редких поселений чуди. Лишь за Чудским (Чухломским) озером князю удалось встретить выходца из Твери Гавриила «Давыдова сына», который бежал сюда, в эту глушь, 17 лет назад, спасаясь от притеснений тверского князя. На вопрос Федора Семеновича – видел ли он таинственный свет, Гавриил ответил, что живет от того места за четыре «поприща». В итоге путники добрались до незнакомой реки, которая, как выяснилось позже, оказалась притоком Волги – р. Костромой. Здесь князь решил построить монастырь. Закладка обители произошла в праздник Вознесения, который пришелся на день св. Иова (6 мая). Возведение самого храма завершилось уже к Ильину дню (20 июля). Так возник Воскресенский монастырь, первым игуменом которого стал все тот же Афанасий. «И окрест монастыря того давал князь села своя любимая и волости, и в ыных вотчинах, и удел покупал. Дал князь Федор Семенович Чюдскова озера две трети, да Галицкаго озера четверть, и во всех реках рыбная ловля, и грамоты подавал тарханные. И братии множество всем изобилствова».

Затем под 6849 (1341) г. в «Летописце» идет рассказ о болезни и смерти князя Федора Семеновича, его захоронении во Владимире «во храме у Пресвятыя Богородицы», о том, что именно было завещано им монастырю, и как его сын князь Андрей Федорович, оставшийся после отца в 12-летнем возрасте, выполнил волю родителя.

Далее под 6858 (1350) г. говорится о рождении у князя Андрея Федоровича сына Ивана Андреевича. Затем рассказывается об истории вражды князя Андрея Федоровича с его дядей Андреем Семеновичем костромским и Никитой Ивановичем Байбородой, которая привела к тому, что в 6880 (1372) г. князь Никита Иванович «с ногайскими людьми и воеводами и с луговою черемисою» напали на обитель, убили иноков, до конца защищавших ее. «И от того времени запусте монастырь Воскресенской. И не попусти Бог князю Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изомроща вси, и погибе град Хлынов, и после того времени много кровопролития было»⁷.

Впервые на этот источник обратил внимание еще Н. М. Карамзин. В одном из примечаний к IV тому «Истории государства Российского» он писал: «У меня есть так называемый Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли, в коем находятся следующие обстоятельства...». И далее он кратко пересказывает его содержание. Оценивая «Летописец», Н. М. Карамзин был категоричен: «Это новая сказка. Князьями

Галича были, после Константина Ярославича, сын его Давид, внук Иван, правнук Димитрий, изгнанный оттуда Димитрием Донским; ни Семена, ни Феодора, ни Андрея, ни ветлужских, ни хлыновских князей не бывало»⁸.

Решительно отвергнутый историографом источник, тем не менее, время от времени вновь всплывал в поле зрения историков Солигалича, писавших на основе содержащихся в нем известий, начиная с легендарных событий XIV в. вплоть до XVII в.⁹ При этом прослеживаются две тенденции – от полного доверия к изложенным в нем фактам, без всякой их критической проверки, до признания этого источника «позднейшей подделкой под летописные сказания».

Поскольку в «Летописце» упоминается Хлынов, на него обратили внимание и вятские историки. А. С. Верецагин, пересказавший памятник по списку Публичной библиотеки, принципиально признавая возможность существования двух одноименных Хлыновых – на Вятке и Ветлуге, назвал «более чем сомнительным» показания «Летописца»¹⁰.

Первым усомнился в выводах Н. М. Карамзина историк А. А. Преображенский. На основании трех списков памятника он выяснил, что его повествование за XIV–XVII вв. состоит из трех хронологических пластов, между которыми существуют четкие границы. Первый из них охватывает 1332–1375 гг. (создание монастыря), второй рассказывает о событиях 1429–1461 гг. и прежде всего о феодальной войне второй четверти XV в., третий повествует об обретении «нетленных мощей» иноков во время земляных работ на территории Воскресенского монастыря в 1663 г.

Какова степень достоверности каждого из этих пластов? Применительно к событиям XVII в. А. А. Преображенский признал их достоверность, относительно второго раздела памятника считал, что его факты «в достаточной мере достоверны» – ряд известий о событиях XV в. находит свое подтверждение в других летописях. Что же касается наиболее интересного для нас рассказа о событиях XIV в., то, по его мнению, «наряду с явно сказочными рассуждениями насчет “явления князю Федору Семеновичу” огненного столба с громом и взывающего с небес голоса, что возвещало о божественном указании князю учредить монастырь, эта часть содержит и другие данные. Они таковы, что позволяют предполагать стоящие за ними исторические реалии. К таким сведениям можно отнести рассказ о постепенном заселении края, где на “великом лесе” жила чудь. Столь же вероятно повествование

о приходе в те пустынные края людей, скрывавшихся от княжеских междоусобиц. Однако, бесспорно, что главные герои летописи галичские князья Федор Семенович и Андрей Федорович – лица вымышленные».

При этом историк признал существование монастыря уже в XIV в., но не во времена Ивана Калиты, а половиной столетия позже, в эпоху Дмитрия Донского. Об этом свидетельствует материал обыска, проведенного в 1580-х годах на посаде Солигалича и по окрестным селениям. Опрошенные тогда люди подтвердили, что «слухъ у нихъ и ведомо есть, что государь князь Дмитрей Ивановичъ Донской то селцо Балыново и починокъ Бракотинь къ тому монастырю въ вотчину даль, и грамота у нихъ жаловальная на ту ихъ вотчину была»¹¹. Вместе с тем, окончательно решить вопрос о достоверности памятника могла бы находка новых списков «Летописи Воскресенского Солигаличского монастыря»¹².

Эту задачу выполнила филолог С. А. Семячко, сумевшая обнаружить 15 списков памятника, самые ранние из которых относятся ко второй четверти – середине XVII в. Она установила, что древнейшая часть «Летописца» создавалась единовременно, много позже описываемых в ней событий, – предположительно в первой половине XVII в., возможно даже вскоре после разгрома Воскресенского монастыря в 1613 г. в период «Смутного времени». Поэтому неудивительно, что в нем встречаются ошибки, особенно в хронологии. Тем самым она признала недостоверность древнейшей части «Летописца»¹³.

Но все ли источники использовала исследовательница? Наше внимание в «Летописце» привлекает фигура ветлужского князя Никиты Ивановича Байбороды, владевшего городом Хлыновом. Учитывая, что имя Никита было крайне редким для XIV в., попытаемся отыскать его владельца.

Во многих летописных сводах помещено «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», но только так называемый Список Дубровского IV Новгородской летописи дает уникальное известие о тех лицах, которых перед смертью призвал Дмитрий Донской и поручил «блюсти» своих княгиню и детей. Среди них данный источник упоминает и «Никиту Феодоровича»¹⁴.

Его имя встречается под 1368 г., когда псковский летописец записал: «Приеха посоль от князя великого Дмитрия Никита, тако нарицаемый, и бывъ въ Юрьеве многы дни, и не оучини ни мало на добро ничто же, приеха въ Псковь»¹⁵.

Вплоть до начала XV в. русские князья, переходя на службу к более могущественным сородичам, утрачивали княжеский титул. Это дает основание полагать, что московский боярин Никита также мог принадлежать к одной из ветвей Рюриковичей. Но какой? Для этого необходимо определить сыном какого Федора мог быть Никита. Задача облегчается тем, что В. А. Кучкиным, правда, для других целей, была рассмотрена по нисходящей линии генеалогия русских князей с именем Федор, живших в конце XIII – первой половине XIV в., то есть в тот период, когда должен был жить отец Никиты Федоровича¹⁶.

Искомым лицом оказывается князь Федор Васильевич Ростовский (сын князя Василия Константиновича). Летопись отметила под 1310 г. его рождение: «родися князю Василью Костянтиновичю сынъ Феодоръ»¹⁷. Но другие летописи дают это известие в другом виде: «родися Василью Костянтиновичю Галичкому сынъ Феодоръ»¹⁸.

С. М. Соловьев на основании этих свидетельств считал Василия Константиновича и его сына Федора галичскими князьями. Ему возражал В. А. Кучкин: «существование галицкого князя Василия Константиновича и его сына Федора – плод генеалогической ошибки сводчиков XV в. На самом деле были только князь Василий Константинович Ростовский и его сын Федор»¹⁹.

Данный спор решается самым простым способом – выясняется, что Василий Константинович женился на одной из галичских княжон, и с ее рукой получил обширные земли по р. Ветлуге, составлявшие примерно треть территории Галичского княжества. По ним его сын иногда именовался галичским князем.

Летописец уточняет, что Федор Васильевич Ростовский «оженися» в 1326 г.²⁰, а, следовательно, его сын Никита не мог родиться ранее данной даты. Тем самым видим, что «Летописец» удревяет описываемые в нем события.

Но почему в нем он упоминается с отчеством «Иванович»? Автор «Летописца», писавший в XVII в., несомненно, был знаком с другими летописными сводами, с которыми сопоставлял свой материал. Под 1368 г. он нашел упоминание о князе Никите. Пытаясь уточнить его отчество, он мог обратиться к частным разрядам и различным местническим спискам бояр, где среди бояр великого князя Василия I нашел упоминание о занимавшем одно из первых мест при московском дворе Никите Ивановиче. Именно его он и отождествил с Никитой Ветлужским. Но только в XX в. академик С. Б. Веселовский выяснил, что речь

в этих записях идет о Никите Ивановиче Воронцове. Он же уточнил по упоминаниям в актах и примерные даты жизни Никиты Ивановича Воронцова, который был жив еще в 40-х годах XV в.²¹

Для нас важно, что князь Никита действовал в эпоху Дмитрия Донского. В это же время в источниках встречаются и другие лица, упомянутые в «Летописце». Семен Иванович назван в «Сказании о Мамаевом побоище» среди воевод полка правой руки при описании начала Куликовского боя²², а также в упомянутом ранее Списке Дубровского среди «вернейших» соратников Дмитрия Донского. Это было не случайно, поскольку он находился в самом тесном свойстве с московским княжеским домом: он являлся сыном князя Ивана Федоровича Галичского, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской.

Судя по «Летописцу», у князя Семена Ивановича, было два сына – Андрей и Федор. Их имена также встречаются в летописях. В 1397 г. великий князь Василий I послал бояр на Двину и в Заволочье сказать тамошним поселенцам, чтобы они «задались» за великого князя, который будет «боронить» их от Новгорода. После неудачных переговоров новгородского владыки Иоанна с великим князем новгородцы начали военные действия. Весной 1398 г. новгородские воеводы с ополчением пошли на Двину к городку Орлецу. На дороге их встретил владычный волостель с Вели (приток р. Ваги), от которого они узнали, что великокняжеский боярин Андрей в самый день Пасхи напал с двинянами на Вель, волость св. Софии, повоевал ее и взял поголовный («на головах») окуп²³. Другой сын Семена Ивановича – Федор Семенович назван в качестве «послуха» в двух данных грамотах Троице-Сергиеву монастырю – вдовы князя Петра Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) Евфросиньи Полиевктовны на село Новое с деревнями в Вышгородском стану Дмитровского уезда, и вдовы князя Афанасия Ивановича Шехонского Аграфены и ее детей на небольшой монастырек св. Николы на р. Шексне. Обе грамоты датируются 1432–1445 гг., по времени игуменства в Троице-Сергиевом монастыре упоминаемого в них Зиновия²⁴.

Определив, что Никита Иванович Байборода в действительности должен отождествляться с Никитой Федоровичем Ростовским, мы согласуем показания «Летописца» о том, что ветлужский князь должен быть современником князя Семена Ивановича Галичского, поскольку на его дочери женился сын последнего.

Как видим, упомянутые в древнейшей части «Летописца» лица – князь Никита Ветлужский, князя Семен Иванович Галичский, его сыновья Федор и Андрей вполне могут быть соотнесены с реальными людьми, действовавшими на рубеже XIV–XV вв. Тем самым следует признать, что рассказ «Летописца» отражает реально происходившие события.

Вместе с тем вызывает недоумение фраза «Летописца» – «досталось в удел князю Семену Ивановичу Кострома да Галич». К этому времени указанные города принадлежали московским князьям и говорить, что они достались еще кому-то «в удел» не приходится. Что же имел в виду автор «Летописца, когда говорил об «уделе» князя Семена? Снова возвратимся к «Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» в Списке Дубровского. Согласно ему, Дмитрий Донской потребовал от своих «вернейших» бояр, среди которых был и князь Семен Иванович Галичский, заботиться о княгине: «и се предаю вамъ княгиню свою...».

Из духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского следует, что его вдова Евдокия из уделов своих сыновей получала в пожизненное владение ряд волостей. В частности, ей достались «оу князя оу Василья... ис Костромы Иледам с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галича Соль»²⁵. Разумеется, управление ими она осуществляла не лично сама, а через специально назначенных наместников, одним из которых, очевидно, и был князь Семен Иванович Галичский, управлявший ее галичскими и костромскими волостями. При этом его статус как «вольного слуги» был выше, чем у обычных княжеских наместников и он мало зависел от того князя, в уделе которого находились эти волости. Об этом говорит та же духовная грамота 1389 г.: «А хто моих боярь имет служити моеи княгине, техъ боярь, дети мои, блюдите с одиного»²⁶. Очевидно, этот статус Семена Ивановича Галичского имел в виду автор «Летописца», когда говорил о его «уделе».

После смерти Семена Ивановича галичскими волостями великой княгини Евдокии стал управлять его сын Федор, а костромскими – брат последнего Андрей Семенович.

Далее «Летописец» повествует об истории вражды князя Андрея Федоровича Галичского (сына Федора Семеновича) с его дядей Андреем Семеновичем Костромским и Никитой Ветлужским. Зная внутриполитическую обстановку в Северо-Восточной Руси того времени, легко понять истоки этого конфликта, приведшего в итоге к длительной феодальной войне второй четверти XV в.

С начала XV в. обостряются противоречия между великим князем Василием I и его дядей князем Юрием Дмитриевичем, претендовавшим на великокняжеский стол. При этом галичские князья оказались по разную сторону линии противостояния. Андрей Федорович служил князю Юрию Дмитриевичу, а его дядя князь Андрей Семенович – великому князю Василию I.

Не останавливаясь на этих, неоднократно описанных событиях, укажем лишь, что до поры до времени противники внешне сохраняли мир: князь Юрий Дмитриевич вполне резонно опасался маячившей за своим братом фигуры грозного великого князя литовского Витовта, приходившегося тестем Василию I. Но среди прочих сторонников обоих лагерей, не обремененных дипломатической осторожностью, настроения были более напряженными.

Понятно, что чувствуя превосходство сил своего сюзерена – великого князя Василия I, князь Андрей Семенович не смог избежать соблазна силой захватить вотчины своего племянника. Вот как повествует об этом «Летописец»: «посла князь Андрей [Федорович] послы на Ветлугу к князю Никите Ивановичу да к Костроме к дяде своему Андрею Семеновичу, чтоб его вотчины отдали. И князь Никита Иванович да князь Андрей посла его пограбили, а ему приказали: не ведати тебе вотчины до века. И князь Андрей Федорович ходил с великою силою на те вотчины, выжгли промеж ими».

В нашу задачу не входит описание и установление точной хронологии всех перипетий этой борьбы. Укажем лишь на то, что, по данным «Летописца», на стороне Андрея Семеновича и Никиты Ветлужского выступили «племянники» последнего – суздальские князья Данило Борисович, Юрий Васильевич, Михаил Дмитриевич, а также татары и черемисы. Борьба шла с переменным успехом – в ней пали сыновья Никиты – Гавриил и Юрий, сын Андрея Семеновича – Дмитрий, а сама она сопровождалась разорением целого ряда мест: князь Андрей Федорович «на Костроме грады пожег», а в отместку его противники разграбили Воскресенский монастырь в Солигаличе, после чего он на длительный срок запустел.

Находит ли отражение эта междоусобная борьба в других, нежели солигаличский «Летописец», источниках? Да. Среди суздальских князей этого времени, действительно, известны князья Данило Борисович и Юрий Васильевич. Московский летописный свод конца XV в. 3 июля 1410 г. датирует известие о набеге «изгоном» одного из отрядов кня-

зя Данилы Борисовича вместе с татарами на Владимир (на тот момент формальную столицу великого княжения) и учиненных там грабежах²⁷. После сообщения «Летописца» о сожжении князем Андреем Федоровичем городов «на Костроме» вполне очевидной становится причина укрепления Василием I в 1410 г. Плеса («того же лета князь великы Василеи повеле рубити град Плесо») и в 1416 г. Костромы («того же лета градъ Кострома заложенъ бысть»)²⁸.

Описание борьбы, в которой принимали участие галичские князья и Никита Ветлужский, а вместе с тем и вся древнейшая часть «Летописца», заканчивается известием о «море». И действительно, под 1420 г. московский летописный свод конца XV в. отмечает это событие, помещая о нем целую статью: «О мору и о гладе. В лето 6928. Бысть морь силенъ на Костроме и въ Ярославле, в Галиче, на Плесе, в Ростове, почен от Успенья богородици [15 августа]. И тако вымошра, яко и жита бе жати некому, а снегъ паде на Никитинъ день [15 сентября]) и иде три дни и три нощи, паде его на 4 пяди и потом соиде и потом мало кто, что сжа, и бысть глад по мору»²⁹.

Исходя из неоднократных указаний «Летописца», можно уверенно говорить, что Хлынов, являвшийся центром удела князя Никиты Ветлужского, располагался на р. Ветлуге. Археологически его следует связать с одним из городищ, расположенных на этой реке, близ современного города Ветлуга Нижегородской области³⁰.

Древнейшая часть «Летописца» заканчивается известием о гибели ветлужского князя: «И не попусти Бог Никите, прииде на его землю болезнь коркотная и изомроша вси, и погибе град Хлынов, и после того времени много кровопролития было».

Но каким образом Хлынов появился на Вятке? Междоусобная борьба галичских князей и опустошительный мор 1420 г. привели к тому, что жители Ветлужского удела практически полностью покинули родные места и обосновались на р. Вятке, по соседству с одноименным городом. Судить об этом можно, сравнивая два документа. Если в докончании 1428 г. великого князя Василия Темного и князя Юрия Дмитриевича Галицкого упоминается Вятка «и съ слободами и со всеми местъ»³¹, то несколькими годами позже в духовной грамоте 1433 г. князя Юрия Дмитриевича Вятка названа уже «з города и волостми»³². Одним из этих новых городков стал Хлынов, выстроенный переселенцами с Ветлуги по соседству с более древней Вяткой. Позднее они слились в единое целое, и летописями с 1457 г. здесь фиксируется только один Хлынов (современный Киров).

Любопытно, что миграция из ветлужского Хлынова шла не только на Вятку. В современной Москве о ней напоминает Хлыновский тупик, между нынешними Вознесенским и Леонтьевским переулками, получивший название от существовавшего здесь села Хлынова и стоявшей в нем церкви св. Николая, «что в Хлынове». По высказанному историками Москвы мнению, название этого храма обязано тому, что в церкви некоторое время (с 1552 по 1556 г.) находился образ Николы Великорецкого, принесенный из вятского Хлынова³³.

Однако позднее стало известно летописное известие об основании этой церкви в 1514 г.: «...князь великий Василей другую церковь камени заложил Благовещение святей Богородицы за Неглинною на Старом Хлынове». Она была закончена строительством и освящена через два года³⁴. Указание летописца на «Старое Хлыново» со всей очевидностью говорит, что поселение на этом месте существовало гораздо раньше начала XVI в. Действительно, в источниках село Хлыново впервые упоминается в обводной грамоте XV в. земель села Большого Кудрина³⁵.

Небольшая часть беженцев из ветлужского Хлынова, возможно, осела в Твери. Указание на это находим в тверской писцовой книге 1628 г. письма Потапа Нарбекова, где упоминается «На Хлынове храм Воскресения Христова, да в приделе Илья пророк». Позднее деревянный храм был заменен каменным и стал именоваться по приделу церковью Ильи Пророка³⁶.

Нам остается выяснить – почему реальные лица и события, укладываемые в хронологические рамки до 1420 г. были отнесены «Летописцем» ко времени до 1372 г. (или 1375 г., по другим спискам)? Виной тому стало то, что автор «Летописца», зная о походе ушкуйников по р. Ветлуге в 1374 г., очевидно, понял его таким образом, что старый город Хлынов, располагавшийся на Ветлуге, был уничтожен в 1374 г., а после этой даты возникает уже новый одноименный город, на этот раз на Вятке. Тем самым он пришел к выводу, что все содержание древнейшей части памятника должно относиться ко времени до указанной даты.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Москва, 2000. С. 20 ; Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. Москва, 2004. С. 189 (Далее: ПСРЛ) ; Эммауский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 17 ; Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 59 ; История города Кирова. 1374–1974. Краткий очерк. Киров, 1974. С. 13.

² Тихомиров М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. Москва, 1979. С. 124.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Москва ; Ленинград, 1950. № 24. С. 64, 66 (Далее: ДДГ).

⁴ Акты исторические. Т. I. Санкт-Петербург, 1841. № 261. С. 490–492.

⁵ ПСРЛ. Т. V. Псковские и Софийские летописи. Санкт-Петербург, 1851. С. 272 ; Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Москва, 2001. С. 147 ; Т. XX. Ч. I. Львовская летопись. Санкт-Петербург, 1910. С. 263 ; Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Ленинград, 1982. С. 45.

⁶ Эммаусский А. В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Учебное пособие. Киров, 1971. С. 21, 29–31.

⁷ Дунаев Б. И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф. И. Нащокиным. Москва, 1914. С. 10–13 (Отд. отд.).

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. Москва, 1992. С. 300–301. Прим. 327.

⁹ Некоторые сведения, относящиеся к истории города Солигалича, собранные из сохраняющихся в Солигаличе записок, преданий и других источников // Москвитянин. 1842. № 3. С. 259–263 ; Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 22. С. 7–13 ; Диев М. Солигалич // Костромские губернские ведомости. 1859. № 10, ч. неофиц. С. 97–98 ; Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. Кострома, 1862. С. 334–341 ; Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. Санкт-Петербург, 1863. С. 270 ; Миловидов Н. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886. С. 151–157 ; Сырцов И. Я. Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича // Костромские епархиальные ведомости. 1899. № 14, ч. неофиц. С. 408–409 (есть отд. отт.: Кострома, 1899) ; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. Санкт-Петербург, 2015. С. 709. Прим. 725 ; Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1882. С. 215–216 ; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. Санкт-Петербург, 1897. С. 48.

¹⁰ Верещагин А. С. Один ли был город Хлынов? // Верещагин А. С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. С. 80–91.

¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. Т. II. Санкт-Петербург, 1836. № 85. С. 178.

¹² Преображенский А. А. Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской (историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. Москва, 1978. С. 232–243.

¹³ Семячко С. А. Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (к характеристике вымышленной летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. Санкт-Петербург, 1993. С. 284–290 ; Она же. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря») // Книжные центры древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. Санкт-Петербург, 1994. С. 254–258.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. Москва, 2004. С. 149.

¹⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. Москва, 2003. С. 23; Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. Москва, 2000. С. 27, 103–104.

¹⁶ Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. Москва, 1974. С. 366.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва, 1997. Стб. 529.

¹⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Москва, 2000. С. 253.

¹⁹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 227 ; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 367–368.

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 530. Федор Васильевич скончался в 1331 г. (Там же. Стб. 531).

²¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Москва, 1969. С. 223.

²² Сказания и повести о Куликовской битве. Ленинград, 1982. С. 63.

²³ ПСРЛ. Т. III. Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000. С. 389; Т. XI. С. 170. Летописцы именуют Андрея Албердовым. Очевидно, это прозвище. Но откуда оно взято, остается неясным.

²⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. Москва, 1952. № 100, 103.

²⁵ ДДГ. № 12. С. 34.

²⁶ ДДГ. № 12. С. 36.

²⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 240.

²⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 240, 243.

²⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 244.

³⁰ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 22. Москва, 1951. С. 110–158.

³¹ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

³² ДДГ. № 29. С. 74.

³³ Сытин П. В. Откуда произошли названия улиц Москвы. Москва, 1959. С. 317 ; Паламарчук П. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 2. Москва, 1994. С. 212–213.

³⁴ ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Москва, 2009. С. 141–142.

³⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. Москва, 1951. С. 49.

³⁶ Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 г., по переписи Михаила Никитича Чирикова, да подьячего Ивана Андреева. Тверь, 1889. С. 9 ; Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. [Вып. 1]. Тверь, 1994. С. 125.

Ссылные воеводы на Вятке в XVII веке

А. П. Плетенев

Тема вятской ссылки в разное время интересовала многих исследователей истории края. Сюда отправляли польских, шведских, французских, немецких и австро-венгерских военнопленных, опальных представителей русского дворянства и чиновничества, участников польских и кавказских восстаний, членов различных политических движений и партий, оппозиционно настроенную интеллигенцию, анархистов и революционеров. Известными ссылными были А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Л. Витберг, В. Г. Короленко, Г. Каменский и другие¹. Между тем традиция ссылки на Вятскую землю уходит корнями гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Многим исследователям известен эпизод с отправкой в 1601 г. в Яранск одного из близких родственников будущего царя Михаила Федоровича – князя Василия Романова. Почти одновременно с ним в Малмыж был выслан его родственник, князь Иван Черкасский, впоследствии переведенный на службу в Нижний Новгород². Хотя в XVII в. ни Яранск, ни Малмыж еще не входили в состав Вятской земли, эти два эпизода можно рассматривать как одни из первых случаев политической ссылки на Вятку³.

В свое время А. В. Эммаусский отмечал, что Вятская земля XVII в., как относительно слабо населенная, малоплодородная и бедная, не привлекала к себе внимание воевод, желавших обогатиться за счет воеводства. Традиции управления того времени подразумевали содержание воевод и их людей за счет населения города и уезда при полном отсутствии финансирования из Москвы⁴. Большинство управленцев попадали на Вятку, что называется, по долгу службы – в порядке очереди на воеводство, либо по прямому указанию царя. Иногда назначение

являлось своего рода наказанием для бояр и столичных дворян, по той или иной причине попавших в опалу или немилость у царя.

Одним из первых опальных воевод можно назвать князя Александра Даниловича Приемкова-Ростовского, бывшего на Вятке в 1616–1619 гг., вскоре после установления здесь постоянного воеводского управления в 1613 г.⁵ Основанием послужило его участие в свадебной церемонии самозванца Лжедмитрия I с Мариной Мнишек в мае 1606 г. После воцарения Василия Шуйского князя Александра Даниловича на три года отправили воеводой вначале «на Колмогоры», а затем еще дальше – в заполярный Пустозерск (ныне исчезнувший город в Ненецком автономном округе), откуда спустя четыре года он был отпущен на Вятку («был на Пустозере четыре годы, да на Вятке был три годы»)⁶.

Честно отслужив десять лет в поморских городах, князь Александр Данилович, по всей видимости, заслужил царское прощение. С начала 1620-х гг. он уже был вхож в окружение нового царя, а в 1626 г. участвовал в свадьбе Михаила Федоровича с Евдокией Стрешневой. В начале 1630-х гг. князь Александр Данилович постригся в монахи под именем Алексея и мирно скончался 20 января 1636 г., не оставив после себя потомства⁷.

Другой ссыльный вятский воевода, князь Никита Петрович Бярятинский, также активно участвовал в событиях Смутного времени, защищая русские города от интервентов. В последние годы Русско-польской войны 1609–1618 гг. князь вместе с другими воеводами участвовал в защите Пскова, Смоленска и Москвы. После подписания Деулинского перемирия был переведен в Сибирь, где в 1623–1625 гг. служил воеводой на Верхотурье. При нем в остроге произошел полный развал хозяйства, а жители занялись производством и продажей вина («пили без меры и пропивались»)⁸. Неизвестно, насколько в этом был виноват сам Никита Петрович, и насколько его предшественники, однако уже в апреле 1625 г. он был смещен с должности и вызван в Москву. Из Москвы в 1627 г. пожилой (за 60 лет) князь был отправлен на Вятку, где он скончался спустя год или чуть больше. В «Разрядных книгах» за 7137 (1628/29) год по этому поводу сказано: «князь Микита Бярятинской на Вятке умер, а на его место послан на Вятку Гаврило Васильев сын Хлопов»⁹.

Двое других ссыльных воевод попали на Вятку уже при царе Алексее Михайловиче, который, по воспоминаниям современников, отличался вспыльчивым характером, особенно в отношении своих воен-

чальников¹⁰. Первый из них – князь Григорий Афанасьевич Козловский, был одним из крупнейших военачальников своего времени, участвовал во многих битвах Русско-польской (1654–1667) и Русско-шведской (1656–1658) войн. В 1661 г. попал в польский плен, из которого вскоре был выкуплен. Сразу же после освобождения князь Г. А. Козловский был выслан на Вятку, в качестве второго воеводы при стольнике Софроне Алферьевиче Хитрово. Последнее обстоятельство, вероятно, было особенно не по душе заносчивому князю, который был известен постоянными местническими спорами. С февраля 1663 г. князь Григорий Афанасьевич упоминается как единственный воевода на Вятке, который прослужил здесь рекордный срок – шесть лет. С его именем связано начало строительства деревянного кремля и укрепление посада, о чем сказано, например, в «Вятском временнике»: «на Вятке Хлынов город болшей земляной и кремль почал строить стольник и воевода князь Григорей Афонасьевич Козловской, а делал 3 года»¹¹.

В мае 1668 г. князь Г. А. Козловский был вызван в Москву, и окончательно покинул Вятку в июле того же года, передав дела новому воеводе Богдану Ивановичу Ордину-Нащокину (пробыл воеводой всего полгода), которого А. В. Эммаусский также считает сосланным сюда за какой-то проступок перед царем. Неизвестно на чем основаны выводы Анатолия Васильевича, однако, учитывая вспыльчивый, но отходчивый характер царя Алексея Михайловича, такую кратковременную ссылку для Б. И. Ордина-Нащокина допустить можно.

Конечно, всех трех князей (А. Д. Приемкова-Ростовского, Н. П. Бярятинского и А. Г. Козловского) следует называть ссыльными лишь отчасти. Для лиц такого ранга это являлось скорее устранением от столичных дел совмещенное с назначением в небогатый город за незначительные проступки. Удаление от царской руки в дальние небольшие города являлось частым приемом взаимодействия царей с боярами и дворянами. Впрочем, в истории Вятской земли XVII в. был воевода, сосланный сюда по сугубо политическим причинам. Речь идет о малороссийском гетмане Петре Дорофеевиче Дорошенко¹².

Потерпев неудачу в борьбе за власть, П. Д. Дорошенко был вынужден в 1677 г. вместе с семьей переехать в Москву¹³. Недавно избранный болезненный царь Федор Алексеевич, не желавший держать возле себя этого «хитрого человека» (по словам иностранца П. Гордона), решил удалить П. Д. Дорошенко из столицы¹⁴. В октябре 1678 г., «призирая на него Петра своею царского величия милостью», Федор Алексеевич

пожаловал бывшего гетмана на воеводство в дальний Великий Устюг – «город славной, многолюдной». Однако П. Д. Дорошенко сумел отказаться от такой «милости», и дальше предложения дело не пошло¹⁵. Впрочем, совсем без службы Петр Дорофеевич остаться не мог, поэтому вскоре был вынужден согласиться на очередное предложение стать воеводой. На этот раз в Хлынов, где он сменил воеводу К. О. Грушецкого, потомка польских шляхтичей и двоюродного брата царицы Агафьи Грушецкой. Интересно, что воевода, который служил на Вятке до К. О. Грушецкого – А. И. Ржевский, был прапрадедом А. С. Пушкина, а П. Д. Дорошенко – прапрапрадедом его жены Н. Н. Гончаровой. Так на Вятке XVII в. почти одновременно служили предки великого русского поэта и его супруги.

Малороссийская фамилия, столь необычная для Вятки того периода, подверглась впоследствии многократному искажению. Так, в анонимном «Слободском хронографе» Петр Дорофеевич указан на русский манер – «Дорошеской», и с отчеством «Федорович». А. И. Вештомов в «Истории вятчан» упоминает его как «Удорошенко», а в «Реестре бывшим воеводам на Вятке во граде Хлынове» из рукописного сборника первой половины XIX в. Петр Дорофеевич указан под фамилией «Дорошонок». Лишь в 1854 г. А. Л. Тянгинский, на основании ряда грамот, опубликованных к тому моменту Археографической комиссией, сумел исправить все разночтения¹⁶.

Короткое воеводство П. Д. Дорошенко на Вятке отметилось тремя знаковыми событиями: наблюдением комет в 1680 и 1682 гг., масштабным пожаром в августе 1679 г., почти уничтожившим весь город, и связанной с этим реконструкцией хлыновского кремля, начатой в 1682 г.¹⁷

Примечания

¹ Из основных трудов по теме политической ссылки см.: Мирон Н. К. Вятская политическая ссылка. Вятка, 1925; Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. Москва, 1933.

² Несколько слов о предках царя Михаила Федоровича и об отношениях их к Вятке // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1913. Вып. 1–2. С. 355 (Отд. 1).

³ Еще более древним случаем отправки на Вятку опальных политических фигур следует признать высылку сюда в самом начале XV в. вместе с семьей князя Семена Дмитриевича – второго сына великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. См.: Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 31–32.

⁴ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 148.

⁵ Роспись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты // Временник Общества истории и древностей Российских. Москва, 1849. Кн. 3. С. 6–8. III. Смесь.

⁶ Боярский список 1611 года. Санкт-Петербург, 1895. С. 16; Акты, относящиеся до гражданской расправы. Киев, 1860. Т. 1. С. 283. А. Б. Лобанов-Ростовский ошибочно приписывает князю А. Д. Приимкову-Ростовскому некоего сына Андрея, который якобы служил на Вятке в 1617 г., за год до отца. См.: Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1895. Т. 2. С. 181.

⁷ Русский биографический словарь / изд. А. А. Половцев. Санкт-Петербург, 1905. Т. 14. Плавильщиков – Примо. С. 790–791.

⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Санкт-Петербург, 1841. Т. 3. 1613–1645. С. 186–187, 223, 251.

⁹ Книги разрядные. Санкт-Петербург, 1855. Т. 2. 1628–1645. С. 200–201.

¹⁰ Козулин В. Н. Царь Алексей Михайлович глазами западных современников : образ личности через призму потестарных стереотипов // Былые годы. 2017. Вып. 45. С. 754–764. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1504272546.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

¹¹ Временник, еже нарицается Летописец Российских Князей, како начаса в Российской земле княжение и грады утвердишася. Вкратце написано / Публ., прим. А. С. Верещагина // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905. Вып. 2. С. 55 (Отд. 2).

¹² Подробнее о взаимоотношении центральной власти и П. Д. Дорошенко в этот период см.: Рогожин А. А. Москва и гетман П. Д. Дорошенко накануне Чигиринских походов // Славянский альманах. Москва, 2014. С. 55–66.

¹³ Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской службы от 1655 до 166 г. и во время пребывания в России от 166 до 1699 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. Москва, 1892. Кн. 3 (162). С. 99.

¹⁴ Кочегаров К. А. К истории пребывания в России гетмана Дорошенко в 1677–1685 годах // Славяноведение. Москва, 2013. № 2. С. 17–33.

¹⁵ Завойская Н. Е. Гетман Петр Дорошенко на вятском воеводстве // Вятский исторический сборник. Годы 2020-й – 2022-й. Киров, 2023. С. 127–129.

¹⁶ Мусихин А. Л. Слободская летопись : исследование и публикация текста // Обретение святых – 2015 : сборник материалов VII Межрегиональной церковно-научной конференции. г. Киров, 17–18 октября 2015 г. Киров, 2016. С. 41 ; Вештомов А. И. История вятчан со времени поселения их на реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год чрез 600 лет. Казань, 1907. С. 108 ; Записка о некоторых гражданских и церковных событиях в г. Вятке и в особенности относящихся до кафедрального собора, сделанные протоиереем оного Лукою Юферевым. Рукопись 99. Л. 99 ; Тянгинский А. Л.

О вятских воеводах до 1700 года // Вятские губернские ведомости. 1854. 9 июля (№ 28). С. 212. (Отд. 2. Часть неофиц.).

¹⁷ *Времянник, еже нарицается...* С. 60–61.

О времени возникновения села Ржанополомского Вятского уезда

Н. Л. Головизнина

Обращаясь к истории села Полом, мы будем говорить о раннем времени и о тех местах, которые назывались Вотским краем. Не вдаваясь в подробности археологических древностей коренных жителей, сразу скажем об активном проникновении в ту местность, история которой нас занимает, русского населения из центральных районов страны.

Немалое значение в этом принадлежит реке Чепце, которая, как и река Вятка, сыграла большую роль в истории колонизации края. Она считалась проводником русского населения в лице новгородских повольников (ушкуйников) вглубь обширной «вотяцкой страны». В бассейне верхней Вятки особенно большое количество сел русских поселенцев возникло именно по реке Чепце и ее притокам. Документы достаточно рано фиксируют на данной территории русские поселения – займища и починки. В поисках лучшей доли, свободы славяне переселялись сюда, спасаясь от крепостного права, польско-шведской интервенции, ожесточенных распрей за царский престол, церковного раскола патриарха Никона, от всего жестокого и кровавого, чем известны XVI и XVII столетия.

Русские поселенцы делили территорию с удмуртами, в отдельных местах с татарами. Новопришельцы привнесли сюда более высокую культуру земледелия, новые ремесла, обогатили духовную культуру края. Надо полагать, что среди них уже были владевшие грамотой, знавшие книгу.

Самое раннее упоминание о Ржаново-Поломе называл изыскатель местной истории В. Н. Прокашев. Ссылаясь на писцовую книгу начала XVII в., он отмечал: «Займище на моте по 143 год (1635 г.) Чепецкому стану на диком лесу на полполчеть выти, а в межах то займище по обе стороны малого ключа да вниз до речки до Филипповки по обе стороны

да сверх малого ключа по Глубокому логу до болота, а в другую сторону по малому Березнику до Ржаново Полому по ратной дороге к той же речке Филипповке...»¹.

Когда читаешь такие давние, дошедшие до нас тексты, каждое слово звучит в них былинным напевом. Хочется прочесть, как стихотворение, и постичь смысл сказанного почти четыре сотни лет назад. «Займище на моте» – место, которое заняла семья под распашку в Чепецком стане. Выбрала место удачное, красивое и по «ратной дороге недалеко от Ржаново Полому». В некоторых документах встречаешь слово «ратный», написанном с большой буквы: «...починок на Ратной дороге», и вполне соглашаешься с теми, кто считает, что сначала прошли по этой дороге ратники, а позднее она приобрела хозяйственное значение.

А. Костяев, ссылаясь на сведения переписной книги Российского государственного архива древних актов, привел следующие сведения: «...по Хлыновскому уезду в Чепецком оброчном стане на листе 390 уже значится Починок Ржаной Полом, а в починке два двора: двор Ивашки Федорова сына Шиляева да двор Марка Алексева сына Костяева. При этом не сказано, что починок вновь. Значит, он существовал и до 1646 года. Следует заметить, что Марк Костяев переселился сюда из починка Лучки Костяева, что по над речкой Солоковкой (сейчас это деревня Солоково в Кирово-Чепецком районе. – *Н. Г.*), где он и жил со своим братом Лукой»². И неизвестно, по какой причине, но Марк (Марчико) уходит из родных мест, хотя и не далеко, и, как видим, проживает в починке Ржаной Полом вместе с Ивашкой Федоровым сыном Шиляевым. Если учесть, что в 1635 г. Ржаново Полом – это займище, то есть место, занятое под распашку, расчистку; в 1646 г. – починок Ржаной Полом, то есть поселение в один-два двора, которые оброком обложены, то напрашивается мысль, что починок этот стал в недалеком будущем деревней. Случиться этому было нетрудно, достаточно к первоначальным дворам присоединиться еще несколькими и появилась деревня Ржанополомская. Так складывалась постепенно территория села. А Марчико сына Костяева и Ивашку Федорова сына Шиляева можно считать первооткрывателями этих земель.

Со второй половиной XVII в. связывал основание Ржанополомского как русского поселения наш земляк историк П. Н. Луппов (1867–1949). Он полагал, что село возникло между 1658–1660 гг.³ Важные сведения по данному вопросу собрала местный краевед А. П. Летова, много времени посвятившая работе по истории села в Центральном государст-

венном архиве Кировской области. Она также придерживается даты – 1658 год – как времени основания села.

Архивариус Вятской духовной консистории В. И. Шабалин начало села Ржанополомского и построение первой деревянной Благовещенской церкви с приделом в честь Трех Святителей относил ко второй половине XVII столетия (1658–1660 гг.). Обращает внимание в его тексте неразрывная связь между «открытием села» и «построением церкви». Автор, что чрезвычайно ценно, рассматривал эти два события как единое целое⁴.

По переписи населения 1678 г. Ржанополомское значится как погост с церковью Благовещения Пресвятой Богородицы⁵. Хотелось бы заранее предостеречь от следующего: не нужно путать погост Ржанополомское с понятием «кладбище». Для Вятской земли в XVII в. погост – это обычное явление в качестве церковно-административного деления, и прежде всего это означает место, селение, где стоит церковь с кладбищем и домами церковнослужителей, с приписанными к церкви деревнями и землями (пашни, леса, угодья). В Ржанополомском на этих землях располагались дома церковнослужителей, бобылей, нищих и других.

В материалах первой ревизии 1719–1721 гг. Ржанополомское впервые обозначено как село⁶. В поисках даты основания мы исходим не только из официальных документов, исследований ученых и изысканий краеведов. Нередко история того или иного селения восстанавливается по народным преданиям, хотя надежным источником их считать нельзя. В 1984 г. старейший житель, учитель Василий Гаврилович Созонтов (1906 г. р.), написал историю села Ржаной Полом. Он много беседовал с людьми старшего поколения и от колхозников деревни Малый Коньп, что километрах в семи от Ржаного Полома, узнал: «...копали колодец на улице для нужд народа данной деревни и выкопали глубоко, до 10–12 метров, и увидели: лежат примерно двухметровые отрезки толстых стволов деревьев. Когда их открыли, то обнаружили человеческие кости и военные снаряжения: копья, стрелы, ножи, кольчуги...».

По мнению В. Г. Созонтова, поселение на месте села Ржаной Полом могло появиться еще в XII–XIII вв., когда теснимые пришлыми боевыми людьми малочисленные группы были вынуждены уйти с крупных рек (Чепца), на их притоки, просто на малые речки, которые находились в более глухих, малоуязвимых местах⁷.

Надо сказать, что данная легенда не беспочвенна. Рядом с деревней Малый Коньп находится уникальный археологический памятник –

древнерусское поселение Кривоборское городище, существовавшее в XII–XIV вв. Установлено, что это был охранный пункт (форпост) для вятского города Никулицына. Высокий левый берег реки Чепцы у деревни Кривобор мог быть хорошим наблюдательным пунктом. При раскопках городища обнаружены железные предметы: клин от топора и ножи, наконечники стрел.

Догадка В. Г. Созонтова подтверждается выводами современного исследователя истории Кирово-Чепецкого района Е. Н. Загайновой, которая считает, что низовья реки Чепцы начали заселяться русскими людьми с конца XII – начала XIII в. Первоначально они составили часть древней Никулицынской волости, а затем вместе с ней были включены в пределы Вятской земли. Кривоборское городище являлось ее крайним форпостом на востоке. Широкий размах русская колонизация приобрела после монголо-татарского нашествия, когда русские люди устремились на север в таежные дебри, чтобы избежать насилий и разорения со стороны золотоордынских захватчиков. Русские поселенцы ставили на своей новой родине починки, деревни, погосты⁸.

Несмотря на данные факты, точную дату основания села установить трудно, но важно то, что оно находится в списке селений, которые в прежнее время отличались наибольшей устойчивостью. «Для окружающего населения они служили своего рода небольшими центрами – торговыми, административными и религиозными. С этими местными центрами (селами) по преимуществу имели дело и местная администрация, и центральное русское правительство, а потому наименования их часто попадали на страницы разного рода документов. Установление даты возникновения таких центров является делом уже более возможным»⁹.

Даты придают устойчивость историческому событию, и до выявления новых первоисточников соглашаемся, что датой основания села Ржанополомское является 1658 г.

В целом факты дошедших до нас ранних документов позволяют отследить историческую логику создания села как местного центра на территории, где уже появились русские селения: городища, займища, починки, деревни, и как точнее писал Павел Николаевич Луппов – «пожелали объединиться» в село.

История Ржанополомского – это классический пример формирования села на территории ранее освоенной и коренными жителями края, и новопришельцами – славянами. Село складывалось как хозяйственный, церковный и административный центр с населением, которое именовалось вятчанами.

Примечания

¹ Полом – мое село родное» : история села Полом / сост. М. А. Синкина. Кирово-Чепецк, 2019. С. 4.

² Полом (Ржанополомское) // Родная Вятка : краеведческий портал. URL: <https://godnaa-vyatka.ru/places/82507> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Луппов П. Н. История вятских сел // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4 : История. Киров, 1995. С. 174.

⁴ Шабалин В. И. Настольная книга о церквях и духовенстве Вятской епархии (1909 г.) // ЦГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 5.

⁵ Полом (Ржанополомское) // Родная Вятка...

⁶ Там же.

⁷ Созонтов В. Г. История с. Полом // Школьный краеведческий музей с. Полом. 1984. Рукопись; Он же. Сведения о районной экспедиции. Схемы маршрутов // Там же. 1984. Машинопись.

⁸ Загайнова Е. Н. Далекое прошлое // Кировец. 2014. 19 февр. С. 3.

⁹ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 139.

Крепостное владение в средневековых монастырях (на примере Спасского Цепочкинского монастыря)

Д. Н. Казаков

Крепостное право было, как известно, частью жизни феодального средневековья и в Западной Европе, и на Руси. Не обошла этот этап развития общества и Вятская земля. Здесь пик крепостничества пришелся в основном на XVII–XVIII вв., когда служилым людям царями дарились земли с деревнями и жившими в них крестьянами. Так, по «Переписной книге Я. М. Толочанова и А. Фаворова» 1646 г. за помещиком Василием Дмитриевичем Голохвастовым в будущем Уржумском уезде числилось «село Лебяжье, что на реке Вятке, 20 дворов крестьянских, да ево ж Васильева усадебная деревня Ошлань, а в них 20 человек крестьян, да детей и братья 19 человек...»¹. По той же «Переписной книге Я. М. Толочанова и А. Фаворова» в Уржуме крепостные принадлежали и помещикам, и священникам, и монахам, и толмачам, и даже пономарям²: «И всего на Уржуме на посаде посадских и бобыльских дворов и за Спаским Цепочкиным монастырем и за помещики и за воскресенскими попы и за пономарями и за толмачи крестьян и бобыльских 150 дворов, а в них посацких людей и в уезде крестьян и бобылей и их детей и братья и племянники 261 человек...»³.

В более позднюю эпоху, накануне своей ликвидации, крепостное право в Вятской губернии сохранялось в основном на больших заводах, а также в помещичьих землях. В сравнении с другими губерниями к середине XIX в. число крепостных на Вятской земле было небольшим. Так, на 1850 г. общее число помещичьих крепостных в губернии исчислялось 28282 чел. Общее число «владельческих мастеровых и рабочих людей, состоящих при частных горных заводах и фабриках», в 1858 г. составляло 11473 чел., а число государственных крестьян исчислялось сотнями тысяч⁴.

Существовало крепостное право и в вятских средневековых монастырях – Вятском Трифоном и Уржумском Спасском Цепочкинском, которые владели в те времена большими территориями с десятками деревень и сотнями крепостных. По сохранившимся скудным грамотам сложно понять, в какой форме существовало на монастырской земле крепостное право – либо земли сразу жаловались монастырю вместе с деревнями и проживавшими там крестьянам, либо крестьяне просто оказывались со своей деревней на земле, пожалованной монастырю, и за это выплачивали ему оброк и исполняли некоторые повинности. В какой форме выплачивался оброк и выполнялись крестьянами повинности для вятских монастырей, эти сведения пока не удалось обнаружить.

В Уржумском уезде Спасский Цепочкинский монастырь был одним из самых больших владельцев крепостных. Судя по сохранившимся грамотам и актам, земли с деревнями монастырю жаловались самими царями. Об этом, например, свидетельствует «Грамота царя Петра Алексеевича на Уржум воеводе Ф. Л. Юрову о межевании земель Спасского Цепочкина монастыря», датированная 1694 г., с тщательным перечислением разных деревень и числом проживавших там крестьян и принадлежавшим им недвижимым имуществом (пашенными и сенокосными землями). Например, про деревню Малкову сообщалось: «Деревня Малкова на ключе, а в ней: крестьянских 12 дворов, людей в них 45 человек; той же деревне пустых 3 двора; пашни паханные добрые земли 138 чети без третника в пол, а в дву потому ж; сена меж пол и по заполью 90 копен»⁵.

Расширяя свои владения, монахи иногда объявляли свои притязания и на деревни, монастырю не принадлежавшие, но появившиеся на его земле, без его ведома. Так, в 1660-х гг. у монастыря вышел спор с девятью новыми деревнями, которые начали расчищать лес поблизости от своих поселений. Монахи утверждали, что они являются владельцами

леса, а местные жители (марийцы), напротив, доказывали, что этот лес истари принадлежит им – от своих предков, а также сенные покосы и ловли на реке. Вот что об этом споре рассказывалось в 1669 г. в «Ввозной грамоте Казанских воевод, данной игумену Спасского Чепочкина монастыря Геласию с братиею на вотчинную их пашенную землю, на сенные покосы и на крестьян»: «...И в прошлом во 176 году били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великие и малые и белыя России самодержцу крестьяня Уржумского уезду д. Малковы, д. Крюковы з деревнями и с починки, Бориско Черезов: тому де лет з дватцат поселилися они на черном лесу с устья Чепочкина озера до Варзанки речки и вверх по речку по Сику до зимние черемисские дороги и полным межам и урочищам на сенных покосех, и черной лес розчищали и пашенную землю они, крестьяне, розпахивали сами и с них учили имат Уржумского Чепочкина монастыря старцы оброк, а сказывали, что де та земля у них, старцев, написана в крепостях; а у них де, старцев, тое земли в дачах нет, и ничем им не крепка; а люди де они волные, во крестьянех и в бобылех за ними не живали; а ныне де они хотят великому Государю учинит прибыл, сесть на ясаки, и великий Государь пожаловал бы их, велел их переписатьи положить на них ясаки... А в сыску 13 человек крестьян сказали: тех де деревень и починков крестьяне поселились в черном лесу и росчищали тот лес они, крестьяня, а прежде сего тот лес был черемиской, а старцы де почему в тот лес вступаютца, того они не ведают. Да двенатцат человек крестьян же сказали: тех де деревень и починков крестьяни поселилис на черном лесу и тот лес росчищали, а ясачной ли тот лес или монастырской, того они не ведают. Да ис тех же людей три человека в речах своих прибавили: тот де лес вотчинной ясачной черемиской истари, а не монастырской, а почему в тот лес старцы вступаютца, того они не ведают. В сыску же тридцат три человека черемисы сказали: тех де деревень и починков крестьяня поселились на черном лесу и тот лес розчищали, а тот де лес истари их черемисский, и платили де они с того лесу меду по 17 басман с четью на год, а сенные де покосы и рыбные ловли были их же, черемисские»⁶.

Правда, нередко бывало и такое, что земли самого монастыря, особенно отдаленные, захватывали мирские люди и даже монастырские крестьяне. Об этом жаловался в грамоте царю в 1694 г. игумен Спасского монастыря Софроний с братьями обители: «Уржумского де у Чепочкина монастыря земли по писцовым книгам в розных лет но (на?)

далном (расстоянии), и тех монастырских земель уржумцы помещики и вотчинники, также и ясачные крестьяне и люди, к своим землям привладели, грани повырубили и ямы заровняли, а на иных монастырских дальних их землях монастырские же их крестьяне в прошедших годах, сошед с тяглых земель, на которым за монастырем они понаписаны, самовольством поселилися и живут на монастырских же землях, и те монастырские земли изоброчили ясачным оброком нахвално, им не послушны...»⁷.

Земли Цепочкинского монастыря граничили с владениями другого крупного церковного землевладельца – Вятского Трифонова монастыря, которые доходили до Уржумского уезда. Нередко это вызывало яростные межевые споры между монастырями. Например, много лет два монастыря не могли поделить одну небольшую местность между речками Чепочкой и Бум, оказавшейся на их пограничной территории, что отразилось в десятке грамот. Причина была в том, что монахи Трифонова монастыря утверждали, что эти земли были пожалованы еще архимандриту Вятского Успенского монастыря Трифону Чудотворцу. В грамоте 1683 г. «царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Уржум межевщикам Д. Полочанинову и Т. Бакшееву, по челобитью Вятского Успенского монастыря архимандрита Александра с братиею о спорной с Чепецким монастырем земле между реками Чепочкой и Бум» сообщалось: «...В прошлых де годах завладели у них напрасно насилством своим Уржумского Чепецкого Преображенского монастыря игумен Герасим з братьею старинную их уржумскую вотчинную жалованную землю, со всякими угодыя, и крестьян своих поселили... А та им земля со всякими угодыя пожалована и дана изстари тоя святыя обители Успения Пресвятой Богородицы первосоздателю и началнику их, преподобному отцу архимандриту Тихону Вятскому чудотворцу на пропитание братьев, безо всяких податей, в Уржумском уезде над Вяткой рекою»⁸.

В доказательство своих прав на эти угодыя вятские монахи показывали старинные грамоты и акты. В одной из них говорилось: «А в грамоте 103 года в Казань к боярину и воеводам ко князю Ивану Михайловичу Воротынскому с товарищи написано: бил челом прадеду нашему государеву, блаженная памяти великого государя царю великому князю Федору Ивановичу всеа Росии, Вятцкого Успенского монастыря игумен Трифон, которые де земли Казанского уезду подошли к монастырской земле, что им дано на рыбные ловли, речки и озерка и полянки, и им де мощно на монастырский обиход хлеб пахать и сено косит и рыба

ловить, и теми рыбные ловли и санными покосы и пашнею без грамоты владеть не смеют»⁹.

Была заинтересована в этом споре и третья сторона. Сами крестьяне решили перейти из ведения Цепочкинского монастыря под попечение Вятского Трифонова монастыря, утверждая, что «деды и отцы их и они Успенского Трифонова монастыря крестьяне», то есть Спасский монастырь удерживал их незаконно¹⁰. В царской грамоте 1689 г. указывался братией Цепочкинского монастыря такой любопытный факт, что передача шести деревень от Цепочкинского монастыря была совершена «по ложному челобитью» Вятского Успенского монастыря¹¹. В одной из грамот сообщалось, что земли передал уржумский подьячий Василий Ардашев. Кто здесь был прав и по какой настоящей причине спорные деревни перешли от одного монастыря к другому, теперь уже сложно узнать.

Потому иногда случалось и так, что теми же грамотами цари передавали часть земель от одного монастыря другому, чтобы избежать лишних споров. Так были переданы вятскому монастырю эти спорные деревни, принадлежавшие ранее Цепочкинскому монастырю. Об этом свидетельствует, например, «Грамота послушная царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны в вотчину Вятского Успенского Трифонова монастыря, в деревню Вострую-Веретею с другими деревнями о том, чтобы крестьяне властей монастырских слушали, на них работали и доходы им платили», датированная 1687 г.: «...В нынешнем во 195 году ноября в 11 день, по нашему великих государей указу и по жалованной нашей грамоте, из Уржумского уезду промеж Чепочкою и Буею речками отказано в Вятский уезд, по старинным жалованным нашим грамотам 103 году, к Успенскому Трифонову монастырю, архимандриту Александру з братьею, вечно во владенье, что были ясячные деревни и починки: ... всего 12 деревень и починков, людей в них 309 человек»¹². В другой царской грамоте того же года сообщалось: «... Уржумского Чепочкина монастыря и дворовых крестьян и санных покосов убыло, потому что во 195 году, по жалованной грамоте, из Уржумского уезду, промеж Чепочкою и Буею речками отказано в Вяцкой уезд к Успенскому монастырю архимандриту Александру з братьею вечно во владенье, что были ясашые деревни и починки: ... в них крестьян 83 двора, людей в них 309 человек»¹³.

Всего в 1687 г. было передано Вятскому Трифонову монастырю 12 деревень. Подробно они перечислялись в 1690 г. в «Грамоте царей

Иоанна и Петра Алексеевичей на Уржум воеводе Я. И. Ларионову с повелением предоставить по прежнему во владение Трифонову Монастырю землю между реками Чепочкою и Буею...»: «... А в Уржумских в писцовых книгах Михаила Поздеева да подъячего Ивана Андреевича 195 году написано: по нашему великих государей указу и по жалованной грамоте, из Уржумского уезду, промеж Чепочкой и Буею речки, отказано в Вятский уезд, по старинным жалованным грамотам 103 году, к Успенскому Трифонову монастырю архимандриту Александру з братьею вечно во владенье, что были ясашные деревни и починки: деревня Веретя, деревня Варзанка, деревня Тобековских Оторищ Сосновая Веретя тож, деревня Тойбечкина, деревня Тобековских оторищ Естюнина тож, деревня Тобековских оторищ Межуполная Веретя тож, деревня Тобековских оторищ Чакин починок тож, деревня Кирюхин починок, починок Грызухин, деревня Володимерова, деревня Пестова, деревня Бровцына Какуй тож, в них крестьянских 83 двора, людей в них 309 человек, пашни паханные добрые земли 631 чет с полутретником в поле, а в дву потому ж, да лесом поросло под пашню годных мест 319 десятин, сенных покосов 7 десятин с третью, да волости Вичьмори в д. Новой, Путюнки тож, отказано им 14 дворов крестьян без земли; всего во всех деревнях отказано из Уржумского уезду в Вятской уезд к тому Успенскому Трифонову монастырю 97 дворов»¹⁴.

Спасский Цепочкинский монастырь много лет пытался обжаловать незаконную, по его мнению, передачу этой местности Вятскому Трифонову монастырю, лежавшей между речками Цепочкой и Буюем. Последняя точка в межевом споре была поставлена только в 1694 г. и снова тяжелой царской рукой. По царской грамоте предписывалось: «...По межевым книгам и по жалованной правой владеной грамоте, владеть и быть за Вятским Успенским Трифоновым монастырем, и ныне и впредь неподвижно и бесповоротно»¹⁵. Кроме того, эта земля исключалась не только из владений Цепочкинского монастыря, но даже переходила из Уржумского уезда в Вятский. В 1695 г. власти вятского монастыря распорядились выслать с новой территории даже крестьян, поселившихся в нескольких деревнях, видимо, без разрешения монастыря. Так и было сделано: «И из тех деревень с той их монастырской старинной вотчинной земли крестьян и новокрещенов и черемис сослали при себе всех до одного человека»¹⁶.

Сколько всего деревень и крепостных насчитывалось во владении Спасского монастыря? Некоторый свет на это проливают сохранивши-

еся монастырские акты и грамоты. Например, в переписи Толочанова и Фаворова за 1646 г. указывалось: «И всего за Спасским Чепочкиным монастырем в слободе и в починках 64 двора крестьянских, да 28 дворов бобыльских, а в них крестьян и бобылей 89 человек, да их детей и братья 85 человек»¹⁷. Перенесемся через полвека вперед. В «Жалованной правой (подтвердительной) грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей в Успенский Трифонов монастырь архимандриту Александру з братиею...» на 1693 г. во владениях Цепочкинского монастыря указывался 121 крестьянский двор и 77 бобыльских: «...В Приказе Казанского дворца в Уржумских их в переписных книгах столника Любима Кравкова да подъячего Луки Фролова 186 году написано: Спасского Преображенского Чепочкина монастыря в вотчине, на реке Вятке, у монастыря в слободе и в деревнях и в починках крестьянских и бобыльских дворов 121 двор. А по уржумским писцовым книгам столника Михаила Поздеева да подъячего Перфилья Ксенифонтова 193 и 194 году написано за тем же Спасским Чепочкиным монастырем: в вышеписанной слободе и деревнях церковных причетников 7 дворов, двор конюшей, крестьян и бобыльских 77 дворов, и в том числе 6 дворов вдовьих, да пустых крестьян и бобыльских 73 двора...»¹⁸. В переписи Толочанова и Фаворова поименно перечислялись все крестьяне и другие лица, жившие на землях Спасского монастыря. Например, про починок Отары указывалось: «Починок Отар, а в нем во дворе: Якунка Гаврилов сын Кононовых. Во дворе: Матюшка Савин сын Лянгасов. Во дворе: Ерофейко Филипов сын Кононов. Во дворе: Ондрюшка Гаврилов сын Кононов. Во дворе: Ганка Гаврилов сын Кононов. Во дворе: Тимошка Севастьянов сын Устюженин»¹⁹.

Как уже ранее отмечалось, в 1687 г. по царскому указу несколько деревень, принадлежавших Спасскому монастырю, было передано Вятскому Трифонову монастырю: «И по нашему великих государей указу, столник и воевода Михайло Трусов вышеписанные деревни меж Чепочки и Буя и Шудшора речками, деревню Вострую Веретею з деревнями, с крестьяны, и з землею и с санными покосы и с рыбными ловли и со всякими угоды по урочищам, против писцовые выписи столника Михаила Поздеева да подъячего Ивана Андреянова 195 году, и по грамоте и по даче 103 года, отвел и отказал из Уржумского уезду за Вятской Успенский Трифонов монастырь; а которые деревни поселились в той же округе речки Чепочки и Буи Уржумского уезду Спасского Чепочкина монастыря и Черемиса, д. Малковы з деревнями, и по нашему великих

государей указу велено их с тое вышеписанные земли сослать, а тое землю отказать и отвесть за Вятский же Успенский Трифонов монастырь, и в тех деревнях крестьяна и Черемиса писаны ниже сего...»²⁰.

Как жилось крепостным крестьянам на землях Спасского монастыря? Немногочисленные монастырские грамоты ничего не сообщают об этом, но свидетельство того, что зачастую крестьяне бежали отсюда, могут говорить о том, что жизнь их была здесь нелегкой. Некоторые деревни при этом пустели полностью. Причина здесь крылась не только в какой-то тяжелой зависимости от монастыря, а в том, что ясачные крестьяне, проживая на землях монастыря, выплачивали подати и оброки и в Уржумскую казну. Интересно, что одно время оброк за крестьян выплачивал сам Цепочкинский монастырь (по три рубля в год с чел.). По всей видимости, большие суммы, выплачиваемые за крестьян, оказались очень обременительны для монастыря, и впоследствии платить за них он перестал²¹. В 1689 г., очевидно, по ходатайству монастырских властей по царскому указу крестьяне Спасского монастыря были освобождены от уплаты рублевых денег²². Поэтому, можно сказать, Цепочкинский монастырь не «драл с крестьян три шкуры», а даже пытался облегчить их положение.

От недородов и больших податей крестьяне и бежали. В царской грамоте 1688 г. о поимке беглых крестьян Цепочкинского монастыря кратко сообщалось: «... Крестьяне де у них и бобыли розбрелись врознь от хлебного недобору и живут в Казанском и Уржумском и в иных уездах, а им де чинятца непослушны»²³. Но беглые крестьяне недолго радовались свободе, их быстро находили и возвращали хозяину обратно. В некоторых грамотах сообщались косвенные причины возвращения назад беглых крестьян. В упомянутой выше грамоте 1688 г. монастырские власти сообщали, что из-за отсутствия бежавших подати тяжелым бременем ложились на плечи остальных крестьян, от чего их хозяйства разорялись: «...А наши де великих Государей всякие подати за тех беглых крестьян и бобылей правят на них и на достальных их крестьянах ямские и полоненичные денги и стрелецкий хлеб... и достальных их крестьян разорили в конец без остатку»²⁴. Чтобы остальные крестьяне не разорились совсем, монастырь и старался вернуть назад беглых, чтобы на его земле была бы некая форма экономической стабильности.

Иногда для поимки беглецов использовались очень жесткие методы. Об этом, например, может говорить название царской грамоты 1688 г.,

посланной «...в Казань и в иные понизовые города боярам, воеводам и всяким приказным людям с повелением давать игумену Спасского Чепочкина монастыря Макарию приставов, разсыльщиков и пушкарей для поимки беглых монастырских крестьян и бобылей»²⁵.

Вот один из таких случаев поимки беглых крестьян, бежавших на соседние земли Вятского Трифонова монастыря, описанный в 1686 г. в «Грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны в Уржумском уезде писцам М. М. Поздееву и подьячеву И. Андреянову, об отводе Успенскому Трифонову монастырю вотчинной монастырской земли между реками Чепочкою и Буею с беглыми монастырскими крестьянами и их хлебом»: «Июля в 15 день подьячей с служилыми людьми привел на Уржум на съезжей двор крестьян 5 человек и указ Великих Государей о тех вышеописанных беглых крестьян Вятскому Успенскому Трифонову монастырю приказному старцу Арсению он сказывал, чтоб он ехал на Уржум и объявил на тех вышеописанных беглых крестьян крепости... Отдать в Уржумский Спасской Чепочкий монастырь игумену Макарию з братьею по прежнему во крестьянство з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым и з земляным»²⁶.

Правда, крестьяне заверяли, что «люди де они волные, во крестьянех и в бобылех за ними не живали». На что «святые» старцы показывали им некие «крепости», где поименно указывались имена беглых крестьян или их родителей. Поскольку крестьяне в те времена были сплошь неграмотные, доказать или опровергнуть эти письма, кроме монахов, никто не мог. Поэтому им ничего не оставалось, как смириться и вернуться обратно на земли Спасского монастыря.

Остальных беглых тоже было велено розыскивать. В грамоте повелевалось: «А которых беглых Чепочкина монастыря крестьян против челобитья и росписи игумена Макария з братьею в сыску и в приводе на съезде дворе не было, и тех крестьян велети сыскивать Вятцкого Успенского Трифонова монастырю архимандриту и, сыскав, велеть отвезть на монастырских их подводах и отдать в Спасский Чепочкинский монастырь з женами их и з детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым и з земляным и написать тех крестьян в отдаточные книги и поголовные денги по указу с игумена Макария з братиею взять, а крестьян отдать с роспискою по указу»²⁷.

Как уже говорилось ранее, некоторые крестьяне поступали хитрее и, переходя на земли другого монастыря, называли себя его собствен-

ностью, а также будто бы принадлежали монастырю и их отцы и деды. Впрочем, на землях Вятского Трифонова монастыря жизнь тоже не была легкой для крепостных, так как кабала этого монастыря являлась более тяжелой, чем у Уржумского, где монахи даже сами платили оброк за своих крестьян. Отсюда крестьяне тоже бежали, уже на юг губернии. В царской грамоте 1689 г. «...В Казань воеводам о розыске крестьян, бежавших из Сунской вотчины Успенского монастыря» говорилось: «Из Вятцкого уезду крестьяне их монастырские, з женами и з детми и сродичи своими и з животы разбрелись врознь в Казань и в Казанский присуд, и в разные города и уезды, в села и в деревни и в починки и живут за всякими чинов людми...»²⁸.

Нередко крестьяне Вятского Трифонова монастыря поднимали восстания против непосильного монастырского правления. Особенно жестокий крестьянский бунт имел место в 1677 г. в Кырчанской волости Вятского Трифонова монастыря, где взбунтовавшиеся крестьяне убили несколько монастырских служащих и оставшимися верными монастырю крестьян и занялись разбоем и грабежами. Был пленен даже архимандрит Иоль, приехавший увещевать восставших. Мятежники собирались его «побить кольем». Несмотря на все сотворенное, наказание для бунтовщиков у монастырских властей было довольно милостивым – им грозило быть только битыми кнутом²⁹.

Возможно, по причине всевозможных тяжелых налогов и неурожаев вятчане массово в XVII в. бежали с родных земель на Урал и в Сибирь. Вот почему в Вятском уезде в XVII в. целые деревни стояли пустые. Эти пустые деревни «с добрыми землями», покинутые своими жителями, часто упоминаются в писцовых книгах XVII в. Потому что на своей земле все равно не убежишь, все равно найдут и вернут обратно в холопы. Зато в Прикамье, на Урале и в Западной Сибири наблюдался в это время пик переселенчества русских крестьян.

В 1764 г. императрица Екатерина II одним росчерком пера прекратила историю средневековых русских монастырей с их огромными владениями, когда провела реформу по конфискации монастырских земель. Цепочкинский и Вятский Успенский монастыри лишились своих огромных земельных территорий с сотнями крепостных крестьян, а Цепочкинский монастырь был и вовсе ликвидирован, как и многие другие подобные ему обители. Многие годы памятью об этом монастыре служила красивейшая церковь, возведенная во времена его расцвета. На освящение этого храма в начале XVIII в. приезжали казанские вла-

дыки. По свидетельству протоиерея Алексея Сухих, анализировавшего дореволюционный снимок фотографа В. Е. Нелюбина, еще в начале XX века в церкви был настоящий музей, где бережно сохранялись древние писцовые книги, синодики и вещи, принадлежавшие игуменам и братии Спасского монастыря³⁰. В конце 1930-х гг. церковь была уничтожена, и все эти бесценные раритеты безвозвратно утеряны...

Примечания

¹ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря. 1645–1694 // Труды Вятской ученой архивной комиссии 1913 г. Вып. 3. С. 36.

² Низший церковнослужительский чин в церкви. Пономарь помогал священникам при богослужении и звонил в колокола.

³ Уржумский уезд и посад в 1646 году по переписной книге Я. М. Толочанова и А. Фаворова // Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 г. № 3–4. С. 35–37.

⁴ ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 8.

⁵ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря. 1645–1694 // Труды Вятской ученой архивной комиссии 1913 г. Вып. 3. С. 110–123.

⁶ Там же. С. 23–43.

⁷ Там же. С. 110–111.

⁸ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580–1764 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 г. Вып. 1–6. С. 208.

⁹ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря... С. 284.

¹⁰ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря... С. 358.

¹¹ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря... С. 72.

¹² Там же. С. 251.

¹³ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря... С. 247–253.

¹⁴ Там же. С. 271–280.

¹⁵ Там же. С. 322.

¹⁶ Там же. С. 337–339.

¹⁷ Уржумский уезд и посад в 1646 году... С. 35–37.

¹⁸ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря... С. 358. Перепись была сделана до передачи шести Вятскому Трифонову монастырю 12 деревень из вотчины Цепочкинского монастыря.

¹⁹ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря... С. 10.

²⁰ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря... С. 271–280.

²¹ Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря... С. 67.

²² Там же. С. 71–75.

²³ Там же. С. 62.

²⁴ Там же. С. 62–63.

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ Там же. С. 82–107.

²⁷ Там же.

²⁸ Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря... С. 102–103.

²⁹ Там же. С. 150.

³⁰ Протоиерей Алексей Сухих. Из старого альбома // Вятский епархиальный вестник. Вятка, 1996. № 4.

Заказчики и вкладчики предметов церковного искусства в храмы и монастыри г. Хлынова – Вятки второй половины XVII–XVIII в.

О. В. Крутина

Во второй половине XVII в. в Хлынове активно начинает развиваться местное иконописание, связанное с созданием собственной Вятской и Великопермской епархии и развитием каменного храмостроения. Важную роль в вопросе формирования и развития вятского церковного искусства играет наличие собственных художественных сил (каменщиков, резчиков, иконописцев), а также наличие людей, выступавших в роли заказчиков и вкладчиков предметов церковного убранства (икон, шитья, богослужебных предметов и предметов личного благочестия). Ранее при изучении темы местного церковного искусства, и иконописания в частности, вопрос о значении личностей вкладчиков и заказчиков особо не ставился. Рассмотреть данный вопрос позволяет исследование данных визуальных источников (собственно памятников церковного искусства) и документальных материалов. При изучении вкладных надписей на самих памятниках и в архивных документах с описями имущества городских храмов и монастырей встречаются иконы с упоминанием имен их заказчиков. В церковно-краеведческой литературе последней трети XIX – начала XX в., посвященной описанию местных храмов, при упоминании особо чтимых икон и других произведений церковного искусства информацию об их «устроителях» также можно обнаружить¹.

От предшествующего второй половине XVII в. периода сохранились имена самых известных жертвователей в храмы и монастыри Хлынова икон и окладов к ним, богослужебной утвари и облачений. Ими были великие князья Василий III и Иоанн IV, царь Михаил Федо-

рович, приложившие богатые вклады к Великоорецкой иконе святителя Николая Чудотворца (оклады, подвесные пелены и крест); царь Федор Иоаннович, пожертвовавший иконы и другие предметы церковного убранства для вновь устраиваемой обители Успения Богородицы; царь Михаил Федорович также благословил в Преображенский девичий монастырь образ своего небесного покровителя, преподобного Михаила Малеина; Алексей Михайлович взамен оставленного в Москве Нерукотворного образа Спаса Хлыновского прислал вновь написанный его список, а в г. Котельнич благословил икону Алексия, Человека Божия. Из того, что они присылали на Вятку, до наших дней сохранились некоторые из икон.

Во второй половине XVII – XVIII в. наиболее известными вкладчиками были представители местной церковной и светской власти. Одним из них являлся архиепископ Иона (ок. 1635 – 8 (18) октября 1699) – второй вятский архиерей, управлявший Вятской и Великопермской епархией с 1674 по 1699 г. Он стал учредителем каменного храмо-строительства на Вятке. Приехав на Вятку из Тихвинского монастыря, владыка Иона привез с собой Тихвинскую икону Божией Матери, список древней чудотворной святыни, и установил ее в Свято-Троицком Николаевском кафедральном соборе². На Вятской земле вложенный архиепископом Ионой Тихвинский образ Пресвятой Богородицы почитался наряду с хранившимися в Кафедральном соборе местными святынями – Великоорецкой иконой святителя Николая Чудотворца и каменной резной иконой архангела Михаила из с. Курино.

В келейной описи преосвященного Ионы 1696 г. указывается на создание еще двух церковных вкладов: «Пожаловат протодьякону, которые денги даны в соборную церков на строение, і на тѣ денги купит золота и серебра и жемчужку і построит пресвятої Богородицѣ Тихвинской убрус а порадѣт бы с вѣрою, потому что то обѣщание у меня давно, Потому ж порадѣт и протопопу с вѣрою не забыт хоругв отдана шить Григорью Дмитреївичу Строганову, вышьют взят в собор»³.

Следовательно, архиепископ Иона завещал на собственные средства заказать изготовление подвесной пелены к Тихвинской иконе Богородицы, а также повелел забрать у Г. Д. Строганова хоругвь, заказанную ранее в строгановских золотошвейных мастерских.

Среди вятских воевод в истории церковного искусства осталось имя А. И. Леонтьева как заказчика вкладной пелены к чтимой иконе Спаса Нерукотворного. Думный дворянин Андрей Иванович Леонтьев

Пелена «Богоматерь Казанская». 1682 г.
Сторона хоругви двусторонней. ВХМ. ПИ-5568

(? – 1704 (1710)) служил на Вятке воеводой с октября 1687 по 1690 г. Происходил из древнего дворянского рода, из рязанских бояр, сын воеводы Ивана Черницы Иванова сына Левонтьева и Марии Михайловой дочери Лодыженского. До поставления воеводой на Вятку служил уфимским воеводой, стольником и воеводой в Чернигове. После возвращения с Вятки с 1690 г. – окольничий. «Был за государыней в походе (06.11.1698), воеводой в Павловском (1699), приглашался в боярские совещания, но не участвовал – был болен или ездил «Богу молитца» к угодникам (1698–1701)»⁴. В истории Вятки воевода А. И. Леонтьев был известен прежде всего тем, что постоянно находился в распри с архиепископом Ионой, вторым вятским владыкой. Сохранились письма в Москву от архиепископа и от воеводы с жалобами друг на друга. «Причиной конфликта, по мнению архиерея, было неуважительное отношение воеводы к персоне и сану архиепископа»⁵.

Как гласит вкладная надпись, Андрей Иванович выступил заказчиком шитой иконы «Нерукотворенный образ Спасителя со Сказанием о явлении Образа»⁶. Пелена представляет собой изображение квадратной формы, шитое золотом, серебром и шелками по розовому шелку. На среднем поле изображение лика Спаса Нерукотворного, поддерживаемого двумя ангелами. Вокруг него «чудеса» в шестнадцати клеймах, в которых подробно раскрывается история обретения и почитания Святого Мандилиона. Пелена является уникальной по своим размерам и количеству и составу клейм «Сказания», представляя собой монументальный образец лицевого золотного шитья. Вдоль краев и вокруг среднего поля вышиты различные богослужебные и мемориальные

тексты, включая вкладную надпись центру нижнего края иконы: Лета 7197 /1688/ ноября въ 1 приложи сию пелену на Вятке чудотворному нерукотворенному Спасову образу что в Хлынове думной дворянинъ Андрей Иванович Леонтьев. Исходя из ее содержания, можно предположить, что пелена была приложена к чудотворной иконе Спаса Нерукотворного, а точнее к находившемуся в Хлынове (Вятке) списку древнего чудотворного образа Спаса Нерукотворного. Он был принесен из Москвы 17 декабря 1648 г. взамен оставленной в столице древней иконы Спаса Вятского (Хлыновского) и хранившейся в Новоспасском монастыре. Для принесенного из столицы списка чудотворного образа Спаса в Хлынове была построена деревянная Спасская церковь, позднее возведенная в камне и ставшая собором.

В числе горожан, делавших пожертвования в храмы иконами и предметами богослужбной утвари, встречаются представители вятского купечества. Одним из наиболее известных городских благотворителей был Илья Андреевич Гостев. В переписной книге 1678 г. И. А. Гостев указан одним из двух местных купцов, принадлежавших к гостинной сотне. На его средства в городе возводились каменные храмы: Воскресенский, прихожанином которого он являлся, и Ильинский в Преображенском девичьем монастыре. В 1682 г. для Воскресенского собора им была «приложена по жене Неониле» пелена «Богоматерь Казанская». В XIX в. эта пелена вместе с другой шитой иконой «Воскресение Христово» были объединены на двусторонней храмовой хоругви⁷. О ней в своей книге упоминает настоятель Воскресенского собора протоиерей Г. Никитников: «Къ симъ иконамъ, какъ замѣчательную по древности рѣдкость, должно отнести хоругвь, что стоитъ въ холодномъ храмѣ у лѣваго клироса. На шитой по красному атласу пеленѣ ея съ одной стороны изображеніе сошествія Господня во адъ, шитое золотомъ, серебромъ и шелкомъ и низанное по полямъ китайскимъ жемчугомъ съ разноцвѣтнымъ стекляннымъ бисеромъ, съ шитыми же золотомъ и шелками по угламъ ея четырема Херувимами; вокругъ всего изображенія по полямъ вышить золотыми древняго письма буквами тропарь: «Воскресъ Иисусъ отъ гроба, якоже прорече, симъ дарова намъ животь вѣчный, поклоняемся Его тридневному воскресенію» А съ другой стороны хоругви – изображеніе Божіей Матери, шитое так же золотомъ, серебромъ и шелкомъ съ блестящими на поляхъ и кругомъ лика низанное китайскимъ жемчугомъ съ разноцвѣтнымъ стекляннымъ бисеромъ; вокругъ сего изображенія съ трехъ сторонъ вышита золотыми буквами

Лобовиков С. А. Иконостас холодной церкви Воскресенского собора. ВХМ

стихира: «Притецемъ, людїе, къ тихому сему и доброму пристанищу, скорой помощницѣ, готовому и теплому спасенію, – покрову Дѣвы, ускоримъ на молитву и потщимся на покаяніе, источаетъ бо намъ неоскудныя милости, Пресвятая Богородице, предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ великихъ бѣдъ и золь благонравныя и боголюбезныя рабы своя» а на четвертой нижней сторонѣ: «лѣтопись 7190 (1682) года іюля 8 дня, приложилъ сію пелену Илія Гостевъ по женѣ своей Неонилѣ, по ея обѣщанію»⁸.

Еще одним памятником вятской старины, сохранившим имя своего устроителя, является икона «Деисус, с припадающими святыми»⁹. Она была написана в 1694 г. по заказу «вятчанина Космы Тряпицына» иконописцем Никитой Кошеевым (?). Раскрытая в ходе реставрации надпись по нижнему полю иконы позволяет уточнить технику и материалы написания, определить дату и место создания иконы, имя автора и заказчика: «лета 1694 году месяца октября в ... день написана Сия стая икона по обещанию вятчанина Козмы Тряпицына» «... суда...ва Никиты прозванием Кошеев». В настоящее время икона является са-

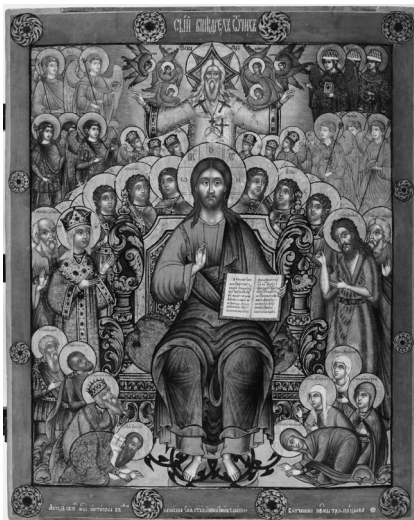
мым древним подписным датированным произведением вятского иконописания, сохранившимся до наших дней.

Полностью раскрытое в ходе реставрации изображение позволяет рассмотреть сложную иконографию иконы и уточнить ее название. На верхнем поле, где может помещаться название образа, прочитывается надпись «СЫЙ В НЕДРЕХ ОТЧИХ» (Ин. 1:18). В верхней части композиции показан Бог Отец, Которому предстоят ангелские чины. На лоне Бога Отца показан Дух Святой в виде голубя. Ниже представлен Христос с раскрытым Евангелием, сидящий на престоле. Христу предстоят ангелы и архангелы, а также Богоматерь и Иоанн Предтеча, ап. Иоанн Богослов и ап. Андрей Первозванный. На голове Богоматери изображен венец, что позволяет дать еще одно название: «Предста Царица одесную Тебе» (Пс. 44). К ногам Христа припадают святые. По Его правую руку: Василий Великий, равноапостольный князь Владимир, целитель Косьма, Андрей Стратилат. По левую руку от Христа представлены святые жены: равноапостольная Мария Магдалина, мученицы Агафья и Ирина, преп. Мариамна. Состав святых явно связан с именами членов семьи заказчика.

Заказчик иконы Козма Тряпицын (Трапицын), вероятно, был посадским человеком, прихожанином Воскресенского собора г. Хлынова (Вятки). В 1710 г. в «Переписной книге города Хлынова (Вятки) и Вятского уезда переписи стольника С.Д. Трахониотова» упоминается семья Космы Тряпицына: «[В городе] Хлынове на посаде... Ул. Морозовская... Во дворе **вдова Ирина Тимофеева дочь а Козмина жена Тряпицына** 50 лет у нея дочь Парасковья 11 лет...»¹⁰

Ряд подписных икон из Воскресенского собора были вложены прихожанами в первой половине XVIII в. «Строителем» нескольких образов был хлыновец Федор Тимофеевич Сунцов¹¹. Наверняка, его имя упомянуто в «Переписной книге 1710 г.»: [В городе] Хлынове на посаде... Воскресенской улицы... Во дворе Вятцкого приказу подъячей **Федор Тимофеев сын Сунцов** 50 лет у него жена Анна Якимова дочь...»¹² Он заказывал иконы местному иконописцу А. П. Кузнецову (ок. 1670 – 1747, Хлынов), представителю старейшей художественной династии на Вятской земле. Его иконы сохранились в Москве, Великом Устюге, Соликамске и Вятке. Бывшим церковным старостой Михаилом Игнатьевичем Праздниковым была приложена финифтяная икона Воскресения Христова с двенадцатыми праздниками¹³.

В древней Вятской Богоявленской церкви находились следующие вкладные иконы: Великоорецкий образ святителя Николая Чудотворца

Коцеев Н. (?) Икона. Деисус с припадающими святыми. 1694 г. ВХМ

7207 год, от воплощения ж Бога Слова 1709 г. построил Березовского стану крестьянин Иван Михайлов сын Казенин, с братьями, а писал зограф Никифор Иванов сын Курчанин», «образъ Рождества Иисуса Христа въ 1733 г. письма Василия Артемьева Кузнецова». Имена этих вкладчиков и их родных также можно встретить в Переписной книге г. Хлынова 1710 г.

В Вятской Покровской церкви находился образ Алексия человека Божия, принесенный в 1695 г. в церковь Рождества Христова и Покрова Пресвятой Богородицы «дому архиепископа дьяк Иван Сергеев».

В Успенском Трифоновом монастыре: в колодце монастыря «икона Знаменской Божией Матери, приложенный в 1680 г. Лопатиным», в соборе во имя Успения Божией Матери образ Знамение Пресвятой Богородицы «лета 7198 (1690 г.) построил по обещанию своему ... сын Лопатин»¹⁴, в церкви Благовещения образ Спаса Нерукотворного с надписью на обороте: «7180 года декабря 12 день преставися раб Божий схимонах Филарет Кекин и по обещанию и по вере своей приложил сей Святый Спасов Нерукотворенный образ с гроба своего в монастырь Успения Пресвятыя Богородицы в канун и вечное поминовение»¹⁵.

«лета 7193 (1685) по обещанию Агафоном Ивановым сын Носковым», образ Иоанна Богослова «1701 году тцанием Ивана Прокопьева сына Скопина», «1710 году образ Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Феодоровския, мерою и начертанием против бывшего образа Пресвятыя Богородицы сгорел волею Божиею в Богоявленской церкви, котрым благословил святейший патриарх Гермоген зятя своего Корнилия Рязанцова в 7115 (1607) году», образ Воскресения Господня «1711 году построил хлыновец Михайло Герасимов сын Глухих, а писал изуграф Артемей Петров сын Кузнецов», образ Преображения Господня «лета от сотворения мира

Таким образом, в ходе выявления подписных произведений церковного искусства по визуальным и документальным источникам можно заключить, что в приходские и монастырские храмы Хлынова второй половины XVII – XVIII в. вкладчиками выступали священнослужители во главе с местными архиереями, служилое дворянство, в том числе, вятские воеводы, горожане разных сословий, включая представителей купечества и церковных старост. Изучение вопроса о роли заказчиков в формировании художественного убранства городских и монастырских храмов позволяет подчеркнуть значение личности «устроителя» в становлении местного иконописания. Частично можно выявить связь между именами вкладчиков и заказчиков с сохранившимися памятниками вятской церковной старины.

Примечания

¹ Материалы по приему церковного имущества от Вятской церковной общины сотрудниками Главмузея, 1921 г. // ЦГАКО. Ф. Р-893. Оп. 2. Д. 318 ; Вятский Успенский мужской Трифонов монастырь. Опись церковной утвари за 1721 год // ЦГАКО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 2 ; Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря, городского приказчика Федора Резанцева, 7109 (1601) году // Памятная книжка и календарь Вятской губернии за 1902 г. Отд. II. Вятка, 1903. С. 1–35 ; Альбом церковных древностей Вятской губернии [Изоматериал] / сост. Вят. Учен. Арх. Комис. Вятка, 1915. 106 л. – Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, краевед. отд. ; Каталог памятников церковной и частью народной старины Вятского края, имеющихся в Вятском Трифоновском церковно-археологическом музее. Вятка: Губ. тип., 1914. – 50 с. ; Никитников Г. Историко-статистическое описание Воскресенского собора в г. Вятке / сост. протоиереем Герасимом Никитниковым. Вятка : Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, 1869. – 181, IV, 94, V с.

² Вятские архиереи // Вятские губернские ведомости. 1844. № 44. С. 295; Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1882 год. Вятка, 1881. С. 75 ; Чудотворные и особо чтимые иконы в Вятской епархии // Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 94.

³ Роспись Преосвященного Ионы, Архиепископа Вятского и Великопермского келейным его церковным предметам и вещам // ТВУАК. Вятка, 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 205–212.

⁴ Леонтьев А. И. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/persons/586012607> (дата обращения 18.06.2023). Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / сост. А. Барсуков. Санкт-Петербург, 1902. С. 58, 167.

⁵ Завойская Н. Е. К биографии Вятского архиепископа Ионы // Вестник церковной истории. Москва, 2009. № 3–4 (15–16). С. 216–219. URL: https://sedmitza.ru/data/2010/05/04/1233600447/10_zavojskaaya.pdf (дата обращения 26.08.2024).

⁶ Икона шитая. Спас Нерукотворный. Конец XVII века. Атлас, холст, нить золотная, нить серебряная, нить шелковая; шитье в прикреп, золотное. 126,0x128,0. Инв. № ПИ-5569. КХМ КП-9573/151.

⁷ Хоругвь двусторонняя «Сшествие во Ад» и «Богоматерь Казанская». Середина XVII, XIX в. Мастерская А. И. Строгановой. Шелк, штоф, холст, нить золотная, нить серебряная, нить шелковая, блески, бахрома, кисти, серебро, стекло, перламутр; шитье атласным швом «по форме», шитье в прикреп, вышивка гладью, золочение. 154,0x79,0. Инв. № ПИ-5568. КХМ КП-9573/150.

⁸ Никитников Г. Указ. соч. С. 45–46.

⁹ Кошчев Никита (?). Икона. Деисус с припадающими святыми. 1694. г. Хлынов. Дерево, паволока, левкас, темпера. 108x86. Инв. № Ж-949. КХМ КП-9566/79.

¹⁰ Переписная книга 1710 года города Хлынова и Вятского уезда переписи стольника Степана Даниловича Трахониотова. Книга без конца. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Ч. I. Л. 1–668; Ч. II. Л. 669–1340) / сост.: В. Могильников, А. Мусихин. Л. 12. URL: https://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_1098.htm (дата обращения 26.08.2024).

¹¹ Никитников Г. Указ. соч. С. 42–43.

¹² Переписная книга 1710 года города Хлынова и Вятского уезда...

¹³ Никитников Г. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ ЦГАКО. Р-893. Оп. 2. Д. 318. Л. 14 об.

¹⁵ Там же. Л. 17.

Из истории Ахтырского кладбища города Вятки в XVIII–XX вв.

А. А. Леонтьев

Создание Вятской ученой архивной комиссии и ее деятельность неразрывно связана с именем Николая Александровича Спасского. Николай Александрович родился 29 ноября 1846 г. в семье помощника столоначальника хозяйственного отделения Вятской палаты государственных имуществ Александра Яковлевича Спасского¹. Н. А. Спасский окончил Вятскую гимназию, а затем – Казанский университет. Более 40 лет он был секретарем Вятского губернского статистического комитета, а также редактировал «неофициальную» часть «Вятских губерн-

ских ведомостей». В 1880 г. при активнейшем участии Н. А. Спасского был издан сборник «Столетие Вятской губернии», без преувеличения ставший своеобразной «библией» для исследователей, интересующихся историей Вятского края. В течение своей работы в Вятской ученой архивной комиссии Спасским было составлено и отредактировано 46 выпусков ее «Трудов».

Скончался Николай Александрович Спасский 29 февраля 1920 г. в возрасте 73 лет от «воспаления подреберной плевры» и был похоронен на Ахтырском кладбище г. Вятки². Поскольку до настоящего времени не сохранилось ни само это кладбище, ни могила Н. А. Спасского, из уважения к его праху и выдающихся вятчан, таких, как художник Н. Н. Хохряков, писательница М. Е. Селенкина, нотариус А. Е. Витт, купец-благотворитель Ф. В. Веретенников, общественный деятель Арк. М. Васнецов, юрист и общественный деятель А. А. Прозоров и многих других, нашедших на нем свой последний приют, представляется важным напомнить историю этого утраченного некрополя старой Вятки.

13 июня 1793 г. Вятским губернским правлением было отведено место для нового кладбища города Вятки с формулировкой «...на выгонной градской земле по предложению от Его Превосходительства господина действительного статского советника и кавалера Федора Федоровича Желтухина ордер коллежскому советнику господину Ивану Алексеичу Безрукову и жене его под вновь каменную церковь о двух престолах и с колокольнею и площадную церковь для погребения тел человеческих в длину с лица и в заднем конце по девяносту внутрь, по осьмидесяти по пяти сажен, а под всем вышеназванным кладбищенским местом имеется квадратных семь тысяч шестьсот пятьдесят сажен расстоянием от городского строения в сто семидесяти трех саженях»³. В 1795 г. строительство кладбищенской церкви было завершено⁴.

Впрочем, до каменной церкви на этом месте уже имелся храм. В сборнике материалов по истории Вятского края «Столетие Вятской губернии» указывается, что «первоначально эта кладбищенская церковь была деревянная, во имя Пресвятой Богородицы Ахтырской, с приделом св[ятых] мучеников Бориса и Глеба. Когда она построена – неизвестно. Она существовала еще в начале нынешнего [XIX] столетия, но уже в весьма ветхом виде. Каменная же существующая ныне церковь построена в 1795 году усердием коллежского советника Ивана Алексея Безрукова и жены его Парасковьи Сергеевой, из старой ка-

менной церкви Казанской Божией Матери, бывшей при Воскресенском соборе».

Здесь необходимо пояснить, что при Воскресенском соборе имела каменная церковь во имя иконы Казанской Божией Матери. К концу XVIII в. она пришла в такую ветхость, что в ней уже стало опасно совершать службы, и потому было разрешено ее «упразднить». И. А. Безруков с женой 15 июня 1793 г. подали прошение о дозволении им разобрать ветхую церковь при Воскресенском соборе, а из ее материалов построить «на загородном месте по Казанскому тракту», вместо обветшавшей деревянной кладбищенской, каменную церковь, «в проименование» Ахтырской Божией Матери с приделами во имя тех же мучеников Бориса и Глеба и во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы⁵.

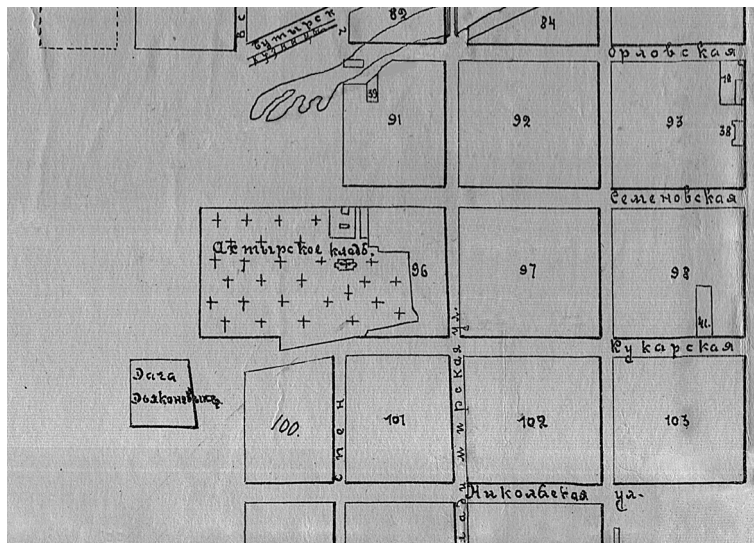
В ответ на прошение Безруковых епископ Вятский и Великопермский преосвященный Лаврентий принял резолюцию, что «ежели законных препятствий нет, то и быть по сему, о чем консистория сделает распоряжение»⁶.

Долгое время юго-западная часть города Вятки, где находилось Ахтырское кладбище, номинально являясь частью города, тем не менее, по существу не являлась таковой. Лишь ближе к 1870-м годам город начал постепенно приближаться к территории кладбища.

В 1867 г. вятским губернатором Николаем Васильевичем Компанейщиковым был поднят вопрос о закрытии Ахтырского кладбища и переносе его на другое место. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что указанное кладбище находилось в городской черте, а законодательство тех лет предписывало устраивать кладбища вне городов, не ближе 100 саженей от жилых домов⁷.

Этот вопрос обсудила Вятская городская дума, причем в заседании 21 апреля 1871 г. она постановила «кладбище это, согласно приговору городского общества от 25 сентября 1867 года, оставить на прежнем месте, прирезав к нему с западной стороны свободное пространство <...> совершенно городу не нужной Ярмарочной площади, с тем, чтобы примыкающие к кладбищу с южной стороны два квартала селитебной земли под постройки домов не отдавать, что и иметь в виду при составлении нового проектного на г. Вятку плана»⁸.

Несмотря на это, в соответствии с вновь утвержденным в 1888 г. планом г. Вятки, Ахтырское кладбище предполагалось закрыть, а вместо него назначалось другое место на расстоянии 100 саженей от город-

Ахтырское кладбище на плане г. Вятки 1914 г. ЦГАКО

Вид Ахтырской церкви и кладбища. Начало XX в. ЦГАКО

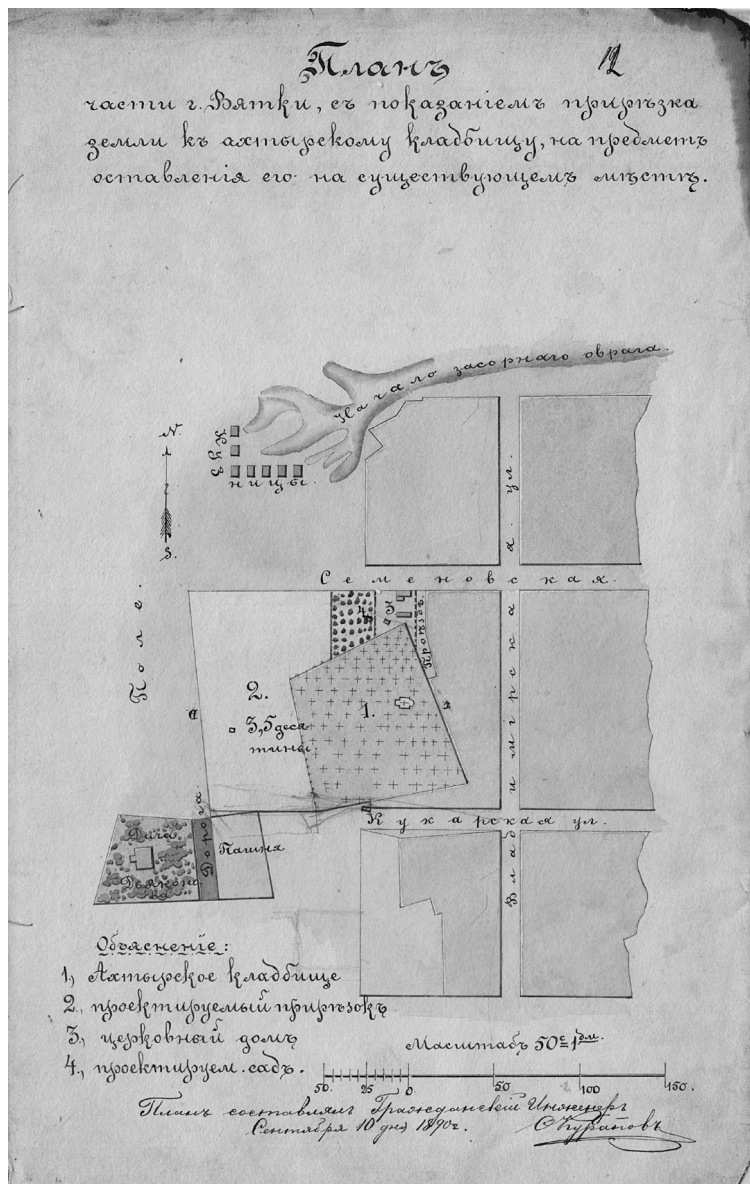
ской черты⁹. Однако поскольку предназначаемое под устройство нового кладбища место было ранее отдано городскими властями в аренду нескольким лицам, а также тем, что там располагалось войсковое стрельбище и по случаю недостатка в городской казне финансовых средств¹⁰, это оказалось неосуществимым. В связи с этим 14 марта 1891 г. вятским городским головой Иваном Александровичем Суховым было направлено прошение вятскому губернатору Алексею Федоровичу Анисыну об оставлении кладбища на прежнем месте¹¹.

В свою очередь, вятский губернатор направил в Министерство внутренних дел письмо с изложением обстоятельств дела, и 22 мая 1892 г. министром внутренних дел И. Н. Дурново было дано разрешение на оставление кладбища на прежнем месте с условием «хоронить умерших не на настоящем кладбищенском месте, а на вновь прирезываемом <...> участке земли в количестве 3½ десятин, обсадив места для могил правильными аллеями деревьев»¹². Собственно же «в натуре» прирезка была осуществлена 15 августа 1894 г.¹³

Напомним, что первоначально территория Ахтырского кладбища была сориентирована в соответствии со старой, нерегулярной, застройкой, а не по генеральному плану г. Вятки, «конфирмованному» 23 марта 1812 г. Видимо, поэтому его южный угол «выпирал» на улицу Кукарскую¹⁴ и заходил на территорию соседнего с юга квартала № 101, ограниченного улицами Спенчинской¹⁵ и Всехсвятской¹⁶. По мере роста города и прокладки улиц по «регулярному» плану территория кладбища была скорректирована и в дальнейшем вписывалась в условный прямоугольник улиц Гласисной – с запада, Кукарской – с юга, Семеновской¹⁷ – с севера; восточная граница проходила примерно на 50 метров западнее улицы Владимирской¹⁸, прямо за дворами жилых домов.

По мере роста населения города и, соответственно, роста количества захоронений, старая Ахтырская церковь стала слишком мала для прихожан. В 1907 г. архитектором И. А. Чарушиным был составлен проект расширения церкви, по которому старая колокольня и купол разбирались и строились новые. Пространство старой колокольни становилось частью теплого храма, а новая колокольня пристраивалась к храму с запада, значительно удлиняя его. 30 января 1907 г. строительным отделением Вятского губернского правления проект был утвержден¹⁹, но впоследствии реализован так и не был. Причиной этого, очевидно, являлся недостаток финансовых средств прихожан Ахтырской церкви.

Начало Первой мировой войны, в свою очередь, тоже нашло свое отражение в истории кладбища. Так, в соответствии с постановлени-

План Ахтырского кладбища г. Вятки с указанием прирезки. 1890 г. ЦГАКО

ем Вятской городской думы от 12 ноября 1914 г. на нем создавался мемориальный сектор для погребения воинов, умерших в местных госпиталях и лазаретах. С этой целью с западной стороны Ахтырского кладбища отводилось место под братское кладбище, площадью 40×40 саженей и с прирезкой остальной свободной земли позади братского кладбища под расширение Ахтырского кладбища, а всего участок в 40×110 саженей²⁰.

В целом, население этой части города начало значительно возрастать с начала XX в. В основном это были представители небогатых слоев городского общества и семьи железнодорожных служащих.

В те годы Ахтырское кладбище еще только частично – с юга и востока – граничило с жилыми кварталами²¹. Ситуация начала меняться только к концу 1920-х гг., когда, в связи с началом индустриализации и активного коммунального строительства в нашей стране, население города начало сильно возрастать за счет рабочих предприятий и строительных организаций и их семей. К началу 1930-х гг. жилые кварталы уже вплотную подошлись к Ахтырскому кладбищу с севера, юга и востока²².

Поэтому 31 мая 1928 г. Вятским губисполкомом было принято постановление о закрытии с 1 января 1929 г. для дальнейших погребений Ахтырского кладбища и кладбищенской церкви. На месте закрытого кладбища предполагалось разбить городской сад, а Вятскому горсовету поручалось принять меры к охране памятников на нем²³.

С этой целью губернский комитет по делам музеев и охране памятников, старины и природы в 1928 г. сформировал специальную комиссию для обследования памятников искусства и старины на Ахтырском кладбище, которое и было совершено 3 октября 1928 г.²⁴

Очевидно, с результатами этого обследования было связано постановление президиума Вятского горсовета от 1 июля 1930 г., где в целях прекращения хулиганства и сохранения от расхищения памятников, предписывалось ввести должность сторожа на Ахтырском кладбище, восстановить вокруг него забор и в целом привести его в порядок²⁵.

24 сентября 1930 г. президиум Вятского горсовета принял постановление, в соответствии с которым здание Ахтырской церкви передавалось тресту «Вятстрой» под общежитие сезонных рабочих, причем оговаривалась разборка ее колокольни и купола²⁶. К тому времени все ценные «бесхозные» памятники с кладбища уже были убраны²⁷.

2 сентября 1934 г. президиумом Вятского горсовета принято постановление о предоставлении здания бывшей Ахтырской кладбищен-

ской церкви, занятого на тот момент студентами зооветинститута, для размещения центральной усадьбы машинно-тракторной станции²⁸. 14 февраля 1935 г. президиум Кировского горсовета принял еще одно постановление о размещении усадьбы МТС на бывшем Ахтырском кладбище, при этом оговаривая, что «по эскизному проекту перепланировки города бывшее Ахтырское кладбище входит в проектируемый здесь парк культуры и отдыха и смежно с ним намечается районная поликлиника, а также [учитывая] неизбежность разрушения мостовых при нахождении усадьбы в городе и уничтожения зеленых насаждений бывшего кладбища, считать необходимым вынесение усадьбы МТС в ближайшем будущем за пределы города в границах новой его планировки, воспротивив возведение вновь каких-либо сооружений и срубку деревьев»²⁹.

22 сентября 1937 г. президиумом Кировского горсовета принято постановление об отводе земельного участка гороно для строительства школьного тира в квартале № 96 на бывшем Ахтырском кладбище, с занятием части территории домовладения № 34 по ул. Воровского (то есть приблизительно на 30–40 метров северо-восточнее Ахтырской кладбищенской церкви)³⁰.

Количественный рост автомобильного транспорта вызвал настоятельную необходимость организации в нашем городе шиноремонтной мастерской. В связи этим 23 апреля 1939 г. президиумом Кировского горсовета было принято соответствующее постановление, по которому часть Ахтырского кладбища и кладбищенская церковь были переданы тресту механического транспорта для организации указанных мастерских³¹.

5 июня 1951 г. исполкомом Кировского горсовета принято решение о грубом нарушении правил охраны зеленых насаждений на территории бывшего Ахтырского кладбища³². Предысторией этого события стало выделение в 1951 г. территории кладбища под индивидуальные огороды рабочим и служащим кировских предприятий и учреждений. Комиссия, обследовавшая зеленые насаждения на Ахтырском кладбище 12 мая 1951 г., нашла, что «производимая обработка почвы под огороды может очень вредно отразиться на состоянии, дальнейшем росте и развитии зеленых насаждений, в частности, вековых лиственниц. В настоящее время уже имеются посохшие деревья, в результате повреждения корней и стволов в течение ряда лет. В целях сохранения зеленого массива <...> дальнейшее использование под огороды территории Ахтырского кладбища необходимо прекратить. Целесо-

образно площадь бывшего кладбища запустить под травяной покров и произвести посадку кустарников и деревьев. Во избежание отравы скотом зеленых насаждений и будущего травяного покрова необходимо зеленую территорию на всем протяжении огородить и обеспечить охрану»³³.

17 июля 1951 г. исполком Кировского горсовета решил «определить место для строительства Кировской областной больницы на бывшем Ахтырском кладбище г. Кирова в границах между улицами Красноармейской, Октябрьской, Воровского и Карла Либкнехта ориентировочной площадью 8,6 га»³⁴. Строительство больничных корпусов было завершено в августе 1958 г.³⁵

Что касается судьбы здания бывшей кладбищенской церкви, то лишь 4 ноября 1960 г. Кировским горисполкомом было принято решение «в связи с переводом шиноремонтной мастерской облавтоуправления <...>, а также в целях приближения склада облздравотдела к лечебным учреждениям и создания необходимых условий в работе мастерской облздравотдела, а также мастерской “Росторгмонтаж” <...> разрешить Кировскому облздравотделу переоборудовать здание бывшей шиноремонтной мастерской под склад и мастерскую по ремонту и монтажу медицинского оборудования <...>»³⁶, а прилегающую к ней территорию – закрепить за мастерской по ремонту и монтажу медицинского оборудования и склада облздравотдела, детской соматической больницей, областным госпиталем инвалидов Отечественной войны³⁷.

Так исчезло Ахтырское кладбище старой Вятки, и теперь мы можем его увидеть разве что на немногочисленных старых фотографиях, картах и планах.

Примечания

¹ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 495. Л. 45 об. – 46.

² Там же. Ф. Р-4072. Оп. 2. Д. 45. Л. 163 об. – 164.

³ Там же. Ф. 583. Оп. 600. Д. 108. Л. 46 об. – 47.

⁴ Там же. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 5. Л. 184 об.

⁵ Столетие Вятской губернии : 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. С. 201.

⁶ Там же.

⁷ ЦГАКО. Ф. 628. Оп. 7. Д. 90. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 19 об.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же. Л. 27–29.

- ¹² Там же. Л. 37–38.
¹³ Там же. Л. 47–48.
¹⁴ Ныне – ул. Красноармейская.
¹⁵ Ныне – ул. Карла Либкнехта.
¹⁶ Ныне – ул. Дерендяева.
¹⁷ Ныне – ул. Воровского.
¹⁸ Ныне – ул. Карла Маркса.
¹⁹ ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 530. Д. 21. Л. 2–3.
²⁰ Журналы Вятской городской думы за 1914 год. Вятка, 1915. С. 637.
²¹ ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 114. Л. 334; Там же. Ф. Р-3309. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
²² Там же. Ф. Р-3823. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
²³ Там же. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 512. Л. 2.
²⁴ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 2172. Л. 1–2.
²⁵ Там же. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 693. Л. 56–56 об.
²⁶ Там же. Д. 694. Л. 15 об.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же. Д. 1044. Л. 195.
²⁹ Там же. Д. 1200. Л. 147.
³⁰ Там же. Д. 1366. Л. 137.
³¹ Там же. Д. 1486. Л. 119.
³² Там же. Оп. 9. Д. 29. Д. 31.
³³ Там же. Л. 35.
³⁴ Там же. Л. 426.
³⁵ Там же. Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 100. Л. 108–113.
³⁶ В настоящее время там располагается магазин «Медтехника» (ул. Красноармейская, 43а).
³⁷ ЦГАКО. Ф. Р-897. Оп. 9. Д. 211. Л. 170–170 об.

Братское кладбище Александро-Невского Филейского мужского монастыря: к вопросу о существовании и локализации

К. Н. Глушков, С. В. Нохрина

Александро-Невский мужской общежительный монастырь основан Стефаном Филейским (в миру Семен Петрович Куртеев, 1830 г. рождения)¹. В 1877 г. Семен Куртеев принял монашество с именем Стефан², а в 1883 г. выстроил молитвенный дом, около которого сразу же образовался скит³. В 1889 г. молитвенный дом отца Стефана был обращен

в храм Успения Божией Матери⁴, а скит в Александро-Невский мужской монастырь, открытие которого состоялось в 1890 г.⁵

В момент открытия монастыря на его территории находилось не менее 16 строений⁶. 15 монашествующих и 13 послушников трудились в стенах обители⁷. Через пять лет⁸ число монашествующих увеличилось до 24, приуказных послушников было девять, временных послушников – 84.

Монастырь стал местом духовного притяжения людей разных социальных слоев. Со всей губернии стекался народ, монастырь активно строился и развивался. Нужны были рабочие руки: конюхи, плотники, кровельщики и другие рабочие. Из Вологодской, Санкт-Петербургской, Уфимской, Воронежской и других губерний шли крестьяне, мещане, отставные солдаты, дети священников и диаконов. Обитель вмещала всех.

С 1895 г. монастырь нанимал работников со стороны. С каждым годом рос спрос на наемных рабочих. Только за первые 10 лет существования монастыря было нанято 183 рабочих⁹. Хозяйственная деятельность монастыря требовала учета. Благодаря записям тех лет прослеживается число трудящихся в монастыре, их социальное положение, даты пострига монахов и их жизненный путь.

Вот некоторые записи (авторский слог и пунктуация соблюдены): «Блинов Феофан Власов, грамотный, котельнический мещанин. Поступил в сей монастырь в 1900 году. Причислен к братии монастыря сего с облачением в рясофор по указу Вятской Духовной Консистории № 12675. Помер 20 ноября 1900 года, а 24 ноября погребен в сем монастыре»¹⁰.

«Монах Валентин, в миру Василий Евстафиев Голубев 1911 – 42 г. Поступил в сей монастырь 19 августа 1895 года. Причислен к братии монастыря 11 марта 1903 года, указ № 4895. Пострижен в рясофор 24 декабря 1902 года. Пострижен в мантию 14 апреля 1911 года № 7089. Монах Валентин умер от чахотки 8 сентября 1912 года, в субботу в 10 часов утра в Губернской больнице, похоронен на монастырском братском кладбище»¹¹.

Сохранившиеся записи говорят о «кладбище в сем монастыре». Факт захоронений подтверждает и статус Успенской церкви – кладбищенская¹². Месторасположение захоронения остается непонятным. В документах не указывается, где именно находилось кладбище.

В 1883 г. преосвященный Аполлос Вятский благословил отца Стефана «построить кладбищенскую церковь на месте, где он жил, и это место отвести для нового кладбища по желанию прихожан»¹³, так как

места на старом не хватало. Также благословил на строительство скита. В этом же году началось строительство церкви и келий.

В 1887 г. епархиальное начальство назначило к сносу 13 возведенных построек, потому что те находились на территории кладбища¹⁴. Прихожане и паломники не желали лишаться этих построек, так как они предназначались для благотворительных целей, и «постановили ходатайствовать перед Правящим Сенатом о переносе кладбища»¹⁵.

Приговор прихожан села Филейского ходатайствовал о переносе кладбища с вышеозвученного места на вновь отведенное, а на этом месте они просили «оставить скит для иноков, попечение о которых поручил Иеромонаху Стефану, живущему на этом месте около 30 лет и произведшему тут всех построек с церковью более чем на 5000 рублей»¹⁶. Под приговором подписались 103 чел.

Жалоба на Вятское губернское правление за распоряжение о сносе строений, находящихся на новоустроенном кладбище, и отказ в переносе сего кладбища на другое место была подана императору¹⁷ и была удовлетворена указом от 14 декабря 1888 г.

Вновь отведенное место под сельское кладбище было выделено жителями деревень Филейка, Куртеевы, Зоновы и Санниковы общественным приговором схода¹⁸. Под уступкой земли подписались 90 чел. Кладбище было перенесено на Филейку, где оно располагается и по сей день, а на месте оставшихся захоронений и образовалось впоследствии братское кладбище.

В 1895–1917 гг. на братском кладбище Александро-Невского монастыря было похоронено не менее 26 чел.¹⁹ По статусу церкви – кладбищенская – можно предположить, что захоронения находились недалеко от Успенской церкви. Сохранился рисунок одного из послушников монастыря с видом на Успенскую церковь. Этим послушником был молодой художник Александр Владимирович Фищев, он подвизался в монастыре с 1892 по 1894 г.²⁰ Способного юношу взял к себе в помощники художник Петр Дмитриевич Суворов²¹, которого пригласили из губернского города Вятка для росписи иконостаса Александро-Невского храма. В свободное время послушник Александр делал рисунки некоторых мест монастыря. На переднем плане одного из них – Успенская церковь. От ее входа устроены тротуары, которые ведут к храму Александра-Невского. Выход на площадь перед храмом украшен двумя колоннами, которые видны на фото, сделанном по случаю освящения куполов. Опираясь на рисунок Фищева,

можно предположить нахождение кладбища между Успенской церковью и храмом Александра-Невского.

В 2018 г. на территории бывшего Александро-Невского монастыря была произведена археологическая разведка археологами Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области, в ходе которой была обнаружена часть фундамента Успенской кладбищенской церкви, разрушенной в 1924 г., и фрагмент кладки, который может относиться к кирпичной выкладке погребения преподобного Стефана Филейского²². Он был похоронен с северной стороны Успенской церкви, за алтарем²³. Найденная часть склепа располагается к северо-западу от обнаруженного фундаментного столбика. Останки самого святого не были обретыены, так как в 1956 г. они перезахоронены на Филейском кладбище. В 2021 г. проведены работы по обретению мощей отца Стефана. Антропологическое исследование останков показало 90 процентную уверенность в том, что это Стефан Филейский. Генетическая экспертиза не была проведена, так как не выявлен материал для сравнительной генетической идентификации мощей преподобного с близким родственником.

В ходе новых археологических работ в 2024 г. были обнаружены фрагменты фундамента Александро-Невского храма. Наличие кладбища подтверждает и найденный недалеко от фундамента могильный камень с окончанием фамилии и основными датами. Камень, или точнее его часть, имеет надписи с двух сторон. На одной стороне: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие твое». На другой стороне окончание фамилии: «...НЦЕВ. Родился в 1828 году. Поступил в монастырь в 1891 году. Скончался в 1916 году. Дк. 21 дн.».

Могильный камень имеет явно выраженную трапецидальную форму толщиной 20 см. Нижнее основание трапеции длиной 32 см, верхнее 28 см. Боковые стороны не одинаковой высоты: правая 23 см, левая 12 см. В основании камня имеется круглое отверстие диаметром 2 см и глубиной 10 см, предназначенное для закладного крепления к постаменту. Верхняя часть могильного камня отломлена.

В ведомости монашествующих Александро-Невского мужского монастыря имеется запись: «Урванцев Петр Иванов. Пострижен в монашество с именем Пантелеймон в 1891 году»²⁴.

В записях монастыря датой рождения указан 1830 г., и это не соответствует записи на могильном камне. Но возраст указывался со слов пришедшего в монастырь человека и записывался в ведомость

поступивших. Разброс в датах может быть существенный. Год смерти в монастырских ведомостях не указан, но он упоминается в клировых ведомостях в 1914 г. и не упоминается в 1917 г. Дата пострига совпадает полностью; на нее имеется указ Вятской духовной консистории за № 6785.

Выражение на камне – «поступил в монастырь» – говорит о принадлежности к братии монастыря. По единственной точной дате пострига и окончании фамилии могильный камень можно соотнести только с Урванцевым Петром Ивановым.

Братское кладбище по традиции существовало у каждого монастыря. Было оно и у Александро-Невского Филейского монастыря, и о его локализации мы можем только предполагать.

Археологические раскопки дали возможность более четко представить, где точно нет кладбища и составить ориентировочную схему его расположения. Более точные сведения о расположении братского кладбища и числе погребенных могут дать археологические работы и архивные сведения.

Примечания

¹ Оленев М. И. Жизнеописание почившего в бозе Иеросхимонаха отца Стефана строителя и основателя Александро-Невского мужского монастыря. Вятка, 1893. С. 54.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 19.

⁴ Свящ. Игнатьев. Филейский Александро-Невский мужской монастырь Вятской епархии // Вятский епархиальный вестник. 1915. № 30. С. 989.

⁵ Открытие нового монастыря // Вятские губернские ведомости. 1890. № 80. С. 5.

⁶ ЦГАКО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 6–30 об.

⁸ Там же. Л. 30–45 об.

⁹ Там же. Л. 122–131 об.

¹⁰ Там же. Л. 56 об.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² Оленев М. И. Указ. соч. С. 18.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ ЦГАКО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 23 об.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 26.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Там же. Д. 2.

²⁰ Фищев А. В. Воспоминания художника. Киров, 2001. С. 108.

²¹ Мохова Г. А. Вятские иконописцы. Киров, 2001. С. 168.

²² Кряжевских А. Л. Отчет по итогам археологической разведки на территории Александро-Невского монастыря. Киров, 2018.

²³ Свящ. Игнатъев. Указ. соч. С. 992.

²⁴ ЦГАКО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

«Новый очаг научного отечествоведения» – Общество изучения Прикамского края города Сарапула

Е. С. Опалева

Начало XX века – это время экономического, социального и культурного развития Вятской губернии. В это время начинает развиваться и дело изучения края. Появляются научные общества и учреждения, способствовавшие более глубокому изучению края и привлечению к нему большего числа исследователей и людей заинтересованных. Сарапул не был исключением, и появившийся в 1909 г. Музей Сарапульского земства стал одним из таких учреждений.

В 1913 г. после визита в Сарапул вятского губернатора Ивана Михайловича Страховского над музеем нависла угроза. Страховский выразил удивление, почему в музее Сарапульского земства работают не земцы и даже предлагал уволить всех неземских работников¹. Чтобы продолжать изучение родного края и сохранить музей, учредители решили организовать Общество изучения Прикамского края.

7 ноября 1913 г. состоялось первое заседание организаторов Общества изучения Прикамского края. На заседании решили издать устав, заказать печать и книгу для записей подаренных и приобретенных предметов². Открытие общества назначили на 1 декабря 1913 г.

В уставе Общества были определены следующие задачи: «а) изучение Прикамского края в историческом, археологическом, антропологическом, естественно-историческом, этнографическом и географическом отношениях; б) собрание путем пожертвований, покупкой, обменом, экскурсиями коллекций для характеристики Прикамского края»³.

И вот 1 декабря 1913 г. в помещении Сарапульской городской управы состоялось торжественное открытие Общества изучения Прикамского края. «Сотни народу, мундиры, рясы, дамские платья, речи,

телеграммы, письма... В Сарапуле, говорят, не было ничего подобного, какие бы общества не открывались. Приветствия были получены от губернаторов, академиков, профессоров, просто ученых обществ и вообще желающих обществу процветания, родителям же на утешение церкви и обществу на пользу», – так писала об этом событии в 1913 г. городская газета «Прикамская жизнь». Она же подчеркивала, что для опубликования всех фамилий бывших на торжестве, нужно было бы напечатать чуть ли не весь адресный стол Сарапула⁴.

Энтузиасты, заинтересованные в изучении истории края, составили актив вновь созданного научного учреждения. В состав учредителей Общества входили: епископ Сарапульский Мефодий, директор Алексеевского реального училища Н. А. Орлов, врачи Ф. В. Стрельцов и В. П. Новиков, действительный член Императорского русского географического общества и главный редактор газеты «Прикамская жизнь» Н. Е. Ончуков, Л. К. Круликовский, М. С. Тюнин и многие другие. К 1 января 1916 г. в Обществе состояло 78 членов, из них 60 проживали в Сарапуле⁵.

Все они участвовали в сборе единовременных пожертвований и организовывали серьезные публичные чтения, научные лекции и театральные постановки. Занимались высокой наукой и безвозмездно передавали в фонд общества источники своих исследовательских работ. Так, уже в первом 1914 г. поступило: 65 экземпляров гербариев от слушательницы сельскохозяйственных курсов Н. Чухланцевой; чучела местных животных поступили от акцизного надзирателя Л. К. Круликовского, от начальника жандармерии А. И. Будогоского. Уникальные кинематографические ленты с видами г. Сарапула поступили в дар от А. П. Михеева. По заданию Общества изучения Прикамского края братья Беркутовы занимались археологическими и этнографическими изысканиями, материалы которых передавались в музей⁶. От профессионального общества служащих в Сарапуле в 1915 г. поступили открытки, лубочные картины и книги; от Ф. В. Стрельцова австрийский ранец для запасных патронов и еще много интересных материалов⁷.

На общих собраниях Общества избирались и почетные члены, причем, единогласно. Ими стали: начальник Камско-Воткинского казенного завода Н. М. Бухтеев – за пожертвование предметов и книг из ликвидированной горнозаводской библиотеки; ученый, фольклорист-этнолог Д. К. Зеленин – за научные труды по изучению Прикамского края в области этнографии и за полезные советы; энтомолог Л. К. Кру-

ликовский – за богатые пожертвования книгами и его усиленные труды по приведению в порядок музея и библиотеки общества, за научные труды, касающиеся изучения Прикамского края; археолог А. А. Спицын – за содействие в археологическом исследовании края. Членом-сотрудником стал и финский ученый М. М. Тальгрэн за большой интерес к археологическому прошлому Прикамского края⁸.

Большое значение для нового научного учреждения, как и для музея, имело собрание древних и современных изданий. При Обществе организовали научную библиотеку, включавшую и издания, поступившие еще в музей. Хранителем ее и музея стал Леонид Константинович Круликовский, а после его отъезда из Сарапула в 1915 г. – И. Н. Братухин.

Библиотека пополнялась буквально с первого дня появления. Уже 21 декабря 1913 г. от правления Общества изучения Прикамского края направляется ходатайство о передаче книг из ликвидируемой библиотеки Воткинского завода в библиотеку Общества. После полугодовых переговоров в июне 1914 г. книжное собрание пополнилось большим количеством изданий из библиотеки Камско-Воткинского завода.

Среди книг имелись издания различной тематики: учебники, книги по юриспруденции, исторические произведения, журналы, технические книги, литература по развитию лесного хозяйства, словари, атласы по палеонтологии и многие другие.

На сегодняшний день в фонде редкой книги музея выявлено около 200 книг с печатями и штампами «Библиотеки Камско-Воткинского завода» и «Библиотеки Воткинского завода».

Библиотека Общества пополнялась книгами и работами и из других источников, которые и сейчас являются украшением коллекций музея-заповедника. Это – произведения Дмитрия Константиновича Зеленина. Вот некоторые из них: «На кумыс», «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии», «Русские народные обряды со старой обувью», «Восемь сказок Вятской губернии», «Обыденные полотенца и обыденные храмы». В коллекции «редкая книга» хранится также один из фундаментальных трудов Д. К. Зеленина «Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества». На одном из выпусков есть дарственная надпись Обществу изучения Прикамского края от Д. К. Зеленина.

В библиотеку присылали свои труды общества изучения Олонецкой губернии, Костромского научного общества по изучению местного края, кавказского отделения Императорского Русского географического общества и другие российские научные общества.

Конечно, сарапульские местные издания занимали свое почетное место в книжном собрании Общества. Это земские отчеты, журналы, периодическая печать «Прикамская жизнь» и «Кама». Николай Евгеньевич Ончуков – этнограф, действительный член Императорского русского географического общества и главный редактор газеты «Прикамская жизнь» подарил несколько своих научных работ по этнографии. Л. К. Круликовский передал свои издания и часть личной библиотеки.

Одной из своих главных задач Общество изучения Прикамского края видело в том, чтобы знакомить местных жителей с историей родного края и привлекать их к ее изучению. Для этого начали печатать «Известия Общества изучения Прикамского края», продолжая традицию, заложенную «Известиями Сарапульского земского музея». К сожалению, удалось издать только первый выпуск, редактором которого стал Д. К. Зеленин.

Для полного изучения народного быта правление Общества обратилось к местному населению и предложило им описывать и присылать сведения о состоянии местного народного быта. «Весь уклад народной жизни теперь весьма быстро меняется; деревня начинает жить по-новому, и скоро, вероятно, уже трудно будет отличить деревенского жителя от городского. Пока не поздно, пока строй и обстановка народной жизни сохраняют еще, в некоторой степени, старину, – желательно описать этот быт возможно полнее и подробнее. Наши потомки будут весьма сетовать на нас, если мы не сохраним для них сведений о том, как жили обитатели прикамских сел и деревень в начале XX века»⁹. Д. К. Зеленин составил специальную программу для этнографического описания русских жителей Прикамского края. Состояла она из девяти пунктов: общие сведения о населенном пункте; физический тип местного населения; занятия и промыслы крестьян; жилище; одежда женщин и мужчин; просвещение; нрав и характер; общественная жизнь; обряды и обычаи, семейные отношения. Эта программа должна была оказать большую роль для этнографического исследования всех населенных пунктов Прикамского края.

Общество изучения Прикамского края существовало еще в 20-е гг. XX в. Об этом свидетельствуют заметки в местной газете «Красное Прикамье» и хранящаяся в коллекции брошюра «Материалы к естественнонаучному изучению Прикамского края», выпущенная под колонтитулом «Общество изучения Прикамского края» в Сарапуле в 1925 г. О важности и необходимости краеведческой работы в то время говорили и на самом высоком уровне. В 20-е гг. XX в. часто выходили различные постановления о краеведческой работе Народного комиссариата просвещения в Москве. По всей стране лозунг «Познай свой родной край» пользовался

большой популярностью, и Общество изучения Прикамского края являлось активным участником краеведческой работы в Сарапуле.

Сегодня основу коллекций Сарапульского музея-заповедника составляют предметы, собранные и сохраненные энтузиастами изучения местного края, музейного дела, Хранителями истории с большой буквы.

В XXI в. уделяется большое внимание исторической памяти. Возвращение городу Сарапулу его истории происходит благодаря возрождению «Общества изучения Прикамского края», издательскому проекту «Память Сарапула», проекту «Народная экскурсия».

Дело, заложенное членами «Общества изучения Прикамского края» сто десять лет назад, не кануло в Лету, у него и сегодня есть последователи.

Примечания

¹ Михаил Семенович Тюнин : воспоминания, документы, публицистика, письма, комментарии, исследования / сост. О. В. Чикурова. Сарапул, 2019. С. 95 // МИКСП. КП-21770.

² Протокол заседаний правления Общества изучения Прикамского края от 7 ноября 1913 года. С. 1 // МИКСП. Письменные источники. Ф. 67.

³ Устав Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1913. С. 1 // МИКСП. КП-15177/370.

⁴ «Прикамская жизнь» – подшивка газеты за 1913 год. Сарапул, 1913. С. 493 // МИКСП. КП-10840/1-266.

⁵ Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 106 // МИКСП. КП-1517/373.

⁶ Сухинина С. Ю. Церкви и Отечеству на пользу // Культурный слой. Сарапул, 2006. Вып. 1 (№ 2). С. 1–2 // МИКСП. КП-18586.

⁷ Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 108 // МИКСП, КП-1517/373.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Лагерные сборы потешных войск – новая форма воспитательной работы с молодежью в начале XX в.

Л. В. Чебыкина

В 1908 г. в России возникло так называемое «потешное движение» – массовое обучение учащихся начальных и средних учебных заведений

военному строю и гимнастике. Название движения (в честь «потешных полков» Петра I) было призвано подчеркнуть национальный характер движения, сопричастность славному прошлому России. «Августейшим шефом» потешных войск считался император Николай II. Выпускался журнал «Потешный». За основу в работе организации была взята воспитательно-патриотическая составляющая. «Цель занятий: научить молодое поколение для пользы родины любить военное дело, любить армию и укрепить в них дух, характер и закалить их»¹.

Потешные роты и команды формировались из желающих воспитанников училищ и не учащейся молодежи в возрасте 10–18 лет. «Ротными командирами являются господа офицеры местного гарнизона, офицеры запаса и отставные, а также принимают участие чиновники военного ведомства, учителя, священники, врачи и музыканты, каждый по своей специальности»². В ротах подростки занимались военным строем, гимнастикой, знакомились с военной службой и ее устройством, учились поддерживать дисциплину. Летом к числу этих занятий добавлялись «разведка и сторожевая служба для выработки ловкости, сметливости, находчивости и храбрости»³. В Ижевском городском училище летом с потешными занимались плаванием и греблей⁴. Срок службы потешных не был четко определен, каждый мог в любой момент оставить службу.

При поступлении на службу потешные давали клятву быть честными, послушными и добрыми. Отношения в коллективе потешных носили демократический характер. «Все потешные, несмотря на происхождение и национальность, равны между собой»⁵. Потешные имели право при встрече приветствовать по-военному, даже вне службы, как всех военнослужащих, так и своих знакомых; в любое время могли обратиться за помощью к офицеру своей роты и бесплатно лечиться у ротного врача. Допустившие проступки, опущения по службе и неподобающее поведение исключались из списков рот.

Чаще всего потешные организации существовали при учебных заведениях, иногда – при воинских частях. Например, в Елабужской Александровской школе ремесленных учеников в 1911/12 учебном году было 60 потешных⁶. Сильные потешные организации существовали в железнодорожных училищах – общеобразовательных школах, учредителем которых была Пермская железная дорога, а учебная часть находилась в ведении министерства народного просвещения. Правление дороги трижды устраивало для своих подопечных лагерные сборы – это новая, неприменяемая никогда ранее, форма воспитательной работы. В 1911 г.

детей собирали на станции Вятка⁷; в 1912 г. – в Перми⁸; в 1913 г. – на станции Вознесенской⁹.

Детей и сопровождающих доставляли к месту сбора своим железнодорожным транспортом. Сбор продолжался несколько дней, участники жили либо прямо в тех же вагонах, в которых приехали, либо в других, приспособленных для ночлега, помещениях. Досуг детей во время сборов составляли игры на свежем воздухе, спортивные и военные упражнения. В последний день сборов проходил строевой смотр и спортивные соревнования, подобные тем, какие устраивались на смотрах солдат регулярной армии.

Первый лагерный сбор учащихся железнодорожных училищ состоялся в Вятке с 28 по 31 мая 1911 г. Воспитанников училищ Пермской железной дороги, находящихся в других регионах, одновременно собирали в трех других пунктах: на станциях Чусовская, Екатеринбург и Камышлов. Руководитель лагерного сбора на станции Вятка подпоручик 193-го Свияжского пехотного полка Вишневский (он же преподавал гимнастику в Вятском железнодорожном училище) составил отчет о мероприятии¹⁰. Организация сбора в Вятке признана руководством «весьма удачной», и отчет Вишневского рекомендован всем заинтересованным лицам «как образец и руководство на будущее время для распространения и развития этого, как показал опыт, полезного и желательного нововведения в школьную жизнь учащихся наших ж.-д. училищ»¹¹.

Вятское железнодорожное училище располагалось на станции Вятка II (ныне – Киров-Котласский), там же проходил и сбор. 28 мая туда прибыли 110 учеников из шести железнодорожных училищ (Котласского, Пинюжского, Мурашинского, Вятского, Зуевского и Балезинского), которые были размещены в здании училища, а некоторые – прямо в вагонах.

Сразу же по прибытию ребятам были выданы значки для ношения на околышах фуражек (герб министерства путей сообщения – двуглавый орел с якорем и топором). Все участники были разбиты на две роты по три взвода в каждой. «Каждая рота несла службу под особым своим ротным значком на древке (флаг с инициалами министерства путей сообщения: в первой роте красный, во второй – синий)»¹². В первой половине дня дети занимались гимнастикой, военным строем и спортивными играми, после обеда знакомились с достопримечательностями города Вятки и отдыхали.

31 мая в 11 часов утра начался смотр потешных с участием почетных гостей в сопровождении оркестра военной музыки от 193-го Свияжского полка на плацу духовной семинарии. В программу входили построение, приветствие, гимнастические упражнения, маршировка и спортивные соревнования. Как описывает руководитель, «в заключение состоялось состязание в беге (атака своего ротного значка) на приз с дистанции 200 шагов поротно. Двое учеников с каждой роты, первыми схватившие свой ротный значок, получили призы по одному рублю денег. Этим смотр закончился, и ученики “справа повзводно” под музыку прошли в здание училища»¹³.

Второй лагерный сбор учеников железнодорожных училищ состоялся в Перми и продолжался семь дней: с 25 по 31 мая включительно. В сборе участвовали 580 учеников¹⁴, в том числе 20 – из Мурашинского училища¹⁵. Во время сбора дети жили в городских воинских казармах на окраине города, пустовавших в это время года, пользовались воинской столовой. В отчете об этом сборе более подробно описаны быт и досуг участников. «До отъезда на лагерный сбор ученики были освидетельствованы на местах врачами, причем для участия в лагерном сборе были избраны только вполне здоровые ученики старших отделений. По установленной разверстке от каждой школы командировались от пяти (из небольших одноклассных училищ) до 110 учеников. Каждому отправлявшемуся ученику были выданы из училища форменная фуражка (остальные части форменной одежды выдавались в Перми) и потешное оружие; один из учеников в каждой школе получал барабан. Кроме того, ученики должны были взять в дорогу подушку, одеяло, тюфячную наволочку, мыло, два полотенца, кружку, ложку и немного провизии. Четыре-пять учеников должны иметь жестяной чайник. В дороге ученикам выдавался белый хлеб. В пути учеников сопровождали учителя. Проезд на лагерный сбор, а равно и обратно совершен бесплатно в вагонах 3-го класса»¹⁶.

Распорядок дня был примерно таким же, как на сборе в Вятке. «В промежутки, назначенные для отдыха и игр, ученики играли в лапту, городки. Под руководством жандармского унтер-офицера организовывалось хоровое пение учениками военных песен. 30 мая все участники лагерного сбора посетили кинематографический сеанс в городском театре, по распоряжению городской управы вход на сеанс ученикам предоставлен был бесплатный. Кроме того, прибывшие в Пермь ученики

посетили местный музей, школу слепых, большие Камские пароходы и др. достопримечательности города»¹⁷.

В последний день сбора состоялся парад. Участники показали «ружейные приемы, уставное ротное пение, учение, рассыпной строй, сокольские упражнения, состязания в беге на скорость и в ловкости (беге с вытянутой вперед рукою, держащей ложку с картофелиной, которую требовалось не выронить). Отличившиеся в состязаниях 8 учеников получили призы: серебряные часы»¹⁸. На следующий день, получив удовольствие на обратный путь, ученики разъехались по домам.

Отличившиеся на лагерном сборе в Перми поехали на высочайший смотр потешных, который состоялся 1 августа 1912 г. на Марсовом поле в Петербурге. За семь дней пребывания в столице ребята ознакомились со множеством достопримечательностей, набрались впечатлений. К сожалению, ребята из Мурашинского училища в столицу не попали.

Итоги сбора в Перми организаторы оценивают так: «Лагерный сбор имеет большое воспитательное значение, так как условия лагерной жизни приучили учеников к порядку, а круг военных занятий указывал на будущую роль их как защитников Веры, Престола и Отечества. Лагерный сбор, несомненно, обогатил учеников массой впечатлений, содействовал развитию их умственного кругозора, а здоровая обстановка лагерной жизни, хорошее питание, гимнастические занятия содействовали физическому развитию учеников»¹⁹.

К сожалению, потешные войска не получили широкого распространения и не стали массовой детской организацией по ряду причин. Во-первых, в этот период престиж армейской службы в обществе был невысок. Во-вторых, «потешные войска» – довольно неудачное название, которое в петровские времена, возможно, звучало приемлемо, но в начале XX века уже носило пренебрежительный оттенок. В-третьих, для потешной организации не было предусмотрено финансирование. Учебные заведения на местах должны были сами изыскивать средства на содержание потешных рот. В-четвертых, несмотря на некоторые, безусловно, положительные и прогрессивные педагогические идеи, заложенные в программу потешных организаций, была плохо разработана идеологическая составляющая, не продумана символика организации, не предусмотрены досуговые мероприятия. И, наконец, не было создано аналогичной организации для девочек. Все вышперечисленное в целом способствовало тому, что потешные роты просуществовали недолго.

Потешное движение – это первая попытка создания массовой детской организации в масштабах страны. Она положила начало многим интереснейшим формам воспитательной работы с детьми, которые традиционно считаются изобретением советского времени. Это, во-первых, лагерные сборы и смотры; во-вторых, военно-спортивные игры; в-третьих, палаточные лагеря. Кроме того, когда потешные роты создавались при воинских частях, это была первая попытка вести внешкольную воспитательную работу с детьми. Лагерные сборы были новой перспективной формой воспитательной работы. Впервые в одном месте собирали учащихся из разных учебных заведений, объединенных членством в одной организации; впервые была разработана для этого специальная форма (фуражка и рубашка защитного цвета) и символика (значки с гербом министерства путей сообщения, ротные и взводные флажки); впервые настолько подробно было продумано содержательное наполнение мероприятия и организация досуга участников. И, наконец, при проведении лагерных сборов потешных войск впервые была опробована многоступенчатая система отбора участников со всей страны, которая в советское время успешно применялась при организации пионерских и прочих слетов.

Примечания

¹ ЦГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3198. Л. 93.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 96.

⁵ Там же. Л. 93 об.

⁶ Там же. Л. 206 об.

⁷ Там же. Л. 162 об. – 168.

⁸ Там же. Л. 41–47 об.

⁹ Там же. Л. 19 об.

¹⁰ Там же. Л. 162 об. – 168.

¹¹ Там же. Л. 165 об.

¹² Там же. Л. 166.

¹³ Там же. Л. 168.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ Там же. Л. 19 об.

¹⁶ Там же. Л. 41а об. – 41б.

¹⁷ Там же. Л. 43–43 об.

¹⁸ Там же. Л. 45–45 об.

¹⁹ Там же. Л. 47.

Сохранение памяти о Первой мировой войне в коллекции Глазовского краеведческого музея

Л. А. Волкова

В одном из выпусков Вятской ученой архивной комиссии за 1915 год опубликовано письмо-обращение вятского вице-губернатора Д. О. Тизенгаузена к губернатору А. Г. Чернявскому, в котором говорится о необходимости и важности собирания документов о жизни Вятской губернии в условиях Первой мировой войны. Обширная «Программа летописи Вятской губернии в эпоху Великой войны 1914–1918 гг.» (тогда еще не было известно, как долго продлится война), приложенная к письму, предполагала сбор и публикацию информационных материалов из всех правительственных и общественных учреждений губернии «лицами, независимо от их общественного положения, могущими быть полезными». Конечным результатом такой работы (на общественных началах!) представлялось издание книги (или иной формы печатной продукции) под названием «Вятская губерния в настоящую Великую войну». Резолюция губернатора от 3 марта 1915 г. гласит: «Приветствую, разрешаю и предлагаю всем подведомственным учреждениям оказывать самое живое содействие»¹.

На шести страницах изложена тематика сбора документов и структура предполагаемой книги: I. Объявление войны. II. Мобилизация и набор. III. Оказание помощи семьям призванных. IV. Красный крест. V. Помощь больным и раненым. VI. Пожертвования деньгами, вещами раненым и в действующую армию. VII. Трезвость и борьба с пьянством. VIII. Отношение населения к происходящим событиям. IX. Обязательные постановления и чем были вызваны. X. Извещения о ходе войны, издаваемые губернатором. XI. Письма и рассказы раненых и солдат. XII. Реквизиции. XIII. Снабжение армии одеждой, продовольствием и предметами снаряжения Правительством, земскими и кооперативными организациями. XIV. Снабжение местного населения продуктами первой необходимости в связи с затруднениями, вызванными обстоятельствами военного времени. XV. Развитие и упадок промышленности в связи с войной. XVI. Ижевский и Воткинский заводы. XVII. Санитарное состояние Вятской губернии. XVIII. Военнообязанные. XIX. Военнопленные. XX. Война и преступность. XXI. Война и школа. XXII. Общий обзор деятельности администрации, духовенства, земских, городских

и общественных организаций. XXIII. Жертвы войны с особым перечнем убитых, раненых и увечных. XXIV. Герои войны. XXV. Собрание фотографий, иллюстраций, портретов, вещей². Хотя последующие военно-политические события и социально-экономические потрясения, постигшие нашу страну вместе с изменением государственного строя, не позволили в полной мере выполнить запланированное, но интерес общества к этой гражданско-патриотической теме никогда не затухал.

Практически все положения, изложенные вице-губернатором в Программе летописи, остаются актуальными по сей день. Понимание сопричастности и важности изучения не только сегодняшних дней жизни страны, но и ее многовековой истории проявляется в выполнении многих положений названной программы современными музеями. Как оказалось, они так или иначе выполняются в комплектовании фондов, а также научно-исследовательской, просветительской, экспозиционно-выставочной работе Глазовского краеведческого музея.

Хранящиеся в запасниках и используемые в музейной работе предметы и документы соответствуют названной тематике. Многие из них экспонировались на выставках, посвященных истории города Глазова в эпоху Первой мировой войны, Великой российской революции 1917 года и Гражданской войны, в годы становления советской власти и социалистического строительства, так как многие ратники и иные участники войны впоследствии активно реализовали себя в советской жизни. Это – письменные документы, фотографии, личные вещи или воспоминания таких соотечественников-глазовчан, как Б. А. Алфимов, С. П. Барышников, С. С. Желваков, А. Ф. Пашковский, Г. Поздеев, И. К. Полудницын, С. А. Отрыганьев, И. Н. Сысоев, Г. И. Трефилов, П. Ф. Хомяков, П. Д. Хохряков, С. П. Щипачев, С. М. Городилов, Я. В. Тугбаев, Г. Г. Баженов, И. И. Барышников, Г. И. Волков, П. Е. Колев, сестры милосердия З. И. Шелковская, В. М. Столбова, Ю. Зверева, В. Костылева, С. Попова и многие, многие другие. Это и материалы о глазовских госпиталях, в которых лечились раненые солдаты. Мемуары гимназистов-волонтеров, собиравших пожертвования ратникам и их семьям, помогавших в уборке урожая сельским жителям. Это официальные документы-циркуляры из губернского земства, сообщения уездных военных начальников и волостных приставов о неявке мобилизованных на фронт, донесения-отчеты об изготовлении снаряжения для фронта, объявления о благотворительных акциях, организуемых земством, дамскими комитетами и учебными заведениями города и уезда, публикации заметок об отношении глазовчан к начавшейся войне.

Воспоминаниями об участии в Первой мировой войне еще в 1970-е гг. поделился с музеем краевед Герасим Иванович Трефилов. Он писал, что в 1914 г. был мобилизован в 289-й Вятский полк. «Маршрут назначения имели на Санкт-Петербург, а через некоторое время меня отправляют в город Царское Село, где знакомят с положением фронта <...> Затем получаю путевку в город Киев в распоряжение штаба 650-й Каменец-Подольской дружины. По прибытии меня назначают писарем штаба дружины. Через два месяца назначают в школу младших командиров, где продолжаю учебу четыре месяца, т. е. до марта месяца 1915 года, и заслуживаю звания унтер-офицера. После окончания обратно направляют в распоряжение штаба 650-й Каменец-Подольской дружины, которая находилась недалеко от города Львова, по укреплению фронтовой полосы <...> В 1916 году, в сентябре месяце, меня назначают в школу прапорщиков в город Житомир, а через два месяца выпускают с присвоением звания прапорщика, и обратно прибываю в свою часть. В декабре месяце поручают командование ротой на 280 человек. От звания прапорщика отказался. Назначили фельдфебелем, но командовал полностью ротой в 280 чел. Таким образом, я прошел почти всю Галицию и в последнем находился в Карпатских горах»³.

Личный фонд Сергея Александровича Отрыганьева, ратника 298-й пешей Вятской дружины государственного ополчения второго разряда, затем служившего в 466-м пехотном Малмыжском полку, хранит фотографии, военный билет, послужной список, реляции боев полка с 25 июня по 25 июля 1917 г. в Галиции³.

В годы войны Глазов, как уездный город, стал мобилизационным центром. Около казарм гарнизона при огромном стечении народа был отслужен напутственный молебен. С пением «Спаси, господи» и «Боже, царя храни», портретом государя и хоругвями многочисленная толпа открыла шествие по улицам города. Повсюду слышались крики «Ура!». С 1914 по 1918 год здесь размещалось до 10 воинских подразделений. Общее число жителей вместе с будущими ратниками доходило до 12 тыс. Мобилизованные занимали здания мужской гимназии, высшего начального училища, женской гимназии, духовное училище, частные дома. Из воспоминаний солдата 154-го запасного пехотного полка Ивана Николаевича Сысоева, известно, что весь город выглядел сплошным военным лагерем. На каждом шагу по улицам «шныряли молоденькие прапорщики и подпоручики»³. На всех пустырях вокруг города зимой и летом, в проливной дождь и в невыносимую жару шла муштровка солдат. В церкви духовного училища они принимали прися-

гу, целуя нательные кресты и иконки, вручаемые служителями православной церкви. Фотографии той поры зафиксировали эти героические страницы истории.

Желание облегчить страдания раненых воинов приводили юных глазовчанок в ряды сестер милосердия. Среди многих Зоя Шелковская, окончив гимназию 15-летней девушкой, сначала служила в Глазовском лазарете, затем окончила курсы сестер милосердия в Вятке, а в 1917 г. была отправлена в действующую армию. Ухаживала за ранеными в передвижном поезде-госпитале на направлении Двинск – Киев. Вспоминала ужасы войны: «...я помню, сколько было спасибо в то время от раненых, которые говорили: “Милые сестрички, – тогда так называли, – неужели вас так мало, почему нас долго не отвозили в тыл”. <...> Брали раненых на станции Шепетовка и возили в город Киев. Рейс был 5–6 суток, конечно, отдыха никакого...»⁴. В фондах музея сохранились удостоверение госпиталя, где служила сестра милосердия Зоя, удостоверение на право ношения нарукавной повязки № 10, групповые фотографии с обслуживающим персоналом и ранеными³.

Одним из самых богатых музейных комплексов, свидетельствующих об участии наших земляков в Первой мировой войне, является комплекс Бориса Андреевича Алфимова, врача, члена Российского общества Красного Креста, впоследствии заслуженного врача РСФСР и Удмуртской АССР: удостоверения о службе врачом в лазарете РОКК и заведующего госпиталем Всероссийского совета городов, благодарность за труды по лазарету, стерилизатор для обработки шприцев, зажим медицинский, книги из личной библиотеки доктора³.

Последнее издание краеведческого музея «Глазов на глазах у всех: документы и материалы о городе (1678–2023 гг.)» также не обошло стороной тему Первой мировой войны. Научные сотрудники использовали в нем до 30 документов и фотографии, которые соответствуют структуре Программы летописи 1915 г. и прямо или косвенно характеризуют события войны в жизни глазовчан и жителей уезда.

Для Глазовского краеведческого музея каждая страница истории Родины важна и ценна, что и подтверждает его музейно-краеведческая деятельность.

Примечания

¹ Комитет по собиранию материалов и изданию летописи Вятской губернии в эпоху Великой войны в 1914–191... гг. Письмо господину вятскому губернатору от вятского вице-губернатора // Труды Вятской ученой архивной комис-

сии. 1915 год. Вып. I. Вятка, 1915. С. I–III. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13475-vur-i-1915> С. 15–17 (дата обращения 02.09.2024).

² Программа летописи Вятской губернии в эпоху Великой войны. 1914–191 г. С. V–X // Там же. Режим доступа : <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13475-vur-i-1915> С. 19–24 (дата обращения 04.09.2024).

³ Здесь и далее использованы материалы фондов Глазовского краеведческого музея.

⁴ Глазов на глазах у всех : документы и материалы о городе (1678–2023 гг.) / составители : В. В. Ивасенко (отв. сост.) [и др.]. Ижевск, 2023. С. 106.

Загородная усадьба купца Прокопия Петровича Мощевитина

М. В. Бондарь

Историко-культурное наследие является особым ресурсом региона и фактором для его развития. В России с целью сохранения культурного наследия создаются усадебные и монастырские комплексы, исторические дороги и музеи-заповедники.

Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник включает в себя комплекс из нескольких зданий, среди них здания купеческих дач: художественно-выставочный комплекс «Дача Башенина» – памятник архитектуры федерального значения начала XX в., «Дача Барабанщикова» и «Дача Мощевитина». Дача Мощевитина с историей больше века сегодня функционирует, как Детский музейный центр.

История здания такова. В 1870 г. мещанин Прокопий Петрович Мощевитин вдали от шума и городской суеты, среди соснового леса, построил для своей семьи загородную дачу. Прокопий Петрович имел свое дело и торговал в городе Сарапуле бакалейными и мучными товарами. В его лавке можно было купить хлеб, керосин, чай и сахар. В результате успешной торговли в 1897 г. он вышел из сословия мещан, приобретя свидетельство купца 2-й гильдии.

Загородная дача купца Мощевитина была построена на денежные средства от прибыльного торгового дела. Соседство дачи было весьма удачное, рядом – крупный лесопромышленник Павел Андреевич Башенин и владелец кожевенного производства Федор Прокопьевич Барабанщиков.

Дача представляла собой деревянный одноэтажный дом с мезонином на ул. Смоленской (ныне ул. Некрасова), площадью 151 кв. м, с террасой и пристроем. Дом был построен на фундаменте из камня, из сосновых бревен, 13 окон внизу и четыре окна на мезонине. Внизу располагалось семь комнат, которые отапливались при помощи четырех печей, две из них были голландские угловые, одна кирпичная русская и одна кирпичная прямоугольная. На мезонине – одна русская кирпичная печь. В небольшом пристрое к дому, построенном в 1915 г., находился люфт-клозет (теплый туалет с выгребной ямой). Терраса была построена в 1920 г. Рядом с домом в 1888 г. был построен дровяник с погребом на деревянном фундаменте. За домом в парке (угол ул. Нагорной и Смоленской) в 1913 г. Прокопий Петрович построил беседку 13 кв. м, на деревянном фундаменте, без обшивки пола и потолка, снесена она была в 1930 г.

П. П. Мощевитин владел немалым участком земли – больше 9 тыс. кв. м. В 1880 г. напротив своей дачи он построил еще один одноэтажный дом, который выходил на ул. Сарапульскую (ныне ул. Первомайская). Дом был одноэтажный с односкатной крышей, построен на деревянном фундаменте. В доме имелось шесть комнат и 11 окон. Отапливался он двумя русскими печами и одной голландской. Общая площадь дома составляла 112 кв. м. В 1929 г. дом планировалось переустроить под прачечную тубдиспансера, но возможно из-за плохого его состояния, этого не было сделано. В 1930-х гг. дом предназначался под жилое помещение.

На территории двух дач Мощевитиных были проложены дворовые тротуары, имелись ворота и переездной мостик, заборы вокруг дачи были установлены только в 1917 г.

В 1914 г. купец Прокопий Петрович Мощевитин передает все свои торговые дела младшему сыну Александру Прокопьевичу, спустя два года в 1916 г. он умирает, и дачи переходят во владение его сыну Александру.

К сожалению, неизвестно когда была снесена дача, расположенная ближе к ул. Сарапульской, но достоверно известна судьба первой дачи.

В 1920 г. загородные дачи купцов Башенина, Барabanщикова, Мощевитина были отданы под Сарапульский республиканский детский тубсанаторий № 1. Он был организован по указанию Вятского тубздравотдела. Изначально санаторий был рассчитан на 30 коек. С переходом Сарапула в состав Удмуртской АССР в 1938 г. начался быстрый рост коек. К 1952 г. число их достигло 150, на этом уровне санаторий функ-

ционировал в 1970–1980-х гг. С 1920 по 1980-е гг. в санаторий лечились свыше 6 тыс. детей. Это – больные активными формами туберкулеза органов дыхания, позже в санаторий принимались дети с ослабленным здоровьем: часто болеющие бронхитом, воспалением легких, восприимчивые к инфекционным заболеваниям и даже имеющие плохой аппетит.

В отделении на даче Мошевитина лечились дети раннего дошкольного возраста, от 1 года до 7 лет. Из воспоминаний пациента, проходившего лечение в санатории в 1965 г. Андрея Сполохова: «Входная группа находилась в центре здания, к ней вела деревянная лестница, при входе в коридоре над дверью висела картина “Чапаев на коне”. В центре помещения палата, где стояли кровати, рассчитана она была на 30 детей. Рядом ординаторская – стол у окна с лампой и кушетка. Справа была столовая, где кормили детей. В здании имелась ванная комната, где стояло две ванны. На закрытой веранде была игровая. На территории парка стояли деревянные домики, в них любили фотографироваться как дети, так и взрослые. В санатории облечивались в основном дети с ослабленным здоровьем, больных туберкулезом было очень мало».

В Сарапульском республиканском детском тубсанаторий № 1 работали известные на тот период в городе врачи. В 1970-х гг. главным врачом была Ольга Афанасьевна Емельянова. Сотрудники санатория не только активно посещали городские мероприятия, но занимались и художественной самодеятельностью. В санатории имелся свой хор.

В 1972 г. на даче Мошевитина произошел пожар. Незадолго до этого в газете «Красное Прикамье» вышла статья о противопожарной безопасности в детских учреждениях: «...В детском санатории № 1 на территории двора стоит ветхий деревянный сарай, а на его чердаке хранится сено, рядом гараж и котельная, невдалеке корпус с малолетними детьми – это крайне нежелательно и опасно»¹. К сожалению, все страхи подтвердились, очаг возгорания оказался в подвале в центре здания. Происходило это поздней ночью, а в отделении находились на тот момент 28 детей. Медсестра Людмила Георгиевна Сполохова вывела тогда из пожара всех детей. Пожар был локализован, и в марте 1973 г. Людмила Георгиевна была награждена медалью «За отвагу на пожаре». Дальнейшую свою трудовую деятельность она посвятила медицине.

В начале 2000-х гг. в помещении дачи Мошевитина находилось медицинское учреждение. В 2014 г. здание было передано музею, а в 2019 г. здесь создано музейное пространство для содержательного досуга и развития музейными средствами детей, подростков и семей-

ной аудитории. В настоящее время дача Мошевитина часто посещаемое место гостями и жителями города.

Примечания

¹ За пожарную безопасность в детских учреждениях // Красное Прикамье. 1972. 31 мая (№ 87). С. 4.

Зоосад Сарапульского музея: проблемы, факты, повседневность (1930-е гг.)

О. П. Ратникова

В конце 1920-х гг. в соответствии с задачами первых пятилеток одним из приоритетных направлений в стране являлась массово-просветительная работа с населением. Для достижения результата при музеях начали разворачиваться «отделы живой природы». Первопроходцем по внедрению этой новой формы взаимодействия с посетителями в Прикамье стал Сарапульский музей, открывшийся еще в 1909 г. К началу 1930-х гг. он обладал богатейшими собраниями, в том числе коллекцией научно-естественного фонда. Существенным фактором, повлиявшим на частую смену статуса музея и в целом очерчивающим его деятельность в данный период, являлась регулярная смена административно-территориальной подчиненности города Сарапула: Уральская область (1930–1934), Свердловская область (1934), Кировский край (1934–1936), Кировская область (1936–1937), Удмуртская АССР (1937–1939).

Известно, что открытию зоосада при Сарапульском музее в 1930 г. содействовало распоряжение Уральского областного отдела народного образования об устройстве отделов живой природы и зоосадов во всех бывших окружных городах Урала. Организационные вопросы по его созданию в городе стали решаться несколькими годами раньше. Так, в сентябре 1928 г. на страницах местной газеты «Красное Прикамье» была размещена заметка следующего содержания: «...организуется уголок живой природы при Сарапульском краеведческом музее. Уже имеется несколько птиц»¹.

В это же время в кадровом составе Сарапульского музея произошли изменения. После смерти заведующего музея Дмитрия Васильевича Шабердина в 1929 г. руководство учреждением культуры принимает

Авраам Никодимович Бершант, входивший в постоянный состав участников пленумов городского совета, до назначения работавший заведующим окружным архивом². Ему удалось воплотить в жизнь идею предыдущего руководителя Д. В. Шабердина и создать при музее зоосад.

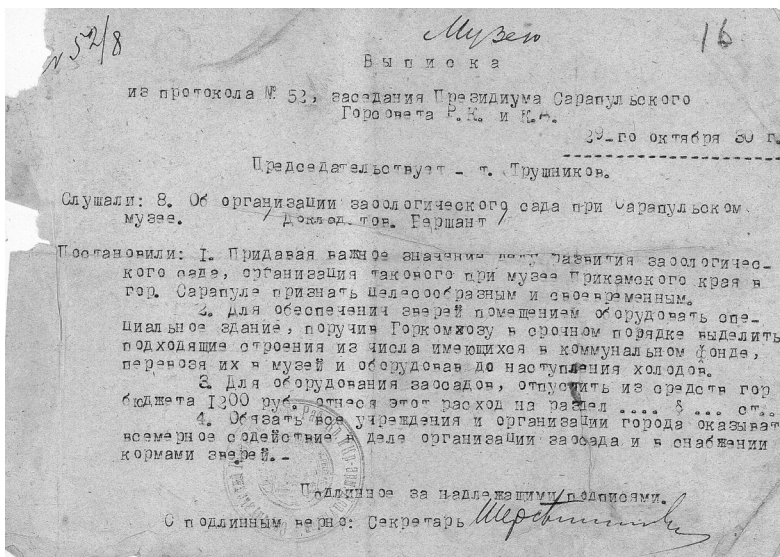
В октябре 1929 г. президиумом Сарапульского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вводилась плата за посещение музея. В постановлении указывалась причина взимания денежных средств: «...принимая во внимание предполагающуюся организацию при музее отдела живой природы с живыми экспонатами с постепенным доведением в будущем до состояния зоопарка и необходимостью изыскания средства на осуществление указанного мероприятия...»³.

Через год постановлением президиума Сарапульского горсовета от 29 октября 1930 г. принимается решение «Об организации зоологического сада при Сарапульском музее», согласно которому горкомхозу поручалось найти в коммунальном фонде и оборудовать помещение для «уголка живой природы», а организациям города всесторонне участвовать в данном деле и оказывать помощь в обеспечении зверей кормами⁴.

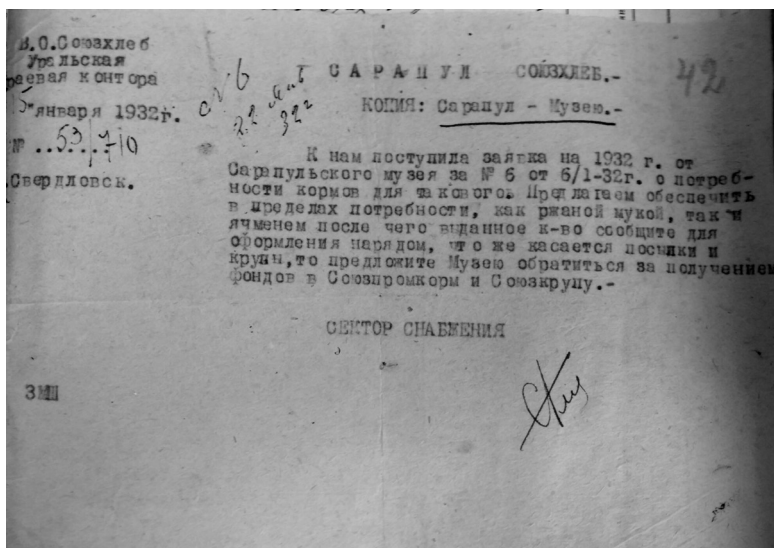
Таким образом, учитывая разрешительные документы, поступившие от областной конторы Уралторга в Свердловске, началось активное приобретение животных местной фауны: волков, барсуков, медведей, белок, лис. В 1930 г. в поимке зверей принимала участие местная охотничья контора⁵. Музей бронировал имеющихся животных в зоопарке Свердловска, позднее наладил контакты с Пермским зоосадам⁶. Планировалось оборудовать бассейн для водоплавающих, аквариум и террариум для земноводных⁷.

Непосредственным исполнителем в деле организации и комплектования «уголка живой природы» при музее стал Валентин Алексеевич Данилов, принятый научным сотрудником в марте 1930 г. Для оперативного решения производственных вопросов, связанных с кормлением и «состоянием живых экспонатов зоосада» в октябре 1930 г. его переводят на должность препаратора⁸.

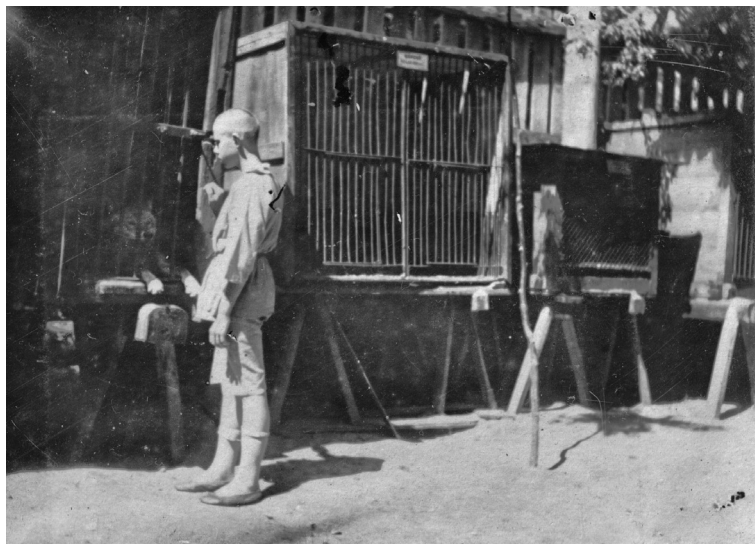
В следующем году, 20 апреля 1931 г., в соответствии с приказом Музея Прикамского края г. Сарапула, к уже имеющимся обязанностям по содержанию зверей Валентину Алексеевичу поручалось: замещать заведующего музеем во время его отсутствия, полностью нести ответственность за деятельность музея в этот период, а также проводить экскурсии, проверять сохранность экспонатов, вести прием предметов в музей, их запись в инвентарную книгу, осуществлять руководство юннатским кружком⁹.

Решение президиума Сарапульского горсовета об организации зоологического сада при Сарапульском музее. 29 октября 1930 г. УДААС

Службная записка Сарапульского союзхлеба. 15 января 1932 г. УДААС

*Уголок отдела живой природы при Сарапульском музее. 1932 г.
Личный архив семьи Кузнецовых*

В это же время В. А. Данилову было выдано удостоверение, в соответствии с которым ему как научному сотруднику зоосада при музее Прикамского края поручалось вести переговоры о приобретении и обмене зверей с зоопарком для организации работы «отдела живой природы». А в январе 1933 г. Управлением уполномоченного народного комиссариата внешней торговли СССР по Уральской области на основании постановления Уралоблисполкома об охоте от 25 ноября 1932 г. Данилов получает удостоверение, согласно которому ему с января по декабрь 1933 г. разрешалось на территории Сарапульского и Фокинского районов отстреливать или вылавливать зверей и птиц для экспозиции отдела фауны Сарапульского музея вне зависимости от сроков охоты¹⁰. В сентябре 1933 г. в связи с трудоустройством на пушно-меховую базу он пишет заявление на увольнение по собственному желанию.

Перед поступлением животных была разработана планировка «уголка живой природы» с большим навесом – 18 м, клетками с обеих сторон: с одной стороны – для хищников, с другой – для птиц и мелких животных. Предполагалось обустройство отдельного помещения для медведей 6х6 м, выше 4 м; вольеров для мелких птиц выше 3 м, а также запасные клетки¹¹.

Увлеченность и старания музейщиков привели к положительным результатам. Организованный «уголок живой природы» вызвал большой интерес у горожан. В летний период наблюдался большой прирост семейной аудитории с детьми. Сотрудниками музея была разработана отдельная экскурсия по зоосаду. Однако содержание зоосада требовало больших затрат, в первую очередь это касалось корма для животных и птиц. Уже через год начались перебои в поставке корма для зверей. Музей пытался решить проблему, обращаясь в Союзхлеб, Союзпромкорм и Союзкрупы¹². С разрешения ветнадзора велась закупка тушей павших животных.

В 1937 г. произошло радостное событие – в музейном зоосаде родился медвежонок, о чем сообщалось в газете «Красное Прикамье»¹³. Но уже через три года, в марте 1940 г., очередная газетная заметка рассказывала о трагическом событии, связанном с медведями. В ней отмечалось, что медведи содержались в необорудованном помещении, и одно животное смогло выйти из клетки. Медведь напал на рабочего музея и нанес ему серьезные раны, в связи с чем зверя застрелили, а сотрудника музея отправили в больницу¹⁴. Возможно, данная ситуация послужила причиной пересмотра всей работы зоосада и дальнейшему свертыванию его деятельности. В начале 1940-х гг. серьезные трудности, обусловленные содержанием «уголка живой природы», привели к его расформированию.

Почти десять лет при музее работал зоосад. За это время он стал неотъемлемой составляющей всей музейной работы и городского пространства. Благодаря неограниченному вкладу предшественников, музейного руководства и сотрудников учреждения культуры получалось достойно решать задачи, обусловленные государственной политикой. Для музея это стало колоссальным практическим опытом в деле популяризации, изучения и сохранения природного наследия края.

Примечания

¹ Красное Прикамье. 1928. 27 сент. (№ 226).

² Управление по делам архивов Администрации города Сарапула (УДААС). Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

³ Там же. Д. 11. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 18. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 30 об.

⁸ Сарапульский музей-заповедник. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 7. Л. 6.

⁹ Ратникова О. П. Данилов Валентин Алексеевич. Малоизученные страницы истории Сарапульского музея // Известия Сарапульского музея. Вып. 9 : сборник статей / отв. ред. Л. Н. Бехтерева. Ижевск; Сарапул, 2024. С. 21–26.

¹⁰ Личный архив семьи Кузнецовых.

¹¹ УДААС. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

¹² Там же. Л. 42.

¹³ Красное Прикамье. 1937. 12 марта (№ 59).

¹⁴ Там же. 1940. 22 марта (№ 67 (5894)).

Художественная ценность архивного документального наследия фонда Управления Сарапульского окружного инженера

М. В. Курочкин, Н. В. Тоцевикова

Сарапульский округ был образован в ноябре 1923 г. в составе Уральской области. Центром округа был назначен город Сарапул. Состоял из земель волостей Сарапульского уезда Вятской губернии и земель волостей Осинского и Красноуфимского уезда Пермской губернии. При образовании округов были учреждены должности окружных инженеров в подчинении инженеру Уральской области. В документах фонда встречаются сведения о работе Сарапульского окружного инженера за 1925 год¹.

Постановлением президиума Сарапульского окружного исполкома от 15 января 1926 г. (согласно постановлению Президиума ВЦИК от 15 февраля 1923 г.) при президиуме окружного исполнительного комитета было образовано управление окружного инженера².

18 января 1926 г. оно начало свою деятельность под руководством Уральского областного строительного комитета и Уральского областного отдела местного хозяйства³.

Районом деятельности управления Сарапульского окружного инженера являлась территория Сарапульского округа в составе 15 районов: Бардымского, Воткинского, Еловского, Камбарского, Каракулинского, Киясовского, Куединского, Ножовского, Осинского, Сарапульского, Больше-Усинского, Фокинского, Частинского, Чернушинского, Черновского⁴.

Согласно положению, управление окружного инженера исполняло свои обязанности как непосредственно, так и через районных техников,

учреждение должностей которых производилось окружным исполнительным комитетом по представлению районных исполнительных комитетов⁵. Районные техники осуществляли общий технический контроль за строительством в пределах данного района. Это выражалось в наблюдении за осуществлением общегосударственных норм местных обязательных постановлений по строительной, пожарной и санитарно-технической частям. Осуществлялось утверждение проектов и при выдаче разрешений на их строительство. Управлением окружного инженера велось наблюдение за всеми постройками, сооружениями и строительными работами, за исключением работ изъятых из ведения районных исполнительных комитетов⁶.

В 1926 г. под руководством управления окружного инженера работали три районных техника: при Осинском, Воткинском и Камбарском районных исполнительных комитетах. В 1927 г. дополнительно учреждена должность районного техника при Сарапульском райисполкоме⁷.

В августе 1926 г. создан плановой архив, путем приема в управление планов на все существующие владения в г. Сарапуле и муниципализированные домовладения в районах. Было произведено изъятия плановых строительных архивов на все существующие владения от учреждений и предприятий округа и строительного архива дореволюционных учреждений (городской управы, земства, кредитных обществ)⁸. Так, в деле № 171 (опись 2) хранится уникальный проект (чертеж) на постройку каменного корпуса кладовых со сводами на рельсах и брандмауэрами владения сарапульского купца Николая Васильевича Смагина, выполненный 25 сентября 1884 г.⁹

Согласно постановлению ВЦИК и СНК от 27 февраля 1928 г., в связи с расширением круга обязанностей, с 1 октября 1928 г. управление окружного инженера было преобразовано в окружное управление строительного контроля с подчинением Уральскому областному управлению строительного контроля¹⁰.

В связи с ликвидацией округов окружные органы строительного контроля ликвидировались. При горисполкомах и райисполкомах, в местах бывших окружных центров были учреждены инспектуры строительного контроля (на правах окружных управлений строительного контроля)¹¹. 15 августа 1930 г. управление строительного контроля президиума Сарапульского окрисполкома ликвидировано. Функции, архивы и личный состав управления переданы в инспекцию строительного контроля при Сарапульском райисполкоме¹². На протяжении всего периода существования управления структуру возглавлял Михаил Васильевич Аронштам.

В 1923–1930 гг. управлением была проведена уникальная и небывалая по своим масштабам работа по полному мониторингу и полной графической фиксации всего архитектурного наследия города Сарапула. Были выполнены тысячи крок, в дальнейшем переведенные в цветные архитектурные чертежи. Впечатляет сохранность работ.

Документы управления окружного инженера собраны в фонде Р-206 и систематизированы в двух описях. Большую ценность представляет научно-техническая документация второй описи. Она состоит из дел с чертежами на объекты гражданского, промышленного, сельскохозяйственного, энергетического, водохозяйственного и транспортного строительства города Сарапула и районов Сарапульского округа. Каждый чертеж был выполнен на ватмане или акварельной бумаге, некогда натянутой на планшет.

Заливка однородного участка выполнена крупной кистью, хорошо напитанной раствором акварели. Заливалось поле красками, горизонтальными движениями кисти от левой до правой границы фасада. Заливка производилась сверху вниз.

Судя по горизонтальному натеку акварельной краски, образовавшемуся после прокладки первой полосы краски у верхней границы заливаемого чертежа, кисть управляла стеканием колера по всей ширине бумаги без пропусков, обеспечивая равномерность и достаточную полноту натека туши, и ровную заливку границ прямоугольника. Дойдя до нижней кромки прямоугольника, натек акварели был слегка отжатой. Графическое выявление светотени выполнено профессионально на высоком уровне. Художник мастерски владел графическими навыками объемного изображения архитектурного фрагмента, вычерченного в ортогональной проекции. Акварель положена ровным слоем и равномерно высохла. Чертежи выполнялись с высоким профессиональным качеством на ватмане или специальной акварельной бумаге. Большая часть строительных чертежей наклеена на хлопчатобумажную ткань (так оформлены в делопроизводстве фондообразователя).

Таким образом, судя по приемам, чертежи выполнял профессиональный архитектор, ранее обучавшийся в специализированных высших учебных заведениях России.

Каждый чертеж представляет собой комплекс архитектурных документов, собранных в единый графический лист. Выкопировка фрагмента карты населенного пункта с указанием номера городского квартала и границами участка. Выкопировка выполнена, как правило, в масштабе 1:500. Генеральный план застройки участка с расположением всех

надворных построек. Его сопровождает экспликация с указанием площади всего участка и каждой постройки в отдельности. Развертки фасада и поэтажные планы выполнены в масштабе 1:50. Каждый поэтажный план сопровождает рабочая экспликация помещений. Рассчитана общая площадь каждого этажа и каждого помещения в отдельности розовым цветом обозначены капитальные стены. Красным показаны изменения в планировочной структуре этажа. Поэтажные планы отображают все инженерные коммуникации здания: водопровод, канализацию, вентиляцию и печи.

В состав комплексного графического документа входят разрезы любого здания усадьбы с предполагаемой достройкой новых этажей или его расширения. Точно указаны фундаменты, несущие стены, перегородки, конструкции перекрытий и кровельных стропил. Многие чертежи подписаны заместителем окружного инженера Иваном Дмитриевичем Дедюхиным.

Документы, хранящиеся в первой описи, имеют историческую ценность, но утратили свое практическое значение. Сохранились дела по личному составу сотрудников, приказы по основной деятельности и т. д.

Таким образом, использование, сопоставление и всесторонний анализ перечисленных источников, сосредоточенных в фонде Р-206 Управления по делам архивов Администрации города Сарапула, позволяет научно, комплексно и объективно решать проблемы, связанные с изучением художественных, историко-архитектурных процессов Удмуртии начала XX в. Дает возможность определить первоначальную достоверную историческую базу для проведения работ по реставрации и реконструкции историко-культурного наследия города Сарапула. Художественная ценность архивного документального наследия фонда Управления Сарапульского окружного инженера вне сомнений.

Примечания

¹ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² Там же. Л. 17 ; Там же. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об.

³ Там же. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 25. Л. 14 ; Там же. Д. 31. Л. 77.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 23, 54 ; Там же. Д. 15. Л. 31 об.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 52–53.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 54.

⁷ Там же. Д. 26. Л. 2 об. ; Там же. Д. 31. Л. 77.

⁸ Там же. Д. 25. Л. 9.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 171.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 21 ; Там же. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 6. Л. 212.

¹¹ Там же. Ф. Р-206. Оп. 1. Д. 186. Л. 1.

¹² Там же. Л. 6 об. ; Там же. Д. 182. Л. 129 ; Там же. Д. 73. Л. 31.

Фронтовые письма как ресурс патриотического воспитания школьников

К. К. Толстухин, М. А. Росина

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»¹, в требованиях Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования особое внимание обращается на воспитание у школьников российской гражданской идентичности, патриотизма, уважения к Отечеству, усвоение ими нравственных чувств и ценностей². В связи с этим не теряет актуальности вопрос о потенциале различных ресурсов воспитания обучающихся.

Ключевую роль в формировании гражданской идентичности и патриотизма играет историческая память, благодаря которой общество осознает свои корни, значимость прошедших событий, извлекает уроки из прошлого и двигаться в будущее. В России особое значение имеет внимание к военной истории. Важной вехой национального самосознания и опорой российского патриотизма является сохранение памяти о Великой Отечественной войне, а также о конфликтах в Афганистане, Чечне, СВО. Особое значение в этом контексте приобретает привлечение краеведческого материала: источников, отражающих участие кировчан в названных событиях.

Важную роль в сохранении исторической памяти в рамках учебного процесса в средней школе имеют такие источники личного происхождения, как фронтовые письма, которые обладают высоким потенциалом для эмоционального постижения истории и формирования патриотического сознания учащихся. Представляя собой непосредственные свидетельства прошлого, они помогают лучше понять жизнь и мысли участников изучаемых событий.

Фронтовые письма – это письменные сообщения, отправляемые во время войны солдатами и офицерами с передовой линии фронта своим родным и близким в тылу³. Они написаны военнослужащими и содер-

жат личные свидетельства об их жизни на фронте, боевых действиях, быте, взаимоотношениях и моральном состоянии. Письма позволяют обучающимся лично соприкоснуться с событиями прошлого через работу с первоисточниками. Эпистолярные памятники демонстрируют духовную силу солдат, отвергают войну как нечто противоестественное человеческой природе, прославляют волю к жизни, отражая в сознании читающего ценностные ориентации автора, которые перекрещиваются с личностными ценностями читателя. Последний, таким образом, выступает в роли соавтора письма⁴. Использование фронтовых писем обогащает учебный процесс и способствует формированию патриотического сознания и глубокого уважения к истории своей страны⁵.

При проведении занятий с использованием этого исторического источника учителю необходимо отслеживать реакцию обучающихся на письма, их восприятие и понимание исторических событий, представленных в этих документах, учитывать специфику этого вида источников и особенности восприятия учащихся. Принципиально, чтобы школьники оценивали эмоциональную составляющую исторических событий через призму переживаний и мнений участников войны, отраженных в письмах⁶.

Опросы и беседы с обучающимися восьмых классов Лингвистической гимназии г. Кирова показали наличие у большинства из них опыта чтения солдатских писем, что свидетельствует о широком доступе к этому виду источников. Часть опрошиваемых сообщила, что в их семьях нет писем с фронта, некоторые школьники не уверены или не знают о наличии таких материалов у своих родственников. Таким образом, фронтовые письма либо утеряны и не доступны для опрошенных, либо не стали предметом особого интереса или ценностью для семьи. Большинство участников опроса называют фронтовые письма интересными и важными материалами для изучения истории, что подтверждает их ценность для патриотического воспитания.

Понимание специфики этого вида источников может служить учителю отправной точкой для разработки занятий по истории. Например, для проведения внеурочного занятия требуется подготовка, включающая систематизацию и подбор фронтовых писем, их адаптацию для работы школьников. Чтобы полнее познакомиться с жизнью и судьбами воинов в период их боевого пути, особенностями службы земляков в горячих точках, важно использовать доступные опубликованные и неопубликованные материалы, имеющиеся в семьях обучающихся, подготовленные местными архивами, доступные в экспозициях и хранилищах музеев⁷.

Принципами проведения занятий с привлечением фронтовых писем являются:

Семейное и общественное сплочение. Подготовка к занятию включает предварительные беседы с родителями, знакомство с прошлым семьи, ее героями и их подвигами, а также осознание вклада других семей в благополучие общества.

Интерактивность. Обучающиеся не только взаимодействуют с историческим материалом, подбирая и читая письма, посещают музеи, выставки, но и обмениваются полученными знаниями и впечатлениями с родителями, учителем и одноклассниками в ходе подготовки и обсуждения.

Развитие критического мышления. Ученики анализируют письма, выделяют общие и отличительные черты, делают выводы, дают оценку подвигам, проводят параллели между прошлым и современностью.

Эмоциональная вовлеченность. Работа с фронтовыми письмами позволяет школьникам почувствовать и разделить эмоции, переживания и мысли воинов, что делает занятие эмоционально насыщенным и запоминающимся.

Патриотическая направленность. Предполагает акцент на осознание себя потомками героических предков, формирование гражданской идентичности.

Рефлексивность. Обучающиеся вникают в ценности и смыслы воинов, их вклад в историю, сравнивают их мотивы с собственными стремлениями, осознают свои возможности и направления личного саморазвития.

Можно предложить следующий алгоритм подготовки внеурочного занятия с привлечением фронтовых писем:

1. Получение предварительного задания.
2. Работа с родителями, родственниками.
3. Работа с фронтовыми письмами.
4. Обсуждение и коллективный анализ писем.
5. Подведение итогов, рефлексивное осмысление.

Один из возможных планов проведения занятия состоит из трех этапов и выглядит следующим образом:

Этап 1 (Предварительный). Включает получение предварительного задания на поиск писем в опубликованных сборниках или семейном архиве, беседы с родителями (подготовка и осмысление материала к занятию). Цель: стимулирование познавательного интереса через личные истории участников вооруженных конфликтов, содействие глубокому пониманию и оценке значения фронтовых писем в контексте истории, развитие критического мышления учащихся через обработку и анализ исторического материала.

Содержанием работы выступает поиск в семейных архивах, школьных музеях, библиотеках фронтовых писем. Взаимодействие с родителями включает в себя обсуждение семейного военного опыта, обмен рассказами и материалами из домашних архивов. Учитель заранее предоставляет рекомендации или вопросы для обсуждения (Кто из семьи участвовал в том или ином вооруженном конфликте? Какие награды и отличия у него/нее были? Есть ли в семье письма, фотографии или другие документы, связанные с участием в войне? Можно ли рассказать историю о каком-то героическом поступке или интересном событии из боевого пути родственника? и т.д.).

Этап 2 (Аудиторный). Включает работу на занятии. Цель: прикоснуться к истории, прочувствовать переживания людей прошлого, осознать себя частью великой страны, осмыслить свой моральный долг перед предками. По содержанию работа направлена на стимулирование интереса к истории через личный опыт семей и выполнение учеником исторического экскурса с использованием фронтовых писем. Учащиеся делятся информацией о своих родственниках, участниках боевых действий и детализируют их вклад в изучаемые события. Школьники отвечают на вопросы о том, кто сражался в их семье, какие события происходили с этими людьми. Затем организуется непосредственная работа с фронтовыми письмами. Учащиеся обсуждают их содержание, выражают свои впечатления, объединяясь в микрогруппы для более глубокого анализа. В результате этой работы на основе прочитанных писем у школьников складывается обобщенный образ «воина-защитника Родины», который может служить для них ценностным ориентиром выполнения долга перед Отечеством. Особое значение имеет то, что этот образ складывается на основе информации о земляках, а возможно, даже знакомых, близких, родных людях.

Этап 3 (Рефлексивный). Цель: осмысление себя и других в контексте деятельного участия в жизни своей страны. Содержание работы заключается в том, что учащиеся обобщают приобретенные знания, осознают свою личную связь с героическими персонажами писем, отвечая себе на вопросы о том, насколько они похожи на людей того времени, какие качества они обнаружили в себе, работая с письмами участников вооруженных конфликтов.

Фронтовые письма являются важным ресурсом патриотического воспитания школьников, помогая учащимся осознать значимость исторических событий и сформировать уважительное отношение к прошлому своей страны. Они не только предоставляют уникальный взгляд на события военной истории через призму личных переживаний

участников вооруженных конфликтов, но и способствуют формированию ценностных ориентаций, патриотизма и исторического сознания школьников. Обсуждение семейных историй о родственниках, воевавших в горячих точках, способствует не только укреплению семейных связей, но и усилению эмоциональной вовлеченности учащихся, делая для них историю более живой и близкой. Такой подход не только повышает интерес к изучению прошлого, но и помогает молодому поколению осознать важность вклада своих предков в общее дело, воспитывая уважение к их жизненному пути и гордость за свою семью и страну.

Примечания

¹ Федеральный Закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Государственная дума РФ. Ст. 14. п. 2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 22.09.2024).

² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» от 29.12.2012 № 273-ФЗ с изм. и допол. в ред. от 12.08.2022. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 22.09.2024).

³ Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 37–41.

⁴ Иванов А. Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник : методика анализа // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150. Кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. С. 49–53.

⁵ Лисова К. И. Использование документов на уроках истории и народоведения // Народное образование. 2001. № 5. С. 141–149 ; Иванов А. Ю. Фронтовые письма XX века как исторический источник... С. 49–53.

⁶ Касимов Р. Н. Приемы анализа фронтовых писем как дополнительного источника изучения отдельных аспектов Великой Отечественной войны (по материалам книги К. А. Пономарева «150 дней красноармейца Пономарева») // Индакар. 2014. № 5 (22). С. 78–95.

⁷ Подобный сборник был подготовлен Государственным архивом социально-политической истории Кировской области. См.: Испытание войной : сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО» о начале Великой Отечественной войны в Кировской области / КОГКУ «ГАСПИ КО», ВятГГУ ; сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских ; под ред. Ю. А. Балыбердина, А. А. Машковцева, Е. Н. Чудиновских. Киров, 2014. 372 с. ; В музее воинской славы открылась выставка «Адрес подвига – Афганистан» // <https://muzey43.ru/aboutus/smiaboutus/2585-v-muzee-voinskoj-slavyi-otkryilas-vyistavka-adres-podviga-afgani?ysclid=m1rh4nrxrp829871912> ; Адрес мужества и подвига – Афганистан : книга о воинах-кильмезянах, исполнявших интернациональный долг в республике Афганистан с 1979 по 1989 год. К 25-й годовщине вывода советских войск из Афганистана. Кильмезь ; Киров, 2014. 134 с.

РАЗДЕЛ III. ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Вятский секретарь Аверкий Перминов: новые сведения о родословной, биографии и дате постройки кирпичного дома

А. Л. Мусихин

Секретарь Вятской провинциальной канцелярии Аверкий Иванович Перминов известен в первую очередь своими служебными злоупотреблениями и жилым кирпичным домом, сохранившимся в г. Кирове до настоящего времени (ул. Спасская, 10а). Наиболее подробно его биографию рассмотрел А. Г. Тинский¹. В настоящее время выявлен ряд документов, позволяющий более полно изучить некоторые стороны биографии А. И. Перминова, составить родословную и уточнить дату постройки его дома.

Аверкий родился в деревне Филипа Новоселова Великоорецкой волости Великоорецкого оброчного стана в семье солдата старых полков Ивана Ермолаевича Перминова и его жены Авдотьи Прокофьевны в 1701–1702 г.² У Аверкия были младшие сестра Устинья и брат Кирилл³.

Все предки Аверкия Перминова начиная с прапрадеда проживали в том же Великоорецком стане. Первый известный представитель рода Авдей Абросимович, упоминаемый в документах 1615–1663 гг., сменил несколько мест проживания в Подрельской волости Великоорецкого стана. В 1620-х гг. у него на оброке был сенной покос на 10 копен сена. Сохранился любопытный договор от 28 января 1626 г., по которому Авдей за алтын подрядился выткать «в своем добром мочалье полтораста рогож соляных толстых в длину по 4 аршина с четью, а поперег по полутора аршина с вершком». По переписи 1646 г. он проживал в собст-

венном починке Пермском с сыновьями Иваном и Петром и с внуком Ермолаем (Ермачкой). В 1647 г. Авдей взял на оброк раменье под пашню и под сенной покос на р. Великой со льготой по оплате оброка в пять лет. В 1671 г. Авдея уже не было в живых, в починке проживали его сын Петр и внук Ермолай, старший сын Иван взят в солдаты. Перепись 1678 г. показывает, что Иван вернулся со службы и проживал в одном дворе с младшим сыном Марком и тремя его сыновьями. Но двор его сына Ермолая был пуст, «Ермачко сидит в Хлынове в тюрьме». Судьба Ермолая, деда Аверкия, вообще оказалась очень тяжелой. В 1709 г. отмечается, что он вместе с племянником Ларионом выслан в Азов, и на Вятку не бывал. У его сына Ивана, отца Аверкия, после службы в армии дела шли не так плохо. В 1710 г. у него было два половника. Следующий, 1711 г. Иван провел очень активно: купил у двоих крестьян Великоорецкого оброчного стана восьмой «пай деревни з дворными и гуменными собыми хоромы и с озимью»; дал в заем 3 рубля двум крестьянам, которые в залог подписали свой сенной покос около р. Великой; нанял на три года еще одного половника (из этой договорной записи становится известно, что у Ивана было, по крайней мере, две лошади); за долг в восемь гривен получил с одного крестьянина данную запись на три четверти ржи. Однако около 1714 г. Иван умер, в ландратской переписи 1716 г. его жена записана вдовой с двухлетним сыном Кириллом⁴. Таким образом, прямая родословная цепочка предков Аверкия Перминова выглядит следующим образом: Абросим – Авдей – Иван – Ермолай – Иван – Аверкий.

Далее начинается история Аверкия Перминова. Впервые самостоятельно он упоминается 22 июня 1715 г. в Хлынове в качестве свидетеля при заключении частного договора⁵. Можно полагать, что причиной его переезда в Хлынов послужила смерть отца. К сожалению, нам ничего не известно о том, что происходило с Аверкием в последующие несколько лет. Далее он отмечается в сказке первой ревизии 1721 г. хлыновцем, солдатом Вятского полка, от роду 19 лет. В это время в Хлынове у него уже были подворник и срочный работник⁶. А ревизская сказка 1722 г. сообщает, что в Великоорецкой волости Великоорецкого оброчного стана солдату Аверкию Перминову принадлежала деревня Золотухинская, в которой проживали его половники, один срочный работник и один крепостной⁷. Возможно, или деревню приобрел еще отец Аверкия, или начальный капитал на приобретение деревни он получил из накоплений отца.

В последующие несколько лет в судьбе Аверкия Перминова произошли большие перемены. В следующий раз он многократно отмечается в 1730 г. как канцелярист Вятской провинциальной канцелярии и успешный деловой человек, совершающий сделки с недвижимостью. В этом году он купил полтора сенных покоса, две деревни, мельницу, продал свой двор в Хлынове, нанял половника на три года, заказал изготовить для себя корабль (павозку) более 15,5 м длиной и более 3 м шириной⁸. В последующие годы подобные сделки продолжались, к ним добавились выдачи денежных займов под залог недвижимости.

Кроме половников Аверкий начал все чаще нанимать работников по жилым записям. Такие работники обычно за взятые вперед деньги обязывались жить в доме нанимателя или где он прикажет, выполнять любую работу в течение определенного срока (от 3 до 10 лет). В случае неисполнения работы или досрочного ухода работник очень строго наказывался. В более поздние годы такие жилые записи заключались и с половниками⁹. Особенно активно Перминов нанимал работников по жилой записи в 1762–1763 гг. для работы на его Никольской бумажной фабрике, находившейся в Спенцынском оброчном стане Хлыновского уезда¹⁰. В 1739, 1744, 1747, 1752 и 1762 гг. он покупал крепостных крестьян и дворовых людей¹¹.

Привлекают внимание два договора с извозчиками 1746 и 1747 гг. на доставку в Москву его личных иконостасных резчиков, садовника и золотарей¹². Здесь возможны два предположения. Или Перминов отправил своих специалистов в Москву по просьбе какого-то московского сановника, или же он сам располагал там каким-то имением, для которого понадобились такие работники.

На все такие сделки требовались немалые средства, которые государственный чиновник не мог заработать честным путем. Поэтому уже в 1738 г. Казанская губернская канцелярия завела какое-то дело на «канцеляриста Аверкия Перминова да на капрала Захара Грехова»¹³. Суть дела, к сожалению, неизвестна. В 1751 г. поверенный от Ошланской волости Хлыновского уезда крестьянин Бесперстов бил челом в Правительствующем Сенате на секретаря Перминова в том, что «во всех государственных волостях Перминов обижает и разоряет крестьян, собирает разные сборы на свои домовые нужды, раскладывая их на всех крестьян по числу душ..., многие челобитчики на него едва не померли в тюрьме по его проiscaм»¹⁴. В августе 1752 г. в Хлынов прибыла следственная комиссия во главе со статским советником Полян-

ским для проверки жалобы, поданной на Аверкия Перминова в Сенат 30 декабря 1751 г. от архимандрита Вятского Успенского Трифонова монастыря Иасафа Потемкина и секретаря Вятской духовной консистории Алексея Головкова «во многих от него Перминова непорядочных и противных указом поступках и взятках, и во упущении подушной доимки, и в прочем»¹⁵. Следствие комиссии о «дому архиерейскому и монастырям обидах, и народных грабительствах, и немало числа о взятках, и указом преступлений» продолжалось еще и в октябре следующего 1753 г.¹⁶

Но, вероятно, все эти проверки ни к чему не привели, а жалобы остались без удовлетворения. Называвшийся в феврале 1743 г. канцеляристом, в феврале 1744 г. Аверкий Перминов именуется уже секретарем¹⁷. Он продолжал заключать жилые записи с наемными рабочими даже во время ведения следствия в 1752–1753 гг.¹⁸ Правда, после этого записи частных договорных актов, заключенных Перминовым, исчезают из записных книг вплоть до 1762 г. Но в указанном году он именуется уже «Вятской провинции секретарем и бумажной фабрики содержателем».

Однако недолго оставалось Перминову использовать возможности своей должности. Между ноябрем 1763 г. и июлем 1765 г. он потерял должность секретаря и начал называться «бывшим Вятской провинциальной канцелярии секретарем, а ныне бумажной фабрики содержателем»¹⁹. А в конце апреля 1769 г. Аверкий скончался и был отпет в Хлыновской Покровской церкви и похоронен 26 апреля²⁰. Наследников мужского пола у него не осталось, все имущество досталось его дочери от первого брака Прасковье (в замужестве Росихина) и второй жене Татьяне Федотовне. Деловыми качествами своего отца и мужа ни та, ни другая не обладали, поэтому уже 1 октября 1770 г. дочь Аверкия у капитанши Натальи Ивановны Нелидовой заняла целых 200 руб. в заклад «недвижимого имения, состоящей в городе Хлынове в Никитской улице в приходе Покрова Пресвятыя Богородицы дом каменной со всем в нем прибором и при нем всяким деревянным строением и огородом, да дворовых крепосных оного ж отца ее людей» и крепостных в Яранском уезде, на срок до 1 июня 1771 г.²¹ Очевидно, к сроку деньги вернуть не получилось, и 15 июня 1771 г. Прасковья со своей мачехой вынуждены были начать распродавать своих крепостных, сначала одну семью (четыре человека) из Яранского уезда за 130 руб., затем 12 августа другую семью (четыре человека) оттуда же за 150 руб. Далее сообщается что-то странное. Того же 12 августа они еще раз продали первую семью

Фасад дома Аверкия Перминова. Рисунок Филимона Рослякова.
Между 1784–1806 гг. РГИА

за те же 130 руб. другому покупателю. Если это не какая-то ошибка писца, в таком случае – явный обман со стороны продавцов, так как в купчей крепости они поручаются, что «напредь оной купчей те крепосныя их люди иному никому не проданы, не заложены и ни у кого ни в каких крепостях не укреплены»²². Наконец, в феврале 1779 г. они продали две деревни в Яранском уезде с оставшимися крепостными крестьянами и почти всех своих дворовых²³. А в августе того же года Прасковья вновь продала одного из крепостных крестьян, который уже был продан среди других в феврале, за 50 руб. другому покупателю²⁴! И, как уже известно, в 1781 г. дочь и вдова Аверкия Перминова все же вынуждены были продать его кирпичный дом первому вятскому наместнику генерал-майору Степану Даниловичу Жихареву²⁵.

Почти во всей краеведческой литературе сообщается, что кирпичный дом Аверкия Перминова был построен в 1750-х гг. (около 1755 г.) после большого хлыновского пожара, который случился 20 июля 1752 г.²⁶ Правда, в «Энциклопедии земли Вятской» А. Г. Тинский, вероятно, сомневаясь в правильности данной датировки, добавил фразу «как считалось». Веские аргументы против этой даты высказал В. А. Любимов в 2014 г. В протоколах Вятской духовной консистории

он нашел следующие записи. В книге заседаний за 1751 г. сообщается, что Перминов взял 40 тысяч кирпичей, заготовленных для строительства соборной колокольни. Поэтому «церковное строение седьмой год» не ведется. В книге за 1758 г. записано, что взятые в 1746 г. «из Кафедрального собору... на строение палат ево Перминова кирпич... известь и уголья...», возвращены им до 1754 г.²⁷

В настоящее время найдены подрядные договоры, подтверждающие справедливость высказанного Любимовым. 23 сентября 1745 г. Аверкий Перминов заключил договор с семью крестьянами Чистянского стана Слободского уезда о поставке ему «вызженной извести кипелки самой доброй без опекиша 320 четвертей» за 32 рубля в срок 6 декабря того же года²⁸. Следующий, пожалуй, самый важный акт в данной истории с очевидностью показывает, для чего ему нужна была эта известь. 22 декабря 1745 г. Аверкий заключил договор с отставными каменщиками Макаром Егорьевым сыном Окуловым с сыном Алексеем и Лукой Федоровым сыном Питиримовым на черновую и чистовую отделку «при построенных в доме ево Перминова полах» и снаружи дома до 28 июня 1746 г. за 100 руб.²⁹ (см. приложение). Это означает, что сам кирпичный дом был выстроен до осени 1745 г., а отделка, значит и весь дом, была окончена 28 июня 1746 г. Эту дату с полным основанием можно принять за «день рождения» кирпичного дома Аверкия Перминова. В свою очередь, это означает, что дом был выстроен за шесть лет до большого хлыновского пожара и за девять лет до принятой в настоящее время даты постройки дома.

15 января 1747 г. Аверкий Перминов заключил договор с хлыновским посадским Михаилом Алалыкиным на изготовление и поставку ему кирпича «красного обожженного самого доброго» 30000 штук за 30 руб. в июне и июле того же года, вероятно, для отдачи кирпича назад Кафедральному собору.

А. Г. Тинский отмечал вокруг дома Перминова «обширное усадебное место» площадью 2320 кв. сажень (10500 кв. м.)³⁰. Аверкий приобрел его в течение следующих двух лет через год после постройки дома, скупая усадьбы у своих соседей. 2 октября 1748 г. он приобрел пустое дворовое и огородное место у хлыновского купца Василия Васильева сына меньшого Хохрякова за 50 руб.; 2 ноября того же года – двор с огородчиком у жителя Хлынова Сидора Юдина сына Колошина за 30 руб.; 13 сентября 1749 г. – пустое дворовое место у жителя Хлынова Карпа Григорьева сына Вяземского за 60 руб.³¹ Таким образом,

можно полагать, что строительство дома и оформление усадьбы обошлось Аверкию Перминову в огромную по тем временам сумму.

Существует еще один факт, косвенно подтверждающий строительство дома до пожара 1752 г. 10 июня 1753 г. Перминов нанял трех плотников «зделать в городе Хлынове при доме ево секретаря Перминова вновь конюшни с калясником (помещение для хранения коляски/кареты. – А. М.) против показанного от него Перминова рисунку из ево секретарского готового лесу и тесу самым добрым плотнишным топорным мастерством и под скобель наготово». Очевидно, прежние деревянные конюшни сгорели в пожар, поэтому необходимо было их выстроить «вновь». За работу Аверкий заплатил 40 руб.³²

Известно, что торцевые кирпичные трехэтажные пристройки к дому Перминова, которые существуют в настоящее время, были выполнены в 1903–1904 гг., когда в доме разместилась телефонная станция. Однако мало кто знает, что это не первые пристройки к дому! О каких пристройках речь? На рисунке фасада дома Перминова и на плане усадьбы, выполненных губернским архитектором Филимоном Росляковым в конце XVIII в. (после 1784 г.), с обеих сторон дома отмечены деревянные пристройки³³. Когда они были сделаны, неизвестно. Но думается, это могло произойти после пожара 1752 г., когда разрушилась наружная пристроенная лестница, ведущая на второй этаж. Кроме того, возможно, после пожара дом уже потерял свою крепость и устойчивость, что вынудило Аверкия Перминова принять решение о строительстве пристроек, поддерживавших дом с двух сторон. В 1802 г. вятский губернатор П. С. Рунич докладывал, что эти «деревянные пристройки... уже обваливаются»³⁴. На плане усадьбы, выполненном между 1808–1812 гг., мы видим деревянную пристройку только с одного торца дома³⁵. Очевидно, несколько позднее дом лишился и ее.

Таким образом, нами выявлено шесть колен родословного древа вятского секретаря Аверкия Перминова, установлены и уточнены отдельные факты его биографии. Особенно важно определение даты постройки кирпичного дома Аверкия Перминова, которому в 2026 г. может исполниться 280 лет и который нуждается в сохранении и скорейшем восстановлении, на что самое пристальное внимание должны обратить руководители Кировской области и города Кирова и вятчане-энтузиасты.

Примечания

¹ Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 119–120; Его же. Архитектура гражданских зданий середины XVIII века // ЭЗВ. Киров, 1996. Т. 5: Архитектура. С. 121.

² В переписи 1710 г. Аверкию Перминову указано пять лет. А в сказке первой ревизии 1721 г. – 19 лет. Возраст в сказке более вероятен.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 836; Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1595. Ч. 1. Л. 551 об. – 552.

⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1029. Л. 318; Там же. Д. 1032. Л. 65 об.; Там же. Д. 90. Л. 194 об. – 195; Там же. Д. 903. Л. 340; Там же. Д. 519. Л. 56; Там же. Д. 521. Л. 374–374 об.; Там же. Д. 1098. Л. 836; Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2136. Л. 182 об. – 183; Там же. Д. 2137. Л. 241; Там же. Д. 2157. Л. 45–45 об., 97–97 об.; Там же. Д. 2158. Л. 71 об., 73 об.; Там же. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 9. Л. 503 об. – 504; Там же. Ф. 137. Оп. 1. Вятка. № 6. Л. 626 об. – 627; Там же. Ф. 210. Оп. 20. Д. 210. Л. 54; Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1595. Ч. 1. Л. 551 об. – 552.

⁵ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2160. Л. 25–25 об.

⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3823. Л. 90.

⁷ Там же. Д. 3836. Л. 449–449 об.

⁸ Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2162. Л. 27 об., 40, 47 об.; Там же. Д. 2164. Л. 7 об. – 8; Там же. Д. 7836. Л. 5 об., 7 об., 9–9 об.

⁹ См., например: Оберучева-Анциферова Т. Жилые записи // Журнал Министерства народного просвещения. Петроград, 1917. Нов. сер. Февр. Ч. 67. С. 241–271; Бахрушин С. В. Ремесленные ученики в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Москва, 1954. Т. II: Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV–XVII вв. С. 101–117.

¹⁰ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2323. Л. 1–1 об., 2 об. – 5; Там же. Д. 2330. Л. 1–3 об.

¹¹ Там же. Д. 2182. Л. 10–10 об.; Там же. Д. 2200. Л. 1–2; Там же. Д. 2227. Л. 2–2 об.; Там же. Д. 2268. Л. 2–2 об.; Там же. Д. 2320. Л. 7–8 об.

¹² Там же. Д. 2220. Л. 6 об. – 7 об.; Там же. Д. 2230. Л. 6–7.

¹³ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 113. Л. 16 об. – 17.

¹⁴ Соловьев С. М. Сочинения : в 18-ти кн. Москва, 1993. Кн. XII : История России с древнейших времен. Т. 23–24 / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. С. 99–100. Волость в книге Соловьева ошибочно названа Шланская.

¹⁵ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2273. Л. 2 об. – 3; Тинский А. Г. Вятская мозаика... С. 119–120.

¹⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2281. Л. 3–4 об.

¹⁷ Там же. Д. 2193. Л. 7; Там же. Д. 2198. Л. 20.

¹⁸ Там же. Д. 2271. Л. 8–10; Там же. Д. 2279. Л. 2–2 об.

¹⁹ Там же. Д. 2340. Л. 5.

²⁰ Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Заострожной) / 3-е изд., испр., доп. и перераб. Вятка, 2014. С. 788.

²¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2356. Л. 8–8 об.

²² Там же. Д. 2357. Л. 1–6.

²³ Там же. Д. 2374. Л. 1–3.

²⁴ Там же. Д. 2375. Л. 1 об. – 2.

²⁵ Тинский А. Г. Вятская мозаика... С. 120; Его же. Дом А. И. Перминова // Вятка. Памятники и памятные места / сост. М. Н. Бойчук. Киров, 2002. С. 61.

²⁶ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров, 1976. С. 44 ; Его же. Вятская мозаика... С. 117–118 ; Его же. Архитектура гражданских зданий середины XVIII века... С. 121 ; Его же. Дом А. И. Перминова... С. 61.

²⁷ Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Заострожной)... С. 117–118.

²⁸ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2210. Л. 6–7.

²⁹ Там же. Л. 10–11 об.

³⁰ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки... С. 59 ; Его же. Архитектура гражданских зданий середины XVIII века... С. 121.

³¹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2237. Л. 15 об. – 17 ; Там же. Д. 2246. Л. 13 об. – 14 об.

³² Там же. Д. 2281. Л. 1–2.

³³ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 329. Л. 2, 4; Там же. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 831.

³⁴ Страница Центрального государственного архива Кировской области в социальной сети «ВКонтакте». 2024. 13 авг. URL: https://vk.com/cgako?w=wall-21880083_32786.

³⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 (Вятская губ.). Д. 55.

Приложение

[Л. 10] № 9. Лета тысяща семь сот четьредесять пятаго (1745. – А. М.) декабря в двадесать вторый день Вятской правинцы Хлынова города жители отставные каменщики Макар Егорьев сын Окулов с сыном Алексеем да Лука Федоров сын Питиримов дали сию запись Вятской правинцы секретарю Аверкию Иванову сыну Перминову в том, что нам подрядчиком с нижеподписавшимися поручители при построенных в доме ево Перминова полатах зделать нам подрядчиком на своем пропитании. Первое: внутри верхнего партамента, как в зале, так в побочных и уголных покаях, в сенях и снаружи от крыльца подмазав по навесу подтерку и навест белым алебастровым штуком с вензель и карнизы по приличности фигур и на[д] дверями и окнами и при ша[?]фах, также и на сенных дверях снаружи по бокам // [Л. 10 об.] и сверху поставит обливныя из алебастру штуки и где что принадлежит по ево секретарьскому приказу и рисункам, и изготovia со всем исправно и к тому пристойно, как надлежит для житья воитти неотменно. Второе: с наружную с фундаменту и до верху вычистя подвес пришектовой, также кругом окон и фигур подмазать сперва извескою с песком напрыском подтерку, и потом чистым алебастром белою чистою

и гладкою штукаторною работою, при том же над окнами поставить литейныя по три, а сверху адкарашьнаны (крагштейн/караштын – выступ в стене здания для поддержки карниза, балкона и т. п. или для установки украшений. – А. М.) по одной отливных личин штатуе. И все вышеписанное сделать нам подрядчиком против сей записи и ево секретарского приказания неотменно. Третье: а к тому делу как подмаску, так и штукатурную работу составлять нам подрядчикам и литейную работу отливать из ево секретарского материялов, гвоззя и проволоки не тратить и всячески от потеряния хранить, а что испортим, то по осмотру и приказанию ево Перминова переправить по пригожеству нам же подрядчиком без одговорки. Четвертое: начать тое работу сначала изнутри верхнего партамента, потом и наружную подмаску и штукатурную с отливом работу окончать июня до двадесять осмага числа будущего семь сот четыредесять шестаго (1746. – А. М.) году. Пятое: а за т[о]е работу рядили у него секретаря Перминова денег сто рублей и наперед сей записи взяли пятьдесят рублей, а из достальных пятидесяти рублей взять нам по отправлении верхняго партамента наготово дватцать пять рублей, а последния дватцать пять рублей уже по окончании всей штукаторной работы. Шестое: ежели мы подрядчики паче чаяния по сей записи чего не исполним и от работы сойдем и остановим, и за то на нас и поручителях взять вышеписанные // [Л. 11] деньги и с убытки. К то[й] записи хлыновец Феоктист Иванов сын Тюфяков вместо отставные каменщиков Макара Егорова сына Окулова и сына ево Алексея Окулова ж, что они подрядились Вятской правинцы у секретаря Аверкия Иванова сына Перминова построенных в доме ево полатах внутри и с вонную сторону во всех покоях, что выше сего писано в сей записи, а рядили от работы сто рублей обще с Лукою Питиримовым, в том по их прошению руку приложил. К той же записи хлыновец Иван Иванов сын Швецов вместо отставного каменщика Луки Федорова сына Питиримова, что он подрядился Вятской правинцы у секретаря Аверкия Иванова сына Перминова построенных в доме ево полатах внутри и с вонную сторону во всех покоях, что выше сего писано в сей записи, а рядили от работы сто рублей обще с Макаром Окуловым с товарищи, в том по ево прошению руку приложил. Да порутчики хлыновец Дмитрий Васильев сын Кононов вместо поручителя Хлынова города жителя Романа Семенова сына Шухардина, что он по вышеписанном отставных каменщиков Макара Егорова сына Окулова и сына ево Алексея Окулова ж, по Луке Федорове сыне Питиримове ручался против сей записи во взятые

денег и что в сей записи писано выше сего, в том по ево прошению руку приложил, Вятской правинцыальной канцелярии копеист Сергей Степанов сын Шмелев вместо поручителя Хлынова города жителя Обрама Иванова сына Померекина, что он по вышеписанных отставных каменщиков Макара Егорова сына Окулова и сына ево Алексея, по Луке Федорове сыне Питиримове ручался против сей записи писано выше сего, в том по ево прошению руку // [Л. 11 об.] приложил. Свидетели: Вятской правинцыальной канцелярии пищик Макар Александров сын Протопопов при писме сей записи свидетелем был и руку приложил, хлыновец Иван Иванов сын Лихачев при писме сей записи свидетелем был и руку приложил, города Котельнича житель Антон Григорьев сын Зырин при писме сей записи свидетелем был, в том и руку приложил, Вятской правинцыальной канцелярии копеист Иван Григорьев сын Кунаев при письме сей записи свидетелем был и руку приложил. Писал и записал писец Михайло Свечников. Пошлин рубль пятьдесят копеек, от писма десять копеек, от записки десять копеек, за страницу десять копеек, на расход три четверти копейки. Взято. Принял и совершил надсмотрщик Федор Куртеев.

Декабря 22 дня к сей записке хлыновец Феокист Иванов сын Тюфяков вместо отставных каменщиков Макара Егорова сына Окулова и сына ево Алексея да Луки Федорова сына Питиримова по их велению руку приложил, а подлинную запись они к себе того ж числа.

К сей записке секретарь Аверкий Перминов подписуюсь.

Оная запись состоялась и отдана безспорно, Ипат Полянский.

Оригинал: РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2210. Л. 10–11 об. Писарская копия.

Иоанн Кронштадтский в Вятском крае: новые данные из архивных источников

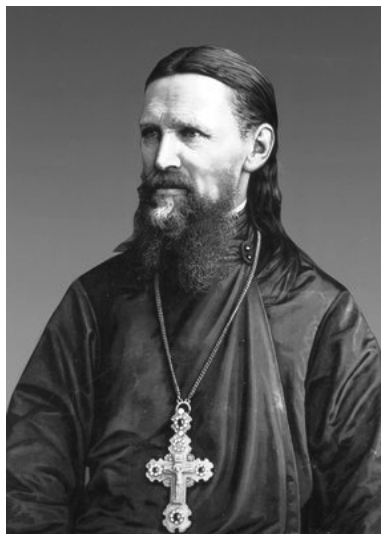
М. А. Орлов

«Наша Вятка вдруг и глубоко всколыхнулась 16 июня», – писал известный автор о посещении г. Вятки протоиереем кронштадтского Андреевского собора Иоанном (Сергиевым)¹. В начале XX в. Иоанн Кронштадтский стал одним из наиболее популярных священников

в народе. Писатель В. Розанов отмечал, что в России люди в лице Иоанна Кронштадтского увидели подлинную «религию на земле», осознали, что дар «помогающей, исцеляющей молитвы» не есть только «глухая легенда» христианства, но реальность повседневной жизни². П. В. Басинский отмечает, что популярность Иоанна Кронштадтского превзошла популярность Л. Н. Толстого³. Фигура такого масштаба, как Иоанн Кронштадтский, не может не привлекать к себе внимания, особенно когда речь идет о посещении провинциального города. Юбилей Вятской ученой архивной комиссии дает прекрасный повод к публикации новых материалов, связанных с деятельностью Иоанна Кронштадтского в Вятской губернии.

Вопрос о посещении Иоанном Кронштадтским Вятской губернии поднимался в ряде работ. В 1999 г. вышла книга «Живые иконы. Святые и праведники Вятской земли», в которой использовались материалы «Вятских епархиальных ведомостей», воспоминания об о. Иоанне митрополита Нестора (Анисимова), И. К. Сурского. В книге говорится об участии о. Иоанна в богослужениях, посещении больных, установившихся контактах с людьми из г. Вятки и других мест губернии⁴. Помимо этого есть и другие работы о деятельности Иоанна Кронштадтского на Вятке⁵; можно отметить статью в «Вятском епархиальном вестнике»⁶ и брошюру «Душой я с Вами», в которой собраны известные материалы о посещении Иоанном Кронштадтским Вятской губернии в 1904 и 1907 гг.⁷

Авторы этих работ использовали опубликованные материалы, прежде всего периодические издания: «Вятский епархиальный вестник», «Вятский вестник», «Вятские губернские ведомости». Кроме того, исследователи ссылаются на воспоминания митрополита Нестора (Анисимова). Однако они не обращались к неопубликованным архивным материалам, хранящим-

*Иоанн Кронштадтский.
Литография, 1892 г.*

ся в Петербурге, где имеется множество писем и телеграмм на имя о. Иоанна. Среди отправителей писем были и жители Вятской губернии.

Иоанн Кронштадтский приезжал в Вятскую губернию два раза: в 1904 г. и в 1907 г. Первый приезд совпал с празднованием юбилея о. Иоанна (в 1904 г. ему исполнилось 75 лет). В 1905 г. о. Иоанн был только проездом через Вятку. На железнодорожной станции города пастырь благословил подходивший к его вагону народ, не выходя из поезда⁸. Второй приезд характеризовался значительным ухудшением здоровья кронштадтского пастыря, а также накаленной общественно-политической обстановкой вокруг него. Врачи советовали ему для сохранения здоровья оставить пастырскую деятельность, однако Иоанн Кронштадтский отказался, так как хотел ежедневно участвовать в богослужениях и причащаться. С 1905 г. Иоанн Кронштадтский из-за болезни редко выезжал из Кронштадта. Поэтому приезд в Вятку в 1907 г. должно расценивать как настоящий подвиг. О себе он в это время говорил: «Ветеран летами, но не дряхлый силами»⁹.

Вступление о. Иоанна в Союз Русского народа, пламенные речи в защиту исторического самодержавия возбудили негативные реплики либералов и революционеров против него. Во время революционных событий 1905 г. Иоанн Кронштадтский получил удар от студента, в результате которого он плохо стал слышать¹⁰. С другой стороны, консервативные общественные элементы увидели в о. Иоанне фигуру, которая своим авторитетом может укрепить существовавший государственный строй. К нему стало поступать множество телеграмм, в которых правые слои населения звали продолжить защищать самодержавие. Были письма и из Вятской губернии.

В г. Вятке о. Иоанн участвовал в богослужениях, посещал различные общественные организации, в частности Вятскую епархиальную библиотеку. Кроме г. Вятки, о. Иоанн был в г. Сарапуле, где в то время vikarным епископом служил Михей (Алексеев). По его желанию Иоанн Кронштадтский провел беседу с местным духовенством¹¹.

Приезд Иоанна Кронштадтского в Вятскую губернию стал значимым событием для местных жителей. Большое впечатление произвело участие о. Иоанна в богослужениях, состоявшихся 17 и 18 июня 1904 г. Как и в других городах России, люди толпами стекались посмотреть на известного кронштадтского пастыря. В храме и на улицах г. Вятки «непроницаемой стеной стояли богомольцы»¹², «всюду от дома к дому, из конца в конец города за коляской о. Иоанна спешили толпы народа»¹³.

Молитвы, вознесенные в Александро-Невском соборе г. Вятки, произвели глубокое впечатление на местных жителей¹⁴.

У Иоанна Кронштадтского появилось много почитателей в Вятской губернии. Некоторые из них посылали ему письма и телеграммы. Эти письма сохранились в фонде Иоанна Сергиева, хранящегося в Центральном государственном архиве г. Санкт-Петербурга (Ф. 2219. ЦГИА СПб). Публикация писем производится впервые.

В деле под заглавием «Письма и телеграммы последователей И. И. Сергиева» имеется письмо духовного лица с именем Михаил. Оно адресовано о. Иоанну и датируется 10 марта 1904 г. Есть основания полагать, что это был епископ Сарапульский Михей (Алексеев). Предположение основывается на том, что в тексте письма автор просит о. Иоанна знать время его приезда в Сарапул, дабы в то время ему «не быть в отлучке по викариатству»¹⁵. Епископ Михей был также викарием вятского епископа. Именно он пригласил летом 1904 г. Иоанна Кронштадтского посетить Вятскую губернию.

Письмо начинается следующим образом: «Вы обещаете посетить меня в нашем небольшом городке Сарапул. Вы знаете по собственному опыту, как важна поддержка и совет человеку, да еще и для духовного в сани»¹⁶. Он называет о. Иоанна «народным отцом», говорит, что батюшка есть тот, кто «породил меня для духовной жизни», просит направить его «в служение Богу»¹⁷. Выражение «породил меня для духовной жизни» указывает на то, что Иоанн Кронштадтский направил его на путь священства. В 1870–1880-х гг., находясь на службе в морском ведомстве, Михаил Федорович Алексеев часто посещал службы о. Иоанна. Молодой офицер даже прислуживал в алтаре, когда службы вел о. Иоанн¹⁸. Именно под воздействием Иоанна Кронштадтского бывший офицер принял священнический сан.

Затем в письме приводится одно любопытное сообщение. Автор пишет, что для него известный композитор Петр Чайковский является «единственным человеком, с которым отвожу душу»¹⁹. Также есть упоминание о безымянном чиновнике, у которого «нет счастья в семейной жизни» и что этот чиновник просит о. Иоанна благословения взять приемыша. Письмо заканчивается просьбой не отказать ответом на письмо, так как о. Иоанн «дорог для нас» и что люди города «с верою взирают на Вас и прислушиваются к каждому Вашему слову»²⁰.

В этом же деле нами обнаружено письмо жительницы города Вятки Нины Поповой. В 1906 г. Н. П. Попова была в Кронштадте, где полу-

чила благословение о. Иоанна на устройство в Вятке общежития для слепых и храма при нем. При этом о. Иоанн пожертвовал на будущую церковь икону Божией Матери «Всех скорбящих радости»²¹.

В письме говорится о революционных событиях, происходивших в Вятке, в частности о покушении на Федора Ездакова. С именем Ф. Ездакова связана благотворительная деятельность в отношении слепых г. Вятки. В настоящее время на улице Преображенской сохранился принадлежавший ему дом (№ 39). Письмо публикуем полностью.

«Дорогой Батюшка, Отец Иоанн. Горячо и усердно просим Вас помолиться о сохранении жизни Федора Леонтьевича Ездакова. На него было совершено покушение. Он вместе с другими гражданами г. Вятки просил губернатора устроить на площади молебен и ход с портретом Государя. Во время хода возбужденная и ожесточенная толпа совершила убийства и разгром. Противоположная партия клеветает на Федора Леонтьевича будто бы он виновен в этом, но он не знал об этом... Помолитесь, дорогой Батюшка за него. Пишу это письмо от себя и от слепых, которые жалеют его, так как он намерен был устроить общежитие для... [слово не разборчиво. – М. О.] слепых и покупал уже землю для этого общежития. Да и, кроме того, он искренно твердо верующий и много добра делает вятским беднякам. Сердечно чтущая Вас Нина Попова»²².

Стоит заметить, что на имя Иоанна Кронштадтского часто посылались письма от монархистов. В годы революции о. Иоанн получал письма, в которых выражалось беспокойство по поводу беспорядков и покушений на традиционные устои. Некоторые сокрушались, что «крамольники попирают все, что нам, верующим, дорого, а именно поносят св. иконы, кричат, что Бога нет, издеваются над портретом нашего возлюбленного Царя»²³. В другом письме читаем: «Мы все исконно русские люди должны сплотиться и встать как один все на борьбу с проклятыми крамольниками и врагами батюшки Царя»²⁴. Подобных писем в фонде Иоанна Кронштадтского много. Они показывают, что о. Иоанн воспринимался правой общественностью как оплот традиции и православной веры. И действительно, в проповедях, произнесенных в революционный 1905 г., о. Иоанн отмечал, что бастующие и революционеры имеют цель ниспровергнуть «установленный Богом монархический строй», распространить неуважение к авторитету власти, которая об Бога установлена²⁵.

В фонде Иоанна Сергиева имеется еще одно письмо от Нины Поповой. В деле № 18 под названием «Переписка разных черносотенных

и монархических обществ и союзов о зачислении И. И. Сергиева попечителем и действительным членом» Нина Попова передает о. Иоанну просьбу членов собрания комитета «Вятского Ремесленного Убежища слепых женщин» стать членом данного общества. Н. Попова отмечала, что общество находится под «покровительством императрицы Марии Федоровны». Члены общества «считали за великое счастье», чтобы о. Иоанн был зачислен в списки членов общества. Н. Попова также отметила, что попечителем общества стал Павел Петрович Клобуков²⁶. Стоит сказать, что вдовствующая императрица Мария Федоровна удостоила благодарностью «Вятский дамский кружок», оказывавший помощь раненым солдатам, пострадавшим в войне с Японией²⁷.

Надеемся, что данные документы послужат дальнейшему изучению истории взаимоотношений Иоанна Кронштадтского с жителями Вятской губернии, помогут расширить знания о личности самого кронштадтского пастыря, а также его деятельности на Вятской земле.

Примечания

¹ О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в г. Вятке // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 14, отд. неофиц. С. 811.

² РГИА. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

³ Басинский П. В. Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой : история одной вражды. Москва, 2013. С. 11.

⁴ Сергей Гомаюнов, священник, Маркелов А. Живые иконы. Святые и праведники Вятской земли. Киров, 1999. С. 51–56.

⁵ Очерки истории Вятской епархии (1657–2007) : 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. С. 278–280 ; Маркелов А. В. Чтимые иконы и святые в жизни общества 2-й половины XVII – начала XX в. (на примере Вятской епархии). Киров (Вятка), 2019. С. 265–267, 269, 325.

⁶ Семibrатов В. К. Друг Иоанна Кронштадтского // Вятский епархиальный вестник. 2023. Июнь (№ 6). С. 9.

⁷ Душой я с вами : сборник. Вятка (Киров), 2024. 28 с.

⁸ Хроника // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 13, отд. неофиц. С. 740.

⁹ Одинцов М. И. Иоанн Кронштадтский. Москва, 2014. С. 257.

¹⁰ Филипп Ильяшенко, священник, С. Л. Фирсов. Иоанн Кронштадтский // Православная энциклопедия. Т. 24. Москва., 2010. С. 362.

¹¹ Беседа отца Иоанна Кронштадтского с пастырями 21-го июня 1904 г. в г. Сарапуле // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 19, отд. неофиц. С. 1116–1125.

¹² О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в г. Вятке... С. 812.

¹³ Там же. С. 813–814.

¹⁴ Там же. С. 812.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 2219. Оп. 1. Д. 146. Л. 250.

¹⁶ Там же. Л. 250.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Одинцов М. И. Указ соч. С. 107.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 146. Л. 250.

²⁰ Там же. Л. 250 об.

²¹ Сергей Гамаюнов, свящ., А. Маркелов. Указ соч. С. 54.

²² ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14в. Л. 67–68.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 6.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об.

²⁵ Киценко Н. Святой нашего времени : отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. Москва, 2006. С. 303.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 18. Л. 57–57 об.

²⁷ Судовиков М. С. Губерния Вятская : исторические очерки. Киров, 2006. С. 20.

Виктор Васнецов и его старинные подруги из Вятки

Т. В. Малышева

На вятской земле родился один из знаменитых ее сынов – художник Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926). Во всем мире его называют самым русским художником, выразителем национальных идей в искусстве. Французы считали его «великим символистом», в 1902 г. наградили Васнецова орденом Почетного легиона, высшей наградой Французской Республики. Первые годы жизни он был тесно связан с родной землей. Юноша из священнической семьи решил стать художником. Но, даже уезжая на учебу в Академию художеств в Петербург или в Париж – «Мекку» всех художников, он возвращался в Вятку, пока не поселился окончательно в Москве. В молодые годы в Вятке Васнецов пребывал в среде «золотой» молодежи, искавшей свои идеалы в свободном выборе профессии, в романтических устремлениях.

В связи с разысканиями историко-краеведческого характера хотелось бы в первую очередь утвердить мысль о наличии вятского периода в творчестве В. М. Васнецова, который определяется тремя первыми десятилетиями жизни (1848–1872)¹. Следует также напомнить о неиз-

бежности влияния вятских реалий на формирование мировоззрения и творческого метода русского художника. Уже в Вятке окружение Васнецова составляли молодые нигилисты, искренние провинциалы-романтики, разночинцы просвещенного толка. Это были дети представителей духовенства, чиновничества, купечества и мещанства, передовые в своих взглядах, устремленные в будущее. Однако при идее устремленности к возвышенным идеалам вятское общество оставалось семьей, связанной и родственными и сословными узами, теплом человеческих отношений. В этой «семье», согласно местным исследователям Е. Д. Петряеву, А. Л. Мусихину, В. А. Любимову, Виктор Васнецов нашел свои первые женские модели. И мы можем проследить, как образы его подруг, войдя однажды в сознание художника, нашли отражение в творчестве московского периода, когда предтеча модерна и создатель русского стиля в искусстве вознамерился создать символы своей эпохи.

Сестры Мария и Анна Мышкины приехали в Вятку из Нолинска и остановились в доме бабушки на углу Владимирской и Копанской улиц. Они стали приятельницами братьев Васнецовых, будучи родственницами через Кибардиных или даже Легушевичей. Мышкины – известная священническая династия, существующая на Вятке с XV в. Вспомним известных на протяжении XX столетия и в наши дни братьев-писателей Катаевых Валентина и Евгения, авторов авантюрных произведений «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Их бабушка, вдова протоиерея Кафедрального собора Вятки Павла Павловна Катаева, в девичестве Мышкина, увезла своих сыновей в Одессу для поступления в Новороссийский Императорский университет. Когда у сына Петра родились ее внуки, бабушка подарила мальчикам книгу «Волшебный рог Оберона», которая разбудила в них поэтические души.

Дочери Егора Васильевича Мышкина из Нолинска тоже хотели получить образование, войти в новое общество и добивались этого. Анна училась в гимназии, знала музыку и давала уроки французского языка Аполлинарию Васнецову. Она устроилась работать в аптеке, лечила мнительного юношу, который конфузился и чувствовал уже влюбленность в заботливую девушку.

Мария Егоровна (1845–1923) много читала, ближе всех ей оказалась Добролюбов, а также Чернышевский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Она самостоятельно усваивала особенности языка литературного произведения, писала стихи, рассказы, повести. Все это рождалось в ее чуткой влюбчивой душе, но действительность отрезвляла. В 1868 г.

оканчивая Киевскую духовную академию, умер от чахотки первый возлюбленный Василий Романов. Виктор Васнецов был моложе ее и, хотя учился на последнем курсе Вятской духовной семинарии, нацеливался на поступление в Академию художеств.

Сделавший много открытий вятский краевед Евгений Дмитриевич Петряев нашел в нашем краеведческом музее наряду с авторским рисунком избушки живописный портрет из раннего творчества Васнецова. В портрете изображена Мария Мышкина-Селенкина. Несмотря на коротко стриженные волосы юной нигилистки, в ее глазах уже читается столько печали, боли и понимания жизни, что, кажется, она родилась васнецовской Аленушкой. Виктор Михайлович позднее говорил своему биографу: «Аленушка как будто давно жила в моей голове», – а критик Александр Николаевич Бенуа увидел в картине «Аленушка» символ самой России.

Мудрая Мария в 1867 г. вышла замуж за секретаря канцелярии губернатора Александра Николаевича Селенкина и первого сына назвала Виктором. Она не любила молодого человека, но надеялась на его уважение и любовь к ней. Весь 1871 г. Виктор жил на родине и просил присылать корреспонденцию для него на адрес Селенкиных. И еще отметим очень важный момент: Васнецов сделал первый набросок композиции «Богородица с младенцем» – Богородица и маленький Христос с поднятыми ручками – не по канону, а по жизни. Все исследователи творчества художника считают, что это его жена Александра Владимировна с ребенком, но купеческая дочка станет его женой только в 1877 г. и родит первую дочку Танечку. А Виктор Михайлович приедет в Вятку в последний раз и подарит Марии свой фотопортрет с надписью: «Сердечно почитаемой Марье Егоровне Селенкиной – В. Васнецов. 1914 г. 23 мая»².

Портрет хранил до самой смерти в 1944 г. Виктор Александрович Селенкин – педагог и писатель, вятский А. С. Макаренко. Виктор, Ольга, Сергей, Нина – родовые имена Селенкиных. Позднее появились в роду Исполатовы, Салтыковы, Маджидовы, Пестовы... В годы террора родные пропадали, не обо всех можно было говорить, а про выходцев из духовенства надежнее всего молчать. Но родословная составляется, обширный фотоархив сберегается, у кого-то проснется интерес.

Сейчас в нашем городе живет праправнучка провинциальной писательницы, Нина Николаевна Пестова, которой поэтическое чутье и родовое имя (Ниной звали дочь Селенкиной. – Т. М.) достались по наследству.

Недавно, получив фоторепродукцию портрета прабабушки, она ответила своими стихами:

*Благодарю за вечность и за миг,
За смерть разлук
И безрассудство встречи,
За нежное прикосновенье губ,
Ласкающих лицо мое и плечи.
Мучительно пьянящие глаза,
В счастливый плен забравшие когда-то,
Изгиб бровей творчества художника и голос –
Все, что свято,
И без чего прожить уже нельзя.
Я не хочу, чтоб кто-то нас судил.
Что было, все останется со мною.
Любила я, не ты меня любил,
Я заплачу, я дорогого стою³.*

Виктор Васнецов писал портреты только очень близких и родных ему людей. Психологические моменты, нюансы отношений модели и художника в портретах передаются незаметно, неброско, без экспрессии. В лица надо долго вглядываться и размышлять, ему очень важен внутренний мир человека. Это качество портретной живописи в лучших произведениях сохраняется на протяжении всего творчества.

Если младшая сестра Анна в графическом портрете Виктора Васнецова выглядит как истинная нигилистка, которая могла публично выступить против хозяина аптеки, назойливо добивавшегося ее внимания, то Мария, постигшая заботы материнства, вызывает скорее сострадание. Ее жертвенный облик, грустный взгляд, глаза, кажется, наполненные слезами, необыкновенно трогательны. Этот ранний живописный портрет молодой женщины настолько одухотворен, что может служить прообразом для многих васнецовских героинь. Когда Мария растила сына Виктора, Виктор Васнецов был очень близок семейству Селенкиных, художник сделал первый набросок карандашом композиции «Богоматерь с младенцем» 1871 г.⁴ В 1893 г., обведя ранний рисунок пером, Васнецов подарит его знаменитому коллекционеру И. Е. Цветкову. Младенец с воздетыми ручонками будет сопровождать все творчество Васнецова вплоть до 1920-х гг., когда он выполнит графический образ

богоматери с младенцем в подробном рисунке, находящемся в Государственной Третьяковской галерее.

«Да, я была бы счастлива, если б знала, что мое имя войдет в историю светлым, воодушевляющим», – в 1867 г. писала М. Е. Мышкина. Эти слова привел Е. Д. Петряев в качестве эпитафии к статье о первой вятской писательнице в книге «Живая память»⁵.

В. М. Васнецов видел в лицах своих одухотворенных героинь особый знак драматичной судьбы, а они, замеченные художником и воспетые, «воздвигали Васнецову памятник», как говорили современники, создавали славу художнику, обеспечивая бессмертие.

Примечания

¹ Малышева Т. В. Вятский период в творчестве братьев Васнецовых // Материалы. Исследования. Вятка (Киров), 1993. С. 28–41.

² Петряев Е. Д. Живая память. Москва, 1984. С. 201.

³ Малышева Т. В. Виктор Васнецов. Женские образы. На пути к символу // Кировский областной художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых. Материалы и исследования (2004–2008). Киров, 2009. С. 250–253.

⁴ Виктор Васнецов. Каталог выставки. Москва, 1990. С. 81–82.

⁵ Петряев Е. Д. Указ. соч. С. 218.

Уроженцы вятской деревни Купсолá А. Ф. Конаков и К. И. Иванов (Йыван Кырла)

В. Б. Помелов

Есть в Сернурском районе Республики Марий Эл деревня Купсолá, ведущая свое начало еще с XVIII в. Расположена она на съезде с автомобильной дороги Сернур – Советск, являющейся частью автотрассы Йошкар-Ола – Киров – Сыктывкар. Название ее происходит от слов «куп» – болото и «сола» – селение. Численность населения составляет 170 человек (по данным 2010 г.)¹. В досоветские годы марийская деревня Купсолá входила в состав Уржумского уезда Вятской губернии. В этой вятской деревне родились два человека, которым было суждено стать известными людьми, войти в историю.

Весной 1917 г. Вятский учительский институт сделал свой первый выпуск – были подготовлены 15 специалистов для работы в начальной

школе. Судьбы некоторых из них (Иван Георгиевич Пауткин, Макар Афанасьевич Чащин, Анатолий Иванович Кондаков, Владимир Александрович Петров) не раз становились предметом изучения со стороны автора данного материала, а их педагогическая деятельность, особенно Кондакова, характеризовалась в ряде наших публикаций – в монографиях² и статьях³. Что касается остальных выпускников, о них нам ничего не было известно. В предлагаемом материале нашли отражение результаты поиска в отношении еще одного выпускника Вятского учительского института 1917 года – Александра Федоровича Конакова. Оказывается, он, хотя и прожил до обидного короткую жизнь, оставил по себе добрую память, которая сохраняется до сих пор, причем не в Кировской области, а в Республике Марий Эл. Хотя, надо сказать, что по месту рождения А. Ф. Конаков все-таки вятский уроженец.

А. Ф. Конаков родился 9 (21) сентября 1887 г. в крестьянской семье. В 1904–1908 гг. он учился в Кукарской учительской семинарии, которая стала вторым в истории Вятской губернии учебным заведением по подготовке педагогических кадров⁴. Первым таким учебным заведением стало Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей», существовавшее много ранее, в 1872–1878 гг.⁵

Первым руководителем Кукарской семинарии был передовой педагог, статский советник Гурий Матвеевич Вишневский (1854 – ?), вошедший в историю российского образования как прогрессивный организатор и автор учебников для начальной школы, которые активно использовались по всей России. Особенно удачным в методическом отношении оказался его «Арифметический задачник для начальных училищ и приготовительных классов гимназий и реальных училищ», который быстро завоевал признание учителей и был переиздан 31 раз. В помощь учителям он выпускал учебные пособия, которые были рекомендованы Министерством просвещения к использованию⁶. Не случайно, среди выпускников семинарии первых лет было немало передовых деятелей, имена которых вошли не только в региональную историю, но стали известны повсеместно. Например, к числу таких деятелей относился один из самых известных библиотекосоведов СССР в 1930–1960-е гг. Федор Иванович Каратыгин⁷, а также один из руководителей Вятского пединститута начала 1920-х гг. Степан Акимович Альпов⁸.

В течение шести лет А. Ф. Конаков работал учителем в Конганурском двухклассном училище, открывшемся в 1895 г. на средства Уржум-

ского уездного земства (ныне территория Кузюнерского района Республики Марий Эл). В 1914 г. в Вятке открылся учительский институт⁹, и у Александра возникло стремление стать его «воспитанником» (таким было официальное наименование обучающихся в учительских институтах). В первый год работы института прием осуществлялся по собеседованию, причем предпочтение отдавалось сельским учителям-стажистам, причем принимали исключительно мужчин. У Конакова как раз был к тому времени уже значительный педагогический стаж, причем в отдаленной сельской многонациональной школе, поэтому его включили в число принятых.

К сожалению, А. Ф. Конаков не оставил воспоминаний о годах учебы в Вятке. Поэтому об обстановке, царившей в этом учебном заведении, мы имеем возможность судить, главным образом, по записям, оставленным А. И. Кондаковым, учившимся в одной группе с А. Ф. Конаковым¹⁰. Также А. И. Кондаков оставил воспоминания о первом директоре института А. М. фон-Вилькене, на наш взгляд, чересчур субъективные¹¹.

С появлением в 1915 г. первой газеты на марийском языке «Война увер» («Военные новости»), организатором издания и редактором которой был известный просветитель нерусских народов Среднего Поволжья Павел Петрович Глезденев¹², публицистические заметки Конакова регулярно выходили на ее страницах.

Весной 1917 г. состоялся первый выпуск Вятского учительского института¹³. Он состоял всего из 15-ти человек. По окончании института Конакову не пришлось работать в школе. Как он этого хотел, поскольку он был отправлен, как лицо, имеющее образование, на офицерские курсы, и спустя несколько месяцев был мобилизован в звании прапорщика в действующую армию. Но уже весной 1918 г. империалистическая война завершилась и Александр, демобилизовавшись, вернулся к учительской работе в школе в волостном селе Ронга Царевококшайского уезда Казанской губернии. Вскоре он перевелся в Царевококшайскую учительскую семинарию преподавателем естествознания и химии. Здесь вместе с Иваном Степановичем Ключниковым-Палантаем (1886–1926), первым марийским композитором, он организовал первый марийский профессиональный хор.

В мае 1919 г. Конаков стал курсантом Приволжских военно-хозяйственных курсов, располагавшихся в Казани. С 1920 г. до конца жизни он служил военкомом Сернурского кантона (района); по совместительству преподавал на педагогических курсах.

А. Ф. Конаков стал организатором проведения 27 мая 1920 г. в Сернуре первого праздника Йошкар пеледыш пайрем («Красный праздник цветов»), который с тех пор стал одним из любимых праздников марийского народа, проводится ежегодно и с большим размахом до сих пор. Изначально созданный как советский праздник, призванный сменить традиционные религиозные праздники, сегодня он символизирует весенне-летнее возрождение природы и служит воспитанию патриотизма подрастающего поколения к малой Родине. В настоящее время он отмечается в третью субботу июня. При этом организаторы праздника не забывают организатора первого такого празднества – А. Ф. Конакова.

Начиная с 1908 г., А. Ф. Конаков стремился проявить себя в литературе. Он писал рассказы и стихи, но в историю марийской литературы вошел, прежде всего, как самобытный драматург-просветитель. Его пьесы «Поран» («Буря»)¹⁴ и «Тулык ўдыр» («Сиротка»)¹⁵ были изданы отдельными книгами в Казани. Всего им создано более десяти пьес. По ним ставились спектакли на сценах марийских сельских клубов. Постановкой пьесы «Сиротка» открыл свою работу первый профессиональный марийский драматический театр (1920). Тогда он назывался Марийский передвижной театр, ныне это Марийский национальный театр имени М. Шкетана. Сборники пьес Конакова неоднократно переиздавались и в последующие десятилетия, что подчеркивает их значимость и актуальность¹⁶.

А. Ф. Конаков умер 17 февраля 1922 г. в Сернуре после болезни. Имя одного из первых выпускников Вятского учительского института не забыто. В 1957 г. его именем названа улица в Йошкар-Оле. С 1992 г. имя Конакова носит Сернурский музейно-выставочный комплекс. В сентябре 2019 г. в деревне Кукнур Сернурского района Республики Марий Эл появился памятник А. Ф. Конакову; его бюсты установлены в Сернуре и в деревне Купсолá. Имя замечательного сына марийского народа А. Ф. Конакова включено в авторитетные справочники и энциклопедии¹⁷.

Едва ли найдется в нашей стране человек, который бы никогда не слышал выражения «ловкость рук и никакого мошенства». Причем, именно так, – «мошенства». И многие, конечно, уверены в том, что это ни что иное как, своего рода, «народная мудрость». На самом деле, хорошо известен не только «автор» этой присказки, но и время ее «рождения»...

В 1930 г. на московской киностудии «Межрабпомфильм» – предшественнице «Мосфильма» – режиссер Николай Владимирович Эрк (1902–1976) ставил первый советский звуковой художественный фильм

«Путевка в жизнь», который рассказывал о перевоспитании беспризорных подростков в 1920-е гг. В основу сюжета был положен опыт подмосковной Болшевской трудовой коммуны имени Г. Г. Ягоды. Коммуна приобрела в те годы широкую известность благодаря, прежде всего, ее замечательному директору Матвею Самойловичу Погребинскому (1895–1937). Ему удалось найти к беспризорным подросткам нужный подход и увлечь их идеями учебы и общественно-полезного производственного труда.

В фильме показан весь процесс перевоспитания бывших «антиобщественных элементов», постепенно становившихся полезными членами общества. «Материальный» результат трудовых усилий подростков это частично сохранившаяся вплоть до наших дней железнодорожная узкоколейка, но главное заключалось, разумеется, в другом, а именно, как было принято выражаться в то время, в «перековке человеческого материала».

Премьера фильма состоялась 1 июня 1931 г. в Большом зале Московской консерватории. Фильм получил мировую известность и был показан в 107 странах мира. Роль директора коммуны исполнил замечательный актер Н. П. Баталов (1899–1937), родной дядя всем хорошо известного народного артиста СССР Алексея Владимировича Баталова (1928–2017). К сожалению, жизнь Николая Петровича оборвалась слишком рано из-за развившегося туберкулеза. Высоко ценивший актера И. В. Сталин даже отправлял его на лечение в Италию и на польский курорт Закопане. Роль главаря банды Жигана сыграл М. И. Жаров. В сцене воровской «малины» задействованы в будущем знаменитые актрисы Гликерия Богданова-Чеснокова и Рина Зеленая, в ролях беспризорников – Георгий Жженев и Николай Романов («шеф» из «Бриллиантовой руки»). Текст за кадром читал сам Василий Иванович Качалов. Фильм оказался настолько удачным, что его дважды восстанавливали (1957, 1977); уже в наши дни он был оцифрован и продавался на компакт-дисках.

Самой яркой звездой фильма стал доселе никому не известный юноша, мариец по национальности, Кирилл Иванов. Он исполнил роль беспризорника Мустафы. Именно по ходу съемок фильма и рождались у талантливого парня забавные выражения, вроде «Яблочка хотца» и т. п. Такое заранее в сценарии не пропишешь!

Актер театра и кино, национальный марийский поэт Йыван Кырла (настоящее имя – Кирилл Иванович Иванов) родился 17 марта 1909 г. в бедной крестьянской семье.

Й. Кырла. 1930 г.

К. И. Иванов называл себя на марийский манер «Йыван Кырла», что в переводе с марийского языка означает «Кырла, сын Йывана» (по-русски – «Кирилл, сын Ивана»). При жизни Кирилла и длительное время после его смерти псевдоним писали именно в этой форме – Йыван Кырла. Написание «Кырля» (через я) впервые появилось в 1957 г. в сборнике его стихов «Шочмо кече» («День рождения»), и на длительное время утвердилось именно в этой форме. В 2009 г., в год столетия Йывана, когда общественность Республики Марий Эл широко отметила его юбилей, был решен и вопрос о том, что впредь

следует писать его псевдоним так, как он сам себя называл, а именно – Йыван Кырла¹⁸. Тем не менее в марте 2009 г., несколько раньше вышеуказанного решения, Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл в честь столетия со дня рождения поэта и артиста была учреждена памятная медаль, надпись на которой произведена через «я», – «Йыван Кырля 1909–2009»¹⁹. Двойное написание мы сохранили в списке литературы.

Детство мальчика было типичным для деревенских детей его поколения. Отец, Иван Семенович, был убит кулаками за активное участие в работе комбеда (комитета бедноты); мать Матрена Якимовна осталась с тремя детьми. Йыван провел детство в деревне: пастушил, батрачил, даже просил милостыню, бродя от деревни к деревне. Окончил школу I ступени в соседнем селе Марисола, продолжил учебу в Сернурской школе II ступени.

Осенью 1926 г. по путевке Сернурского райкома (канткома) комсомола Марийской автономной области* он был направлен на учебу на марийское отделение рабфака при Казанском университете. У него проявился интерес к искусству. Ни один творческий студенческий вечер не обходился без его участия. Пытливый юноша изучал творчество сов-

* В Марийской автономной области районы назывались кантонами. Отсюда вместо районного комитета, райкома – кантональный комитет, кантком.

ременных поэтов, читал со сцены их произведения. В 1929 г. он получил направление на актерское отделение Государственного техникума кинематографии. И здесь в его жизни случился крутой поворот: он был приглашен для участия в массовых сценах на съемках фильма «Путевка в жизнь». На рабочем просмотре первого же эпизода фильма молодой актер был выбран режиссером на роль вожака беспризорников Мустафы по кличке «Ферт», то есть получил главную роль. Одновременно с учебой в техникуме Йыван Кырла около двух лет снимался в этом фильме.

По окончании кинотехникума он принял участие в съемках фильма режиссера Евгения Алексеевича Иванова-Баркова (1892–1965) «Наместник Будды» (1935), съемки которого проходили в Ялте. Здесь Кырла играл также одну из ключевых ролей – роль ламы, олицетворявшего «старые порядки» и возглавившего сопротивление молодой советской власти.

По политическим соображениям фильм не был допущен к прокату. По мнению участников съемок, молодой актер был настолько убедителен в роли идеолога басмачей, что невольно стал бы перетягивать на себя симпатии зрителей. Другой молодой актер, бурят по национальности, Николай Дылгиров также, как и Йыван, ярко сыграл роль хуварака, то есть послушника буддийского монастыря, ученика ламы, что его портрет даже пронесли местные жители во время первомайской демонстрации в Ялте. Местные власти подумали, что это какой-то монгольский или бурятский руководитель и поэтому не стали возражать. Участники съемок с нетерпением ждали выхода фильма на большой экран, но премьера затягивалась. В 1936 г. начался процесс по троцкистско-зиновьевскому делу и борьба с «врагами народа» вышла на первый план. Любое упоминание о буддизме каралось, и показ фильма в кинотеатрах страны стал невозможен²⁰. На этом кинематографическая карьера Йывана закончилась. Невыход снятого фильма Йыван Кырла воспринял как своего рода сигнал к возвращению в родной край. В начале 1937 г. он переехал в Йошкар-Олу и стал артистом Марийского государственного драматического театра (ныне Академический русский театр драмы имени Георгия Константинова), играл в спектаклях «Любовь Яровая», «Дубровский» и др.

Йыван Кырла известен и как поэт. Его стихи печатались в газете «Марий ял» («Марийская деревня»), издававшейся в Москве на рубеже 1920–1930-х гг. При жизни поэта вышли три книги (в Москве, на марийском языке). Он дружил с национальным татарским поэтом,

а в годы Великой Отечественной войны военным корреспондентом Мусой Мустафовичем Джалилем (1906–1944), замученным в берлинской тюрьме Плетцензее. В январе 1937 г. Йыван стал кандидатом в члены Союза писателей СССР. Принимал активное участие в общественной и литературной жизни родного края, в работе марийского представительства при ВЦИК СССР и землячества марийских студентов Москвы.

Дальнейшая жизнь Йывана Кырлы сложилась трагично. 18 апреля 1937 г. он затеял ссору в ресторане «Онар»* в Йошкар-Оле, и спустя пять дней был арестован. 13 августа 1937 г. он был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. О последних годах актера и поэта мало что известно. По словам актера М. И. Жарова (1899–1981), он слышал, что Кырла погиб на фронте²¹. Композитор С. А. Кац (1908–1984) вспоминал, что разговаривал с ним в Москве в 1941 г.²² По официальным данным, Йыван Кырла умер 3 июня 1943 г. на Турьинских рудниках, близ г. Карпинск Свердловской области. Посмертно реабилитирован в 1956 г.²³

Трагически закончилась и жизнь руководителя Болшевской коммуны. Весной 1937 г. после снятия с должности и ареста Ягоды подверглись гонениям и многие его ближайшие друзья и подопечные, среди которых оказались М. С. Погребинский и вся Болшевская коммуна. Узнав об аресте Ягоды, и ожидая неминуемого собственного ареста, по официальным сведениям, 4 апреля 1937 г. М. С. Погребинский застрелился.

Имя замечательного поэта и артиста Йывана Кырлы помнят в России и особенно, конечно, в Республике Марий Эл. Его именем в марте 1969 г. названа улица в Йошкар-Оле. 2 ноября 2009 г., в год столетия со дня его рождения, на Привокзальной площади Йошкар-Олы был открыт памятник, где артист изображен в образе своего кинематографического героя Мустафы, принесшего ему славу. В поселке Марисола установлен бюст у здания новой средней школы (1993), а на здании старой школы, в которой он учился, установлена мемориальная доска (1974). В родной деревне Купсолá в 2009 г. установлен памятник. В Йошкар-Оле и Сернуре была проведена региональная научно-практическая конференция «Йыван Кырла лудмаш»²⁴. Одна из частей поэмы народного поэта Марийской АССР Г. И. Матюковского (1926–1994) «Три сына» посвящена Йывану Кырла²⁵.

* Гостиница «Онар» существует и сейчас. «Онар» на марийском языке означает богатырь, великан.

Стихи Йывана издавались на марийском, венгерском, чувашском и русском языках как при жизни поэта, так и позднее, уже после его реабилитации²⁶. О нем сохранились воспоминания известных современников²⁷. Периодически, в основном, к юбилейным датам, выходят публикации, раскрывающие облик поэта и артиста, сына марийского народа, уроженца Вятской губернии²⁸.

Примечания

¹ Деревня Купсолá // Сернурский район. Йошкар-Ола, 2006. С. 146–147.

² Помелов В. Б. Тенденции развития российского образования первой половины XX в. : монография. Киров : Изд-во ВятГУ, 2020. 187 с. ; Помелов В. Б. У истоков высшего образования на Вятке : монография. Киров: Изд-во ВятГУ, 2019. 215 с.

³ Помелов В. Б. «Вятский Макаренко» Анатолий Иванович Кондаков // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 1. С. 23–35 ; Помелов В. Б. Школьные коммуны и школьные городки в 1920-е гг. : К 100-летию создания // Историко-педагогический журнал. 2018. № 4. С. 128–150.

⁴ Помелов В. Б. Кукарское (Советское) учительское училище – первая кузница педагогических кадров в Вятском крае. К 110-летию со времени основания учебного заведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 67–73.

⁵ Помелов В. Б. Вятская земская учительская семинария // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : мат-лы научно-практ. конф. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2007. С. 106–112.

⁶ Вишневикий Г. М. Записки по методике элементарной арифметики. Казань, 1890. 152 с.

⁷ Помелов В. Б. Ф. И. Каратыгин: видный деятель библиотечного дела // Вятская книга в год литературы 2015 : сб. статей и мат-лов / сост. Н. В. Стрельникова. Киров, 2016. С. 93–97.

⁸ Помелов В. Б. У истоков высшего образования на Вятке : монография. Киров, 2019. С. 69.

⁹ Помелов В. Б. Открытие Вятского учительского института // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 123–130.

¹⁰ Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. С. 7.

¹¹ Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен: первый директор // Развитие общественной мысли в России: современный и исторический аспекты : мат-лы научно-теор. конф. 11.04.2009 г. / сост.: А. М. Прокашев. Киров, 2009. С. 51.

¹² Помелов В. Б. Просветительская деятельность вятского епархиального миссионера П. П. Глезденева // Вятский исторический сборник. Год 2015-й : труды научно-исследовательского центра регионоведения / гл. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2015. С. 169–182.

¹³ Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен – первый директор Вятского учительского института // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. мат-лов VII всерос. научно-практ. конф. : ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. В 2 т. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. Т. 1. С. 11–21.

¹⁴ Конаков А. Ф. Поран : драма [Буран: драма]. Казань, 1919. 20 с.

¹⁵ Конаков А. Ф. Тулык ұдыр: [Сиротка: драма]. Казань, 1919. 24 с.

¹⁶ Конаков А. Ф. Пьеса-шамыч [Пьесы]. Йошкар-Ола, 1950. 168 с.

¹⁷ Александров А. М., Беспалова Г. Е., Васин К. К. А. Конаков // Писатели Марийской АССР : библиограф. справочник. Йошкар-Ола, 1988. С. 140–142 ; Зайниев Г. З., Мочаев В. А. Конаков Александр Федорович // Марийская биографическая энциклопедия / авт.-сост. В. А. Мочаев. 2-е изд. Йошкар-Ола, 2017. С. 212.

¹⁸ Шиляев М. Кырла але Кырля (Кырла или Кырля) // Марий Эл (газета). 2009. 23 янв.

¹⁹ Памятная медаль «Йыван Кырля 1909–2009». URL: <https://mincult12.ru/ratuyatnaya-medal-juvan-kyglya-1909-2009>.

²⁰ Идыгов Алексей. «Наместник Будды». Фильм, который не вышел в прокат // Московский комсомолец в Бурятии. 2012. 15 февр.

²¹ Жаров М. И. «Путевка в жизнь» : Мустафа // Жаров М. И. Жизнь. Театр. Кино. Москва, 1967. С. 288–295.

²² Кац С. Память и музыка : (Воспоминания о встречах с В. Маяковским, М. Джалилем) // Юность. 1977. № 8. С. 75–78.

²³ Йыван Кырля. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Йыван_Кырля (дата обращения: 28.02.2024).

²⁴ Йыван Кырля – киноактер, поэт, гражданин : мат-лы I республ. научно-практ. конф. «Йыван Кырля лудмаш». Сернур, 17 марта 2009 г. Йошкар-Ола, 2010. С. 12.

²⁵ Матюковский Г. И. Три сына. Йошкар-Ола. 1974. 88 с.

²⁶ Кырля Йыван. День рождения : Стихи. Горьковская коммуна. 1934. 18 июня; Матюковский Г. И. Три сына. Йошкар-Ола. 1974. 88 с.

²⁷ Васин К. Поэт, артист Йыван Кырля. Йошкар-Ола, 1969. 19 с. ; Железнов П. Знаменитый Кырля // Огонек. 1965. № 40. С. 29; Исиметов М. Йыван Кырля – актер и поэт // Советское кино. 1965. 12 июня ; Ток А. Талантливый актер и поэт // А. Н. Ток. Незабываемые годы молодости : Воспоминания. Йошкар-Ола, 1970. С. 32–38.

²⁸ Казанли О. Тот, из «Путевки в жизнь» // Советская Россия. 1974. 24 мая ; Сануков К. Н. Из истории Марий Эл : Трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола, 2000. 196 с. ; Сануков К. Н. Йыван Кырля : «Путевка в жизнь» и «путевка»... в смерть // Наши земляки : пути и судьбы. Йошкар-Ола, 2011. С. 259–265 ; Швырев Ю., Волоцкий М. Наш первый звуковой. К 60-летию советского кино // Юность. 1979. № 8. С. 73–78.

Александр Иванович Соловьев – ученый и педагог из Вятских Полян

Н. Г. Староверова

«Всюду мне пришлось побывать – в саваннах, пустынях, в джунглях, на высоких горах, наблюдать редчайшие по красоте озера и реки, горы и долины, но нигде не видел я ничего милее нашей среднерусской природы и нашей родной Вятки. Любите свой край, изучайте его, берегите свою землю...»

А. И. Соловьев. 1977 г.

Профессор, доктор географических наук Александр Иванович Соловьев (6 августа 1907 г. – 27 февраля 1983 г.) – известный советский ученый. Окончил географическое отделение Московского государственного университета (1931), кандидат географических наук (1937), доктор географических наук (1955), профессор (1964); заведующий кафедрой физической географии СССР (1939–1949); заведующий кабинетом истории географии (1949–1962) географического факультета. Работал в МГУ с 1931 по 1983 г. Член-корреспондент АПН РСФСР (1950), член-корреспондент отделения дидактики и частных методик АПН СССР (1968).

В экспозиционном зале Вятскополянского исторического музея представлены фотографии уроженцев Вятских Полян, прославивших свою малую Родину. Среди них размещен портрет ученого-географа Александра Ивановича Соловьева, известного своей научной, педагогической и общественной деятельностью. В фондах исторического музея хранятся несколько его личных фотографий и написанные им книги, переданные в музей друзьями-краеведами Александра Ивановича. Некоторые книги содержат дарственные надписи. Из них стало известно о крепкой дружбе, связанной с любовью к малой Родине, с Павлом Петровичем Бяковым – директором открывшегося в 1967 г. музея в г. Вятские Поляны. Александр Иванович всегда навещал своих друзей-краеведов в музее, когда приезжал в родные Вятские Поляны. В музейной научной библиотеке имеется небольшая подшивка с материалами об А. И. Соловьеве. В ней собраны его интервью, заметки и статьи из местной газеты, и самое ценное – лично записанные им воспоминания

«Нам открыла дорогу Советская власть». Эти воспоминания о детстве и юности, о родителях, школе и учителях были записаны для ветеранской стенгазеты «Пенсионер». Благодаря этим воспоминаниям удалось восстановить подлинную историю детства и юности Александра Ивановича, наполненную событиями дореволюционной и советской эпохи.

Александр Иванович Соловьев родился в селе Вятские Поляны Малмыжского уезда Вятской губернии. Это большое торговое село на правом берегу р. Вятки располагалось вдоль Вятско-Уфимского и Елабужского почтового тракта и благодаря удачному географическому расположению было одним из центров предпринимательства и логистики в Малмыжском уезде. В селе находилась самая южная на реке пассажирская и грузовая пристань, в 1912 г. была построена железная дорога, а в 1916 г. – железнодорожный мост через реку Вятку. Развитие транспортной инфраструктуры дало новый толчок развитию Вятских Полян и расширило род деятельности местных жителей.

А. И. Соловьев родился в семье крестьянина. Одноэтажный каменный дом, в котором жила семья, находился по адресу ул. Ленина, д. 76, на перекрестке с ул. Пристанской (ныне не сохранился)¹. Дед ученого был земледельцем, а отец, Иван Васильевич Соловьев, занимался разными ремеслами². Вот как об этом вспоминал сам Александр Иванович: «Отец мой мало занимался сельским хозяйством. Его тянуло к ремеслам – то он был столяром и плотником, то стал слесарем и работал на прокладке водопровода, потом освоил парикмахерское дело, в годы Первой мировой войны у живших в селе пленных австрийцев обучился фотографии, потом увлекся идеей устройства в селе кинематографа. Он всегда что-нибудь организовывал...»³.

О своей матери ученый писал: «Она всегда была занята каким-нибудь трудом с раннего утра до позднего вечера. Все хозяйство, домашние дела, воспитание детей – лежали на матери. А детей было немало – пять сыновей и две дочери (трое из которых умерли в малом возрасте). Воспитание в семье было простое – дети были предоставлены сами себе. Но с 6–7 лет они привлекались к труду, особенно летом. Зимой – школа. И тут мать оказалась очень требовательной к исполнению уроков. Будучи сама безграмотной, она любила слушать, заставляя детей читать вслух, особенно о том, “где и как люди живут”»⁴. Эти воспоминания позволяют сделать вывод, что именно от своих родителей будущий исследователь унаследовал пылливый ум, трудолюбие и тягу ко всему новому и неизведанному, а они привели его к новым открытиям.

Еще в 1903 г., под влиянием ссыльных поляков, отец будущего ученого увлекся революционной деятельностью. В 1916 г. его арестовали и выслали как политически неблагонадежного. Он вернулся после Февральской революции, в 1917 г.⁵ В 1922 г. болезнь оборвала жизнь отца, и семье пришлось очень трудно, но мать настояла, чтобы пятнадцатилетний Александр продолжил учиться. Вплоть до окончания школы (в 1925 г.) юноша усиленно изучал обществоведение и активно участвовал в общественной жизни родного села. Будучи активистом, молодой человек часто в составе агитгрупп выезжал в окрестные деревни с кинопередвижкой, сопровождая кинофильмы докладами на политические темы и художественной самодеятельностью.

Большую роль в становлении А. И. Соловьева как человека и ученого сыграла школа. Учился он у людей увлеченных, преданных делу воспитания. Особенно глубокий след в памяти Александра Ивановича оставил учитель естествознания В. И. Овчинников, в любое время года водивший детей на экскурсии и прививший им любовь к природе. Инженер-путеец Ю. Е. Белоцерковский преподавал математику творчески и вдохновенно, увлекая своей влюбленностью в науку и своих воспитанников. Учитель рисования В. И. Галанин учил детей понимать подлинное искусство, часто водил их на этюды. Запомнилась ему и учительница начальных классов Л. Н. Васильева⁶. В 1924 г. Александр Иванович стал комсомольцем, а вскоре – секретарем комсомольской организации. Об этом времени он вспоминал: «...школа вдохнула в нас стремление к знаниям, комсомол направил эти знания на непосредственную связь с жизнью, на работу среди населения»⁷.

После окончания школы Александр Иванович был направлен на курсы счетных работников потребительской кооперации в г. Малмыж, а в 1926 г. – на курсы инструкторов по культурно-массовой работе и организации книготорговли в системе кооперации в г. Москву⁸. Затем была работа в системе Южно-Вятского союза потребительских обществ по организации книготорговли и культурно-массовой работы. Тогда же Александра избрали членом сельского совета и бюро сельской ячейки ВЛКСМ. Работа была увлекательной и интересной, но Александру все же очень хотелось учиться дальше, как многие его одноклассники. В 1927 г. от волостного комитета комсомола и сельсовета Александр получает направление на поступление в московский вуз.

О том, как сбывалась мечта, спустя годы Александр Иванович вспоминал: «Страшновато было, особенно перед конкурсными экзаменами.

Да и средств не было в столь дальнюю поездку. К моему удивлению, у матери средства нашлись. Напрягши все силы – экзамены сдал. По сочинению и обществоведению получил высшие оценки. <...> Летом 1928 года после практики я приехал в В[ятские] Поляны, участвовал в организации колхоза им. Ворошилова, и узнал, что учиться то я поехал на средства, собранные учителями моей родной школы, в тайне от меня переданные матери...»⁹.

Интерес к окружающему миру, стремление познать природу, увидеть и описать ближние и дальние страны определили поступление Александра Ивановича на физико-математический факультет Московского университета в 1927 г., который он окончил в 1931 г. по специальности «География». Обучение в университете под руководством профессора А. А. Борзова определило интерес А. И. Соловьева к комплексным проблемам географии, ее истории, преподаванию, которыми он занимался всю последующую жизнь. В стенах университета он слушал выступления видных деятелей, писателей, артистов. Лекции там тогда читали многие ученые с мировым именем – В. И. Вернадский, А. Д. Архангельский, В. А. Обручев. Экономическую географию преподавал профессор Н. Н. Баранский¹⁰.

Работа в Московском университете началась сразу же после окончания обучения и непрерывно продолжалась до его кончины. А. И. Соловьев прошел путь ассистента и аспиранта кафедры географии (1931–1935 гг.), доцента этой кафедры (1936–1938 гг.), заведующего кафедрой физической географии СССР (1938–1949 гг.), заведующего кабинетом истории географии (1949–1962 гг.). С 1963 г. являлся профессором кафедры физической географии СССР¹¹.

Параллельно с деятельностью в Московском университете Александр Иванович преподавал в московских городском и областном педагогических институтах, Институте красной профессуры, Институте мирового хозяйства и мировой политики, где читал ряд географических курсов. В 1936–1947 гг. он работал также в Институте географии АН СССР (старший научный сотрудник), в 1948–1951 гг. – в Государственном издательстве географической литературы (главный редактор), в 1951–1956 гг. – в Институте методов обучения Академии педагогических наук СССР (директор). В 1950 г. он избирается членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Еще будучи студентом, с первого курса Александр Иванович участвовал в геологических и географических экспедициях. Сначала это

были полевые исследования в Баренцевом и Карском морях, потом – в бассейне р. Пенжины. Экспедицию на эту малоисследованную реку в 1930 г. будущий ученый запомнил навсегда: «На третьем курсе меня назначили начальником комплексной экспедиции. Она была очень трудная. Шлюпки с продовольствием, инструментом и всем снаряжением приходилось тянуть бечевой. Бывали и аварии. Приходилось жить впроголодь. Но вместе с тем мы встречались с очень интересными людьми, жителями селения Пенжина. Их имена были русскими – Иван, Степан, Василиса, Матрена, а говорили они на непонятном языке, в котором были чукотские, корякские и камчадалские слова. Их внешний вид говорил, что они русские люди. Оказалось, что они потомки первых русских землепроходцев, побывавших здесь в конце XVII века»¹².

Долгие годы А. И. Соловьев изучал Урал, и глубокие знания позволили ему написать работы по изучению этой территории. К данной теме он обратился одним из первых, вовлек в научный оборот итоги исследований членов уральских научных обществ. Принимал активное участие в экспедиции, решавшей задачу обеспечения водными ресурсами Магнитогорского комбината и многих других экспедициях (Карпаты, Кавказ, Тянь-Шань, Средняя Азия), побывал во многих зарубежных странах.

Педагогическую деятельность Александр Иванович постоянно сочетал с научно-исследовательской, его перу принадлежит более 200 научных публикаций по региональной физической географии, истории науки, геоморфологии, методам обучения. Среди работ А. И. Соловьева выделяется новизной подхода, глубиной проникновения в научный материал и своими выводами региональная работа по Курильским островам (1945 г.), она переиздавалась два раза¹³.

История географии занимает особое место в научном наследии Соловьева. Им написаны и изданы биографические очерки об ученых: Д. Н. Анучине, А. А. Борзове, Н. Н. Баранском, П. П. Семенове-Тянь-Шанском. Совместно с Я. Ф. Антошко он опубликовал лекции по истории географии для высшей школы, а с А. Б. Дитмаром – пособие по преподаванию истории географии в средней школе. В нем показана историческая преемственность событий в ходе географических открытий и исследований и в развитии научных идей.

Деятельность Александра Ивановича была плодотворной и в Русском географическом обществе (РГО). Он редактировал ряд сборников «Вопросы географии», выступал с докладами о проблемах географического образования на съездах общества. В 1980 г. он был избран почет-

ным членом РГО. Целое поколение советских школьников изучало физическую географию в 7 классе по созданному в 1970-е гг. под руководством А. И. Соловьева учебнику, который многократно издавался, и один такой экземпляр хранится в Вятскополянском историческом музее.

В Московском университете Александр Иванович был учителем нескольких поколений географов, преподавателем в самом высоком значении этого слова, всегда доброжелательным, отзывчивым, умел поддержать студентов в трудную минуту, вселить веру в свои силы. Почетный житель города Вятские Поляны А. Плавинская и друг А. И. Соловьева вспоминала: «Александр Иванович был талантливым педагогом и любимцем своих учеников. Не случайно их зачастую можно было застать в квартире профессора»¹⁴. Целью его жизни было делать людям добро. Поэтому он с охотой отдавался общему делу, не жалел своих сил и времени на работу с учениками. Его всегда окружала молодежь. Более 200 дипломников и 40 кандидатов наук подготовил Александр Иванович Соловьев, многие его ученики стали докторами наук.

За плодотворную научную, педагогическую и общественную работу А. И. Соловьев был награжден двумя орденами «Знак Почета», четырьмя медалями, знаком «Отличник народного просвещения». Именем А. И. Соловьева назван один из ледников хребта Сунтар-Хаята.

Александр Иванович умер 27 февраля 1983 г. после тяжелой болезни. Это произошло в Москве, где он прожил большую часть своей жизни. Дело, которому А. И. Соловьев посвятил всю жизнь, не забыто и нашло свое продолжение в работах его благодарных учеников.

Примечания

¹ Плавинская А. Вся жизнь отдана науке // Вятско-Полянская правда. 1995. 18 апр.

² Вики-Поляны [Электронный ресурс] : открытый сетевой краеведческий проект // http://kraeved.vp43.ru/wiki/Синемаграф_в_селе_Вятские_Поляны.

³ «Нам открыла дорогу Советская власть» : воспоминания ученого А. И. Соловьева // Материалы научной библиотеки Вятскополянского исторического музея.

⁴ Там же.

⁵ Александр Иванович Соловьев // Вятско-Полянская правда. 1977. 6 авг.

⁶ Там же.

⁷ «Нам открыла дорогу Советская власть» : воспоминания...

⁸ Соловьев Александр Иванович (географ) [Электронный ресурс] // <https://bigenc.ru/c/solov-iov-aleksandr-ivanovich-geograf-d84659>.

⁹ Там же.

¹⁰ Александр Иванович Соловьев // Вятско-Полянская правда. 1977. 6 авг.

¹¹ Географ и педагог А. И. Соловьев : К 100-летию со дня рождения (Газета «Московский университет». 2007. № 25) [Электронный ресурс] // <http://getmedia.msu.ru/newspaper/newspaper/4216/all/pamyat.htm>.

¹² Профессор из Вятских Полян // Вятско-Полянская правда. 1977. № 120.

¹³ Географ и педагог А. И. Соловьев : К 100-летию со дня рождения...

¹⁴ Плавинская А. Вся жизнь отдана науке // Вятско-Полянская правда. 1995. 18 апр.

Хранитель исторической памяти Уржума и Вятки Н. Б. Пентина

В. Ю. Шеин

21 февраля 2018 г. в Уржумском краеведческом музее собрались те, кто знал и помнит страстного краеведа Наталью Борисовну Пентину (1913–2001). По энтузиазму в краеведческой работе, по бескорыстной помощи ее с полным правом можно считать продолжательницей дела Натальи Николаевны Арбузовой (1901–1979). Наталья Борисовна не была уроженкой земли уржумской, но очень много сделала для этого города. Именно благодаря ей мы узнали больше о нашей малой Родине и ее истории. На многочисленные материалы, собранные ею, до сих пор ссылаются более молодые коллеги этого увлеченного собиранием сведений о старине человека.

Коллеги-краеведы, работники учреждений культуры и образования рассказали много интересного об общественной деятельности и трудах Натальи Борисовны на благо Уржумского края. О таких энтузиастах забывать нельзя...

Ее жизнь, пожалуй, можно сравнить с бусами: очень много важного, запоминающегося произошло в ее судьбе, многое она пережила, многое повидала, много полезного успела сделать для нас, уржумцев. А связующей нитью, что соединила отдельные бусинки-жемчужинки – значительные события, участницей которых она была, в чудесное ожерелье ее общественной деятельности, стала уржумская земля. Именно отсюда происходили родители Натальи Борисовны.

У Пентиной очень богатая родословная. Среди ее предков были педагоги и врачи, чиновники и общественные деятели. Дед Натальи

Борисовны – Павел Александрович Спасский, стал родоначальником многочисленной уржумской ветви этого семейства. Его дальние потомки до сих пор живут в нашем городе. А вот Наташа 21 февраля 1913 г. появилась на свет в городе Слободском Вятской губернии, где начинали преподавать в реальном училище ее родители Борис Павлович и Анастасия Сергеевна Спасские, которые в будущем стали известными вятскими педагогами, на долгие годы связавшими свою судьбу с Кировским педагогическим институтом имени В. И. Ленина. Оба впоследствии стали кандидатами наук. Он руководил кафедрой методики физики, она – кафедрой физиологии человека.

Н. Б. Пентина вспоминала: «Каждое лето нас, троих детей, отправляли на пароходе в Уржум, где жили родители мамы А. А. и С. М. Ру-

Стоят (слева направо): Борис Павлович Спасский, Юрий Борисович Спасский и Анастасия Сергеевна Спасская, сидят: Анна Андреевна Рукавишникова и Сергей Михайлович Рукавишников (дед и бабушка Н. Б. Пентиной по материнской линии), сидят в лодке Ирина Борисовна Спасская (Гуриева) и Наталья Борисовна Спасская (Пентина)

кавишниковы. Жили в Уржуме тети и дяди Спасские с детьми (сестры и братья отца). Так что Уржум я помню еще с конца 20-х годов. Эти путешествия на пароходе, тихие вечера на Вятке, пристани с крестьянами, грузчики, которые носили груз на особых приспособлениях на спине – все приводило нас в восторг. Все интересовало. С тех пор люблю берега реки Вятки. В Цепочкине встречала нас бабушка, на нанятой лошади мы медленно ехали в Уржум. Пароход приходил в Цепочкино тогда в 4 часа утра, и мы очень боялись проспать пристань, но горничная на пароходе всегда будила нас. В конце лета возвращались в Вятку, вот тут уж все было не так, как весной. Мелководье, с парохода, бывало, пересаживали пассажиров на баркас и ехали тогда уже без всяких удобств...»¹

В Уржуме дети гостили обычно в дедовой усадьбе на ул. Елкина, 80. Двухэтажный дом с террасой, многочисленными служебными помещениями и большим садом неплохо сохранился до наших дней. Тихая улица, солнечный косогор, отлого спускавшийся к речке Шинерке – все располагало для активного отдыха городской ребятни.

В выборе профессии дочь не пошла по стопам родителей. Имея идеальный слух, после окончания школы пробовала поступить в Ленинградскую консерваторию, но не получилось, и она устраивается на работу в Вятский научно-исследовательский институт краеведения, где помогает разбирать коллекцию насекомых. Это занятие, а также изучение других, вспомогательных наук помогли ей в дальнейшем связать свою судьбу с краеведением. Через год она вновь едет в город на Неве, с которым будет связана вся ее дальнейшая жизнь и где на женских Бестужевских курсах в свое время училась ее мать. В 1935 г. Наталья Борисовна окончила лесное отделение Ленинградского сельскохозяйственного института.

Она всегда помнила о родине своих предков, часто бывала в Уржуме, где у нее оставались и родные, и многочисленные друзья. Отсюда родом был и ее муж Николай Петрович (тоже специалист лесного хозяйства), с которым случайно встретилась на вокзале. Познакомились, подружились, а потом и поженились. Сюда же в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован Ленинградский институт «Гипролестранс», где работали супруги. Во время войны Н. Б. Пентина трудилась преподавателем в музыкальной школе. Так через людей, организации и учреждения крепла связь Ленинграда с Уржумом.

В Ленинград Пентины вернулись в 1945 г., и Наталья Борисовна продолжила работать по своей основной специальности.

Н. Б. Пентина. 1951 г.

Много позже Наталья Борисовна рассказывала о том, как общилась к изучению прошлого Вятского края: «Краеведением я всегда интересовалась. Дома, в детстве, у нас говорили о дяде отца – Николае Александровиче Спасском, о его великих трудах по изданию “Памятных книжек Вятской губернии”. Памятные книжки были у нас дома, в Вятке, иногда они лежали на письменном столе у отца, я просматривала их еще в юности. Знакомство с А. Д. Фокиным и А. И. Шерниным убедило, что родину свою надо знать, и что это очень интересно.

С Наталией Николаевной Арбузовой, уржумским краеведом, интересным человеком, познакомил меня в середине 1960-х годов мой отец Б. П. Спасский, когда я летом, в те годы приезжала в Уржум в отпуск. Отец мой и двоюродный дядя В. Н. Шкляев давно были знакомы с Н. Н. Арбузовой, которая считала, что они находятся с ней в “свойстве”, так как ее бабушка О. А. Рязанцева – в замужестве Арбузова, и М. А. Рязанцева – в замужестве Спасская, были родные сестры. Муж М. А. Рязанцевой Л. А. Спасский был дядей Б. П. Спасского и В. Н. Шкляева. С Н. Н. Арбузовой у меня было много общих интересов. Еще до выхода на пенсию, я выполняла кое-какие поручения ее в Ленинграде, а когда перестала работать, то стала уделять краеведению больше времени. По просьбе Наталии Николаевны атрибутировала фотографии, писала сведения о различных людях в Ленинграде, в 1977 году сделала гербарий для новой экспозиции в музее, съездила по заданию Н. Н. Арбузовой в Ашлань, чтобы узнать что-то новое о Депрейсах и т. д.

После смерти Н. Н. Арбузовой помогала З. А. Саньковой в систематизации персоналий, фотографий, материалов по истории, переписывала вновь разысканные фото. Работали мы с ней дружно.

Интерес к краеведению “подогревал” и Е. Д. Петряев, с которым я познакомилась в Кирове, в доме моих родителей в начале 1970-х годов. Была с ним и переписка. Именно Е. Д. Петряев подтолкнул меня к написанию статей об открытках. Попробовала – получилось, в 1974, 1976 годах статьи были напечатаны в “Кировской правде”...»

Краеведению Наталья Борисовна посвящала много свободного времени, пытаясь забыть о перенесенном горе: сначала из жизни ушел сын, а затем и муж. Выйдя на пенсию, она стала буквально целыми днями пропадать в ленинградских архивах и музеях, посещать антикварные магазины и букинистические лавки, кропотливо выбирая из множества документов то, что касалось Уржума и Вятки, других городов России, известных людей...

Н. Б. Пентина составила своеобразную летопись исторического центра Уржума. Ее статьи часто печатались в уржумской районной газете «Кировская искра». Особенно читатели отмечали ее исторические изыскания «Как застраивался город Уржум» (публиковались в 1981–1982 гг. в двенадцати номерах газеты), материалы по истории здравоохранения района, об известных уржумских купцах и других знатных людях. Наталья Борисовна активно сотрудничала с краеведом

Сотрудники и ветераны учреждений культуры Уржумского района на вечере, посвященном памяти уржумского краеведа Н. Н. Арбузовой (слева направо): библиотечкарь-краевед Л. Б. Ручникова, директор краеведческого музея Л. И. Кулинич, заведующая отделом культуры Р. С. Новоселова, краевед Н. Б. Пентина, бывший сотрудник краеведческого музея П. Е. Домрачева, бывший директор городской библиотеки Л. И. Коробейникова и библиотечкарь городской библиотеки Л. С. Носкова. Уржумская городская библиотека. 7 августа 1986 г.

и автором-составителем альманаха «Уржумская старина» В. А. Ветлужских, который постоянно публиковал ее труды.

Живя в Ленинграде (с 1991 г. – Санкт-Петербург), она каждое лето на протяжении нескольких десятилетий приезжала в Уржум. Всегда у нее находилось время, чтобы помочь краеведческому музею в работе с фондами. Много вещей и предметов старины из своего дома она передала в музей, где они стали достойными экспонатами в экспозициях нескольких залов.

За заслуги перед городом в июне 1994 г. Наталье Борисовне Пентиной было присвоено звание «Почетный гражданин г. Уржума».

Лишь последние шесть лет своей жизни, когда уже стало серьезно подводить здоровье, Наталья Борисовна постоянно жила в своей санкт-петербургской квартире. Закаленная жизнью, она мужественно переносила боль. Н. Б. Пентина говорила: «Человек способен на многое, просто надо найти в себе силы... Я примирилась с жизнью, со своим состоянием. Хочу, чтоб не было тоски, а для этого надо чем-то заниматься. Краеведение – это очень интересная отрасль знаний, и работа в этом направлении может длиться бесконечно. И потом, я очень люблю Уржум и Вятку».

Годы брали свое, болезнь прогрессировала. 29 апреля 2001 г. Наталья Борисовна Пентина скончалась и была похоронена на Богословском кладбище, рядом с мужем и сыном. Нам осталось ее богатое наследие – многочисленные труды по краеведению, прекрасные коллекции открыток с видами городов Уржума и Вятки, изданных до 1917 г., открыток 30-х годов прошлого века и более позднего времени, открыток русских художников. Эти коллекции экспонировались на различных выставках, в том числе, на 30 выставках в Санкт-Петербурге, Уржуме, Кировской областной научной библиотеке имени Герцена.

Для чего мы живем? Полагаю, в том числе и для того, чтобы сохранить для потомков память о прошед-

Н. Б. Пентина и директор Уржумского краеведческого музея П. А. Созинов перерезают алую ленту при открытии новой экспозиции музея, переехавшего в здание по улице Чернышевского, 20. 11 июня 1993 г.

шем времени и событиях родного края, уже ставших достоянием истории, о людях, которые жили и трудились здесь, стараясь приумножить те культурные традиции и богатства, что оставили нам предыдущие поколения. Хотелось, чтобы и после нас кто-то, увлеченный краеведением, продолжил это дело.

Директор Кировской областной научной библиотеки имени А. И. Герцена Надежда Павловна Гурьянова (1957–2018) под рубрикой «Наши раритеты» писала: «В феврале 2002 г. мы получили четыре альбома открыток старой Вятки конца XIX – начала XX в. Выполняя волю Натальи Борисовны, их передала нам ее младшая сестра – Ирина Борисовна Гурьева, тоже живущая в Санкт-Петербурге.

А мы сегодня с трепетом раскрываем старинные альбомы и испытываем чувство щемящей грусти – о былом, об утраченной Вятке, о Наталье Борисовне... Думаю, все, кто любит Вятку, понимают, какую большую ценность представляет эта коллекция. Открыток с видами г. Вятки около 500 и почти все они в хорошем физическом состоянии. Ирина Борисовна готова передать еще два альбома с видами уездных городов Вятской губернии. Все вместе – это уникальное собрание, на которое потрачены годы жизни. Рядом с открытками – разные пометки, сделанные рукой Натальи Борисовны. Ее память хранила многие интересные факты, связанные с городом. Жаль, что у нее (да и у нас) не было возможности опубликовать при жизни воспоминания о Вятке, как об Уржуме – в «Уржумской старине». Поэтому-то мы должны постараться в ближайшие годы опубликовать хранящиеся у нас рукописи как память о самой Наталье Борисовне и всей семье Спасских...»²

Удивительным человеком была Наталья Борисовна. Живя небогато, она коллекционировала раритеты, тратя на это большую часть своей пенсии, и завещала их библиотекам и музеям, где работали ее друзья, чтобы это достояние не кануло в Лету, а еще долгие годы служило людям.

О Пентиной и ее замечательных коллекциях, большой подвижнической деятельности писали журналисты и краеведы, сотрудники библиотек и музеев из Кирова (Н. П. Гурьянова, Т. В. Малышева, С. А. Шешина и др.) и Уржума (Л. М. Алябышева, Н. А. Андреева, Л. И. Кулинич, Л. Б. Ручникова и В. А. Ветлужских). Пусть и наша статья сохранит для потомков доброе имя Натальи Борисовны Пентиной.

Примечания

¹ Пентина, Н. Б. Воспоминания // Уржумская старина. 2003. Вып. 10. С. 8.

² Гурьянова Н. П. Из истории одного дара // Герценка : Вятские записки. Вып. 3. Киров, 2002. С. 43.

**Исторический факультет
Кировского государственного педагогического
института им. В. И. Ленина
в воспоминаниях выпускников 1980-х годов**

И. А. Моргунова (Исакова), В. А. Кривошина

Вспоминать будем факты, но личностного свойства. Когда вспоминаются люди и связанные с ними события, мы непременно соотносим их со своими впечатлениями, деталями личной судьбы.

За строками этих воспоминаний – начало профессионального пути двух студенток исторического факультета Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Год поступления – 1983, год выпуска – 1988. На годы нашего студенчества выпал мировоззренческий и глобально-исторический перелом в жизни нашей Родины – Советского Союза. Это не могло не сказаться на восприятии нами преподавателей, многие из которых вскоре после окончания нашим курсом института завершили педагогическую карьеру. Кто по возрасту, кто по состоянию здоровья, кто – по исчезновению из учебных программ исторического образования соответствующих дисциплин. Но память хранит их образы и имена.

Кафедра истории СССР

И. М.: Валентина Георгиевна Авдеева – первый преподаватель, с которым я познакомилась, так как сдавала ей вступительный экзамен по истории СССР. Пока мы готовились к ответам, Валентина Георгиевна достала какой-то пакетик с бутербродами и тихонько ела. А мы, заметив это, тихонько посмеивались над ней. И только сейчас я понимаю, что у преподавателя и на самом деле бывают такие моменты, что нормально и поесть некогда. Но тогда мы, молодые, были безжалостны к таким вот мелочам, которые замечали у своих педагогов.

В. К.: Валентина Георгиевна помнится мне своей статью – высокая, худенькая, с прямой спиной. В неизменных очках. Очень строго подходившая к структуре лекций по истории России XVII–XVIII веков. К соблюдению плана лекции – по времени, отведенному на один вопрос, на изучение темы в целом. Валентина Георгиевна стала для меня добрым собеседником и другом в 2000-х гг., когда я уже работала на

кафедре истории России и навестила ее по линии профсоюзной организации. Валентина Георгиевна передала тогда на кафедру большое количество профессиональной литературы – монографий, хрестоматий, справочников. Тогда я узнала, кому из отечественных историков XX века она отдавала предпочтение. Оказалось, что Натану Эйдельману. Через своего учителя я познакомилась с его последними работами: «Быть может, за хребтом Кавказа...» и «Итальянская Россия». До своего ухода из жизни в августе 2010 г. Валентина Георгиевна никогда не забывала поздравить меня по телефону с Днем Победы и с днем Великого Октября. Таким было поколение моих учителей. День ее рождения – 29 ноября – я помню до сих пор.

И. М.: Ирина Игоревна Стефанова вела у нас древнейший период истории России. Это был первый преподаватель, который познакомил меня с основами труда историка, потому что я писала у нее курсовую работу на тему «Социальная психология стрелецких бунтов. На основании записок секретаря австрийского посольства Иоганна Георга Корба “Путешествие в Московию”». Дореволюционное издание книги было в краеведческом отделе Областной библиотеки им. Герцена. Мы с Ириной Игоревной встречались в библиотеке по воскресеньям, и она показывала мне, как правильно делать выписки, систематизировать их по определенной тематике, делать выводы на основе найденных фактов. Социальная психология – для того времени необычная тема, очень спорная. Опытный преподаватель находил время в выходной день для работы с первокурсницей. Для меня Ирина Игоревна стала образцом, как надо организовывать работу со студентами по написанию курсовых работ, насколько важна индивидуальная работа. Сейчас на это отводится очень мало времени. Лекциями Ирины Игоревны я долго пользовалась. Помню эту свою зеленую тетрадь, в которой была и записанная на полях генеалогия Рюриковичей и анализ статей «Русской Правды».

В. К.: Почти за десяток лет до девяностых, когда в программу средней школы вошел предмет «Мировая художественная культура», а в число университетских дисциплин попала «Культурология», студенты-историки середины 1980-х имели счастливую возможность изучать не только экономическую, социальную и политическую историю, но и историю отечественной культуры – духовной, художественной, народной. И это в отсутствие мультимедийных технологий: видео, слайдов, проекторов. Огромный эпидиаскоп (надеюсь, правильно вспоминаю название этого громоздкого прибора) помогал Ирине Игоревне

показать на экране книжную иллюстрацию. Перед нами оживали средневековые русские храмы и иконы. Открывали свои тайны духовные стихи. Альбомы по искусству она приносила из дома. Маленькая, хрупкая женщина говорила с нами на языке живого искусствознания. Сейчас я думаю, что именно этот предмет определил для меня будущий путь в преподавании и науке: диссертацию я защитила по эстетике, философии искусства. Жалею глубоко, что вопросы истории культуры сегодня остаются непопулярными в преподавании истории в школе и вузе.

И. М.: Виктор Валентинович Низов был куратором нашей группы, в которой мужскую половину студентов составляли выпускники рабфака (традиция рабочих факультетов для бывших армейцев, которые школу закончили несколькими годами раньше, была популярна в СССР). Группа требовала жесткой мужской руки. На первом курсе Виктор Валентинович и декан факультета Анатолий Петрович Бородин приходили к нам в общежитие и, мне кажется, лучше всего представляли эту составляющую студенческой жизни. Виктор Валентинович читал вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение истории СССР периода средневековья. Он ходил с нами на все субботники, на все демонстрации, осталось немало черно-белых самостоятельных фотографий – свидетелей этого советского прошлого.

В. К.: Домашняя библиотека нашего куратора была и нашей библиотекой тоже. В ней серьезные научные издания нередко находились в двух экземплярах – один для интересующихся студентов. Комната Виктора Валентиновича в коммунальной квартире угловой пятиэтажки по ул. Воровского и Горького не имела люстры (вечерами всегда светила под потолком одинокая лампочка – бытовой символ его равнодушия к уюту). Зато под потолок вытягивались книжные полки, где и вертикально, и горизонтально, и в три ряда – академические издания. Именно В. В. Низов повлиял на мою многолетнюю привычку просматривать каталоги научной литературы и через книжный магазин заказывать новинки. Магазины этого на ул. Карла Либкнехта, рядом с Театральной площадью, уже нет. И «Полное собрание русских летописей» сегодня мало кого профессионально заинтересует. Все отныне оцифровано... Мечтой его жизни было найти вятский вечевой колокол и берестяные грамоты. Историк имеет право, зная о прошлом, пометать о будущем.

И. М.: Анатолий Петрович Бородин – наш первый декан всех студентов называл на «вы». Я его очень боялась, мне всегда сразу хотелось заплакать, когда меня называли «Ираида Алексеевна». Анатолий Пет-

рович читал историю России XIX – начала XX века и источниковедение этого периода. Самое яркое воспоминание – как он чертил схемы на доске, это были практически опорные конспекты по каждой теме. Доски не хватало, он стирал и писал снова. У нас в тетрадях схемы были на разворот страниц. Во время семинара, на котором отвечала, он задал вопрос: «Крестьянский вопрос – это о чем?». Я не смогла дать ответ, сейчас, вспоминая это, – улыбаюсь. Мы много конспектировали, но было правило – всеми записями, кроме лекций, можно было пользоваться на экзамене. Лично мне Анатолий Петрович привил любовь к картам, он говорил, что без карт преподавать историю нельзя: «Если я говорю вам назвать семь промышленных губерний вокруг Москвы, вы должны их не только назвать, но и показать на карте». Иногда во время лекций он делал отступления и рассказывал о своей биографии. В 1950-е годы он был на целине, институт закончил, будучи уже зрелым человеком. Анатолий Петрович запомнился и созданием кабинета самостоятельной работы для студентов – там стояли вдоль стены старые шкафы, полные журналов – «История СССР», «Всеобщая история», старые атласы 1950-х годов, монографии известных историков. Логика его была понятна: читальный зал в институте был переполнен и работал до определенного времени. Поэтому Анатолий Петрович организовал дежурства студентов по вечерам в этом кабинете: выдавать журналы, книги, следить за порядком. Студенты ходили в кабинет не очень активно. Но вот для тех, кто дежурил в 313-м, – это было прекрасное время для подготовки. Лично я получила бесценный опыт, работая в этом кабинете, даже почувствовала на втором курсе, что поумнела. Анатолий Петрович также ввел в практику работы факультета спецкурсы по русскому историческому роману и советскому историческому роману. Их читали преподаватели с филологического факультета (который был нашим соседом по третьему этажу) Лидия Николаевна Лузянина и Галина Николаевна Шершнева. Анатолий Петрович большое внимание уделял деятельности научного студенческого общества. При нем регулярно проводились различные научные конференции, на которых собирались большие аудитории, студенты слушали доклады друг друга. Тех, кто пытался сбежать с конференций, например, прячась в туалете, Анатолий Петрович находил и возвращал к участию в работе. Я помню Анатолия Петровича всегда в одной одежде – серой кепке и сером пальто. И на демонстрациях, и на субботниках.

В. К.: Анатолий Петрович – моя особая привязанность. Зачисление летом 1983 г. в кабинете проректора института. Суровый, неулыбчивый

мужчина. Как впоследствии стало понятно – прямой и неудобный. Отчаянно равнодушный к людям: не забыть, как он по-отечески воспитывал меня, выросшую без отца, в правильном понимании отношений с однокурсниками, призывал к терпению и состраданию по отношению к алкогольно-зависимым со товарищам. Именно Анатолий Петрович привел меня к публичным выступлениям перед аудиторией: конференция в огромном амфитеатре 221-го кабинета на Ленина, 111 (этой аудитории сейчас нет) с докладом о политических программах либеральных партий кадетов и октябристов стала для меня первым таким опытом. Спустя четверть века, когда, придя в 2003 году по благословению Анатолия Петровича на истфак, получив от него – как завет – лекционный курс истории России XIX века и курс отечественной историографии, я осознала глубину его слов: «Чем больше я преподавал эти дисциплины, тем больше убеждался, что ничего не знаю». Воистину, сократовское признание. Потрясением для меня было и название его учебной лекции об историке Н. И. Костомарове: «Либерально-националистическая (!) историография». Термин в позднем Советском Союзе опасный. Но пронзительно-прогностический. Как наследие своего учителя я бережно храню собранные им персональные подборки обо всех отечественных историках (из журнальных публикаций «Вопросов истории», «Истории СССР»). Немалую помощь они оказали мне в преподавании историографии на истфаке в 2003–2016 гг. Наша крайняя встреча с Анатолием Петровичем была случайной – на улице, по пути в магазин или из магазина. Но даже тогда он мне преподавал очередной урок: прямой и неудобный. Когда я поделилась словами Натана Эйдельмана о русской истории (из любимой Натаном Яковлевичем игры в ассоциации – «темный лес, и на каждом дереве – повешенный»), доктор исторических наук Бородин усмехнулся и припечатал: «Звался бы не Натан, а Иван, думал бы по-другому». И сегодня мне видится в этой фразе большая бесстрашная человеческая правда, без оглядки на политкорректность. Я в свои 50 с большим гаком ее тогда не разглядела.

Анатолий Петрович всегда говорит афористично. Бьет не в бровь, а в глаз. Самое популярное: «Я вам – не дядька. Вы мне – не племянники. Нас связывает дело. И мы должны делать его хорошо».

После его лекций студенты записывали фразы Бородина в дневники. «Я не машина. Человек. Иногда заносит. Я ведь тоже был молодым. Тогда я вообще не приходил на лекции. Я не злопамятен, быстро отхожу. Хотя на меня долго дуются. Раньше на заборах писали неприличные слова, а теперь ЛДПР. Толстый тонкому не товарищ. Дурак видит

выгоду, умный – последствия. Можно произвольно стать распространителем чужих мнений. Надо разделять, что в рот положишь, что проглотить, а что выплюнешь. Рука от ручки устала – привыкла к ложке. Вы потеете только когда едите. Вижу, что интересно, а я мешаю. Хочется подойти и извиниться. Раздражение накапливается, экзамен приближается. Чем ночь темней, тем звезды ярче. Когда блистать-то будете? Когда волосы выпадут? Темная вятская ночь (о состоянии студенческих умов). Вятские – это особенные русские. Сначала французская книжка, потом французская мыслишка (о Екатерине II). Мы как карась на сковородке, который подпрыгивает да приговаривает: “Как вкусно пахнет!” С нами что хотят, то и делают, а мы в ладоши хлопаем. Сборник документов – не штаны и не юбка, можно и старым пользоваться. Некорректно судить умерших. История интересует нас как опыт» (из студенческого альбома Елены Витальевны Кустовой).

После его лекций во второй половине 1990-х студенты писали юношески искренние стихи о России: «Россия – матушка родная. Россия Мать Сыра Земля. Как далеко тебя послали, к чертям неведомо куда. За что же эти все страданья? Продали, Господи прости. Россия, мать моя родная. На думу ты благослови. Что стало с нашим человеком? Совсем убог – лишь только страсть. Кто правит матушкой Россией? Обычно водка, деньги, власть. Что будет с нами, дураками? Нас Запад гонит, как рабов. Когда мы будем думать сами и сбросим плен своих оков? Когда ж мы вспомним о России, взгляд бросив далее себя? Тогда, быть может, мы увидим, что на краю стоим, друзья... Нам говорят: “Вы тоже – Запад!”, игриво пальчиком маня. И нас заманивает запах жаркого русского огня...»

Наш учитель Анатолий Петрович Бородин. Прямой. Резкий. Бескомпромиссный. Надежный. Цельный. Человек слова. Учитель жизни.

И. М.: Елена Ивановна Кирюхина была заведующим кафедрой истории СССР, преподавала историю Вятского края в ранний советский период. Она читала лекции без бумажек и приводила студентов в восхищение тем, что называла все цифры по памяти. Но и спрашивала соответственно. На госэкзамене я получила вопрос: «Сколько тысяч пудов хлеба сдала Вятская губерния по подразверстке в годы Гражданской войны?». Мое подсознание выдало мне эту цифру, и я ответила без запинки, чем заслужила одобрение преподавателя. Но вот теперь я уже сомневаюсь, соответствовала ли эта, названная мною цифра действительности, и не посмеивалась ли в душе Елена Ивановна над той самонадеянной уверенностью выпускницы, с которой она выдала некую

выпавшую цифру за реальность. Елена Ивановна была моим первым заведующим кафедрой, когда я пришла работать на факультет ассистентом кафедры истории СССР в 1989 г.

И. М.: Андрей Исаевич Лахман читал историю Кировской области дореволюционного периода, советский период истории, говоря про Сталина, что, дескать, он – не солёный огурец. Был объектом бескончаемых шуток студентов. Я сейчас понимаю, что он просто был очень мягким человеком и все эти беззастенчиво пользовались, прогуливая его занятия.

И. М.: Марина Игоревна Трефц – преподаватель археологии на первом курсе. К сожалению, у нас на курсе не было археологической практики, так как студенты работали на строительстве учебного корпуса и здания общежития в Чижках. Тем не менее, летом после окончания первого курса была выделена неделя, когда мы посещали археологические памятники, например, на станции Стрижи – деревня Студенцы – там были древние стоянки первобытных людей.

В. К.: Лекции по археологии открыли мне опыт работы с доской. Как здорово, когда преподаватель умеет рисовать – хоть макролиты, хоть микролиты. Практика по археологии открыла городище Никульчино, где мы летом 1984 года с упоением собирали неисторические ромашки.

Кафедра всеобщей истории

И. М.: Валентина Михайловна Фоменкова преподавала историю средних веков. Я помню, что, когда Валентина Михайловна умерла в 2000 г., это были первые похороны преподавателя, который меня учил.

В. К.: Валентина Михайловна была куратором группы И-12 (22, 32, 42, 52). Не забыть вечера в кабинете 308, когда к годовщинам Победы мы пели нашему педагогу-фронтовику ее любимые военные песни. С тех пор знаем все наизусть.

И. М.: Георгий Андреевич Глушков читал новейшую историю стран Европы и Америки, рассказывал о коммунистическом и революционном движениях. Лекции его были очень эмоциональны. **Ирина Павловна Субботина** читала первую часть истории нового времени (XVII–XVIII вв.). Мы так много писали, что самые крупные мозоли на пальцах оставались именно от лекций Ирины Павловны.

В. К.: Лекции и спецсеминары Георгия Андреевича напоминали митинг, маевку, собрание революционного кружка. История коммунистических интернационалов оживала в его напористой, богатой жести-

куляции. Наверное, такими и были люди, поверившие в начале XX века в коммунистическую утопию. Лекции Ирины Павловны – академичные, по-настоящему профессорские (несмотря на отсутствие ученой степени), последовательные и абсолютно логичные, без претензий на красоту высказывания. Убедительные самим фактом научного слова и мысли. Ее тихий голос и небольшой рост – едва-едва виднелась из-за кафедры – без нравоучений и призывов к дисциплине завораживали. Даже самых склонных к вольнице наших бывших рабфаковцев...

И. М.: Юрий Михайлович Кузьмин читал новейшую историю стран Европы. На пятом курсе он стал деканом и распределял нас по школам. Например, была школа, в которую распределяли только на год, потому что она находилась в Кае – самом отдаленном населенном пункте Кировской области. Обычно туда ехали парни, потому что условия жизни были нелегкие, но с нашего курса поехала девушка, которую прельщало в Кае только одно – что она проработает там всего один год по распределению, а не три. Гарантом того, что тебя сменят, выступали деканы...

В. К.: Семья Кузьминых была для нас своего рода откровением. На фоне уже возрастных историков, рассказывающих о древнем мире и средних веках (фронтвики В. Ф. Суходоев и В. М. Фоменкова), появились молодые и соответствующие молодостью и темпераментом своим учебным предметам супруги: Юрий Михайлович (с его честными и порой чересчур откровенными рассказами о «пражской весне») и Валентина Петровна, психолог, руководитель наших школьных практик. Благодаря ей, пожалуй, я всерьез познакомилась с психологией как наукой, с практикумами и тренингами как методами постижения и преобразования себя.

И. М.: Тамара Альбертовна Воробьева преподавала историю стран Азии и Африки. Студенты тренировались произносить непривычные имена глав государств Африки, руководителей гоминьдановского и коммунистического Китая, авторов японского экономического чуда. Еще она вела спецкурс по мировой культуре. Приглашала Евгения Серафимовича Останина петь *Beatles*. Однако... Перестройка...

В. К.: Тамара Альбертовна вела спецсеминар по культуре Японии. Из него выросли дипломные работы некоторых моих однокурсников. Гомикава Дзюмпэй «Условия человеческого существования» – имя автора этого объемного романа и сейчас звучит как таинственное заклинание, а текст романа как грозное предупреждение человечеству.

И. М.: Марина Юрьевна Розова преподавала все отрасли права. У меня единственная «тройка» была по административному праву. Марина Юрьевна говорила, что понять там ничего нельзя, нужно просто запомнить. Именно она пригласила меня после года работы по распределению в сельской школе работать преподавателем на исторический факультет на кафедре истории СССР.

В. К.: Важной частью нашего студенчества были трудовые семестры. Снопы льна в Свечинском районе на первом курсе. Стройотряд «Победа» (Безбожник и Шленники Мурашинского района в 1985 и 1986 гг., строительство моста на объездной дороге вокруг Нововятска в 1987 г.). И, конечно, Шестаково в Слободском районе. Целый месяц в начале пятого курса, в сентябре 1987-го, мы «сражались» там с урожаем картофеля. Марина Юрьевна полностью разделила с нами труды и радости этого веселого незабываемого жития – уже в перспективе расставания с институтом.

И. М.: В 1989 г. я пришла работать ассистентом кафедры «Истории СССР», и мои преподаватели стали моими коллегами, с которыми я прошла долгий путь в 13 с половиной лет, до моего увольнения и отъезда в другой город в декабре 2001 г. Все они оказали огромное влияние на становление меня как личности и как преподавателя.

* * *

И. М.: Не могу не написать о преподавателях с других (не факультетских) кафедр. Самыми яркими среди них были:

Наталья Петровна Кучминская преподавала историю КПСС и была у нас одним из самых любимых преподавателей, потому что рассказывала всегда очень интересно. На демонстрациях все студенты хотели с ней сфотографироваться. У меня сохранилась такая фотография.

Зоя Андреевна Вячкилева учила нас, как конспектировать произведения Ленина. Она была с кафедры истории КПСС. Умение конспектировать – это важное умение для студента, умение выделять главное и существенное, то, что не хватает современным студентам. Конспектирование дисциплинирует ум. Когда мы работали в колхозе, одна из студенток брала с собой «Капитал» Маркса и читала его. Почему-то Зоя Андреевна вспоминается мне в таком образе: она ходит с «Беломориной» в зубах около доски в 308 кабинете и со вкусом рассказывает об особенностях ленинского стиля изложения (я где-то начинаю сомневаться в правдивости своих воспоминаний, в силу особенностей

нашего времени это звучит диковато). После ее лекций Ленина было конспектировать интересно.

И, конечно же, это **Александр Кузьмич Останин**. Самый харизматичный из нефакультетских преподавателей. Всегда в идеально отутюженном костюме, носки в тон, седовласый, но очень моложавый, ироничный. В него влюблялись студентки. На мой взгляд, тогда именно так должен был выглядеть философ. Потом, когда мы стали коллегами, он рассказывал, как убрал из дома телевизор, чтобы внучка выросла мыслящим человеком. Я об этом вспомнила, когда стала подрастать своя дочь, и мы с мужем тоже убрали телевизор из квартиры, но у нас уже появился более серьезный конкурент в борьбе за формирование мыслящего человека – это телефон и интернет.

В. К.: На старших курсах в перестроечную эпоху с определенной долей скепсиса воспринимались лекции по научному коммунизму. Этот предмет вела **Тамара Васильевна Урванцева**. Человек с убеждениями, не изменивший им в постсоветское время. Помнится начало 1990-х, когда первомайские демонстрации ушли в прошлое. И Тамара Васильевна с красным флагом в одиночку прошла путь от Театральной площади к набережной Грина. Это был поступок, обозначающий человеческое достоинство поколения наших преподавателей.

На мои студенческие годы пришелся интересный эксперимент, когда в учебные программы будущих учителей истории и советского права были включены предметы «Этика» и «Эстетика». Лекции этого мировоззренческого блока читали преподаватели кафедры философии **Наталья Ильинична Злыгостева** и **Сергей Александрович Липин**. Сначала было потрясение от огромного количества свободно цитируемых Натальей Ильиничной художественных текстов. От Хэмингуэя, Пруста, Азимова, Уайлдера до Иванов – Бунина, Ильина, Шмелева. Благодаря ей многие другие имена открылись нам тогда в обновляющемся литературном пространстве СССР середины 1980-х. Наглядно было показано лектором и воспринято моей душой нераздельное единство исторического и художественного познания действительности. Недаром факультеты были когда-то историко-филологическими. А Сергей Александрович стал для меня еще одним, кроме Бородина, учителем-другом. Его диссертационная проблематика – эстетика природы в советской литературе – перекочевала в мои искания об эстетике природы в итальянском Ренессансе. Его жизненная позиция мне близка до сих пор: вместо того, чтобы без конца сетовать на тьму, надо зажечь

хотя бы одну свечу. Его манера ведения лекций – во множестве жизненных примеров, самых разнообразных фактов – мне кажется, была усвоена мной в студенчестве. Когда еще даже не думалось о профессии преподавателя высшей школы...

И. М.: Еще одного человека мне не хотелось бы оставить без внимания. Это **Валерий Николаевич Лобанов**. На историческом факультете традиционно было две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. Но в начале 1990-х годов, когда КПСС перестала быть «руководящей и направляющей силой» общества, была создана третья кафедра под конкретного человека, бывшего секретаря парткома института В. Н. Лобанова. Парткома не стало, а на историческом факультете в 1991 г. появилась третья кафедра теории и методики общественнознания, на которую перевели методистов, преподавателей права с кафедры истории СССР, а с межфакультетских кафедр преподавателя философии (А. К. Останина) и других преподавателей общественных наук. Я ничего не могу рассказать о В. Н. Лобанове как о преподавателе, я слушала всего одну его лекцию, но очень интересную. Но он был очень хорошим руководителем и человеком. Мягким, добрым, интеллигентным, никогда ни на кого не повышающим голос. Кафедра просуществовала до 1998 г., до скоростижной смерти Валерия Николаевича. Он оставался до конца жизни убежденным коммунистом, но никогда ни на кого не давил и не навязывал свои взгляды и убеждения. Будучи абсолютно аполитичным человеком в тот период, я испытывала к нему искреннее уважение и признательность.

* * *

Завершая коллективный дружный меморат, не можем не сказать об однокурсниках. Это талантливые и творческие люди, большинство из которых посвятили всю жизнь школьному образованию, став директорами и завучами школ (Д. А. Балашов, Н. Е. Целищев, В. Г. Даровской, А. В. Титов), учителями в сельских и городских школах (перечислять можно абсолютное большинство наших однокурсников), преподавателями вузов (И. А. Соловьева (Ямпольская), Л. Н. Зорина (Дядькина)). Уже ученики наших сверстников защитили диссертации и стали серьезными исследователями региональной истории: так, к. ист. н. П. Н. Шарбаров – ученик О. М. Айдышева (пгт Фаленки).

Поздравляя всех преподавателей, сотрудников, выпускников с 90-летием исторического факультета Кировского государственного

педагогического института им. В. И. Ленина (так назывался вуз в годы нашего студенчества), дарим стихотворное размышление об истории. Оно в рукописных списках ходило по рукам выпускников 1980-х гг.:

*Любезный друг, исполнившись отваги
Познаниями в Истории блеснуть,
Проникнись, что она – не колымага.
И не тобой ее начертан путь.
И что деянья пращуров – не дышло:
Куда ни поверни, туда и вышло.
В истолкованьях знай регламент свой.
Историк, с дальновидной самой вышки,
Обозревая горизонт седой,
Быть зорким должен, как орел степной,
И неподкупным – как судья всевышний!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Москва).

Бердинских Виктор Аркадьевич – главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (г. Киров).

Бондарь Марина Владимировна – заведующая отделом «Детский музейный центр “Дача Мошевитина”» Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Сарапул, Удмуртская Республика).

Виноградов Евгений Олегович – аспирант Вятского государственного университета (г. Киров).

Волкова Люция Аполлосовна – старший научный сотрудник отдела истории Глазовского краеведческого музея, кандидат исторических наук, доцент (г. Глазов, Удмуртская Республика).

Глушков Кирилл Николаевич – научный сотрудник Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров).

Головизнина Наталья Леонидовна – музеевед, руководитель Музея истории народного образования Кировской области в 1990–2019 гг., кандидат педагогических наук (г. Киров).

Горев Евгений Игоревич – лектор-экскурсовод Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина (г. Киров).

Казаков Дмитрий Николаевич – краевед, генеалог (г. Киров).

Кочин Глеб Александрович – архивист Глазовской епархии Удмуртской митрополии Русской православной церкви (Московский Патриархат) (г. Глазов, Удмуртская Республика).

Криушина Вера Александровна – доцент Кировского государственного медицинского университета, кандидат философских наук, доцент (г. Киров).

Крупина Ольга Владимировна – заведующая отделом научной и выставочной деятельности Вятского художественного музея имени В. М. и А. М. Васнецовых (г. Киров).

Курочкин Михаил Валентинович – доцент Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Удмуртская Республика).

Леонтьев Алексей Александрович – главный архивист отдела использования документов государственных органов Центрального государственного архива Кировской области (г. Киров).

Мальшева Татьяна Васильевна – искусствовед, краевед (г. Киров).

Митрофанов Виктор Владимирович – профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, доктор исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург).

Моргунова (Исакова) Иранда Алексеевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования Курского института развития образования (г. Курск).

Мурашов Дмитрий Юрьевич – ученый секретарь Пензенской областной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, кандидат исторических наук (г. Пенза).

Мусихин Алексей Леонидович – историк, лауреат Премии им. А. А. Спицына Правительства Кировской области (г. Нижний Новгород).

Нохрина Светлана Владимировна – общественный деятель, член инициативной группы «Вятский Афон» (г. Киров).

Опалева Елена Сергеевна – главный научный сотрудник Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Сарапул, Удмуртская Республика).

Орлов Максим Александрович – учитель истории АНОО «Петербургский лицей», кандидат исторических наук (г. Киров).

Плетенев Алексей Петрович – библиограф отдела краеведческой литературы Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Помелов Владимир Борисович – профессор кафедры педагогики Вятского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор (г. Киров).

Ратникова Оксана Павловна – заведующая отделом – руководитель Историко-краеведческого музея Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Сарапул, Удмуртская Республика).

Росина Марина Анатольевна – доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Киров).

Староверова Наталья Геннадьевна – методист Вятскополянского исторического музея (г. Вятские Поляны, Кировская область).

Судовиков Михаил Сергеевич – руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, профессор Вятского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Киров).

Толстухин Кирилл Константинович – студент V курса Вятского государственного университета (г. Киров).

Тощевикова Наталья Владимировна – начальник управления по делам архивов Администрация города Сарапула (г. Сарапул, Удмуртская Республика).

Чебыкина Лия Васильевна – лектор-экскурсовод Кировского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина (г. Киров).

Шарабаров Павел Николаевич – старший научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, доцент (г. Киров).

Шеин Владимир Юрьевич – ветеран МВД, член Союза журналистов России, лауреат Премии Кировской области (г. Уржум, Кировская область).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АНОО	– автономная некоммерческая общеобразовательная организация
АПН	– Академия педагогических наук
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВУАК	– Вятская ученая архивная комиссия
ВХМ	– Вятский художественный музей
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВятГУ	– Вятский государственный гуманитарный университет
ВятГУ	– Вятский государственный университет
ГАСО	– Государственный архив Саратовской области
ГАСПИ КО	– Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГУАК	– губернская ученая архивная комиссия
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЕврАзЭС	– Евразийское экономическое сообщество
ИД	– издательский дом
КазДА	– Казанская духовная академия
КОГКУ	– кировское областное государственное казенное учреждение
КОМК	– Кировский областной краеведческий музей
КОУНБ	– Кировская областная универсальная научная библиотека
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КХМ	– Кировский художественный музей
ЛДПР	– Либерально-демократическая партия России
МВД	– Министерство внутренних дел
МГУ	– Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИКСП	– Музей истории и культуры Среднего Прикамья
МТС	– машинно-тракторная станция
НА РТ	– Национальный архив Республики Татарстан
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГО	– Русское географическое общество
РОКК	– Российское общество Красного Креста
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СВО	– специальная военная операция
СНК	– Совет народный комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТВУАК	– Труды Вятской ученой архивной комиссии
ТГУАК	– Тверская губернская ученая архивная комиссия
УДААС	– Управление по делам архивов Администрации города Сарапула
УКМ	– Ульяновский краеведческий музей
ЦГАКО	– Центральный государственный архив Кировской области
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЭЗВ	– Энциклопедия земли Вятской
URL	– Uniform Resource Locator

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел I. Из истории губернских ученых архивных комиссий (к 120-летию Вятской ученой архивной комиссии)

<i>Судовиков М. С.</i> Яков Поскребышев на посту председателя Вятской ученой архивной комиссии	4
<i>Бердинских В. А. А. С.</i> Верещагин и Вятская ученая архивная комиссия	9
<i>Кочин Г. А.</i> Александр Степанович Верещагин в Казанской духовной академии в 1853–1858 гг. (по материалам Национального архива Республики Татарстан)	11
<i>Виноградов Е. О.</i> Роль духовенства в деятельности Вятской ученой архивной комиссии	19
<i>Горев Е. И.</i> Значение трудов Вятской ученой архивной комиссии в сохранении памяти о протоиерее А. Т. Шиллегодском	24
<i>Шарабаров П. Н.</i> Из истории «Указателя содержания “Трудов Вятской ученой архивной комиссии”»	29
<i>Митрофанов В. В.</i> Малоизвестные факты деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии	34
<i>Мурашов Д. Ю.</i> Академик Н. В. Калачов: штрихи к портрету основателя губернских ученых архивных комиссий	40

Раздел II. Историко-культурное наследие российских регионов

<i>Аверьянов К. А.</i> Из предыстории Хлынова	46
<i>Плетенев А. П.</i> Ссылные воеводы на Вятке в XVII веке	59
<i>Головизнина Н. Л.</i> О времени возникновения села Ржанополомского Вятского уезда	64
<i>Казаков Д. Н.</i> Крепостное владение в средневековых монастырях (на примере Спасского Цепочкинского монастыря)	68
<i>Крутина О. В.</i> Заказчики и вкладчики предметов церковного искусства в храмы и монастыри г. Хлынова – Вятки второй половины XVII–XVIII в.	79
<i>Леонтьев А. А.</i> Из истории Ахтырского кладбища города Вятки в XVIII–XX вв.	87
<i>Глушков К. Н., Нохрина С. В.</i> Братское кладбище Александро-Невского Филейского мужского монастыря: к вопросу о существовании и локализации	96
<i>Опалева Е. С.</i> «Новый очаг научного отечествоведения» – Общество изучения Прикамского края города Сарапула	101
<i>Чебыкина Л. В.</i> Лагерные сборы потешных войск – новая форма воспитательной работы с молодежью в начале XX в.	105

<i>Волкова Л. А.</i> Сохранение памяти о Первой мировой войне в коллекции Глазовского краеведческого музея	111
<i>Бондарь М. В.</i> Загородная усадьба купца Прокопия Петровича Мощевитина	115
<i>Ратникова О. П.</i> Зоосад Сарапульского музея: проблемы, факты, повседневность (1930-е гг.)	118
<i>Курочкин М. В., Тоцевикова Н. В.</i> Художественная ценность архивного документального наследия фонда Управления Сарапульского окружного инженера	123
<i>Толстухин К. К., Росина М. А.</i> Фронтовые письма как ресурс патриотического воспитания школьников	127

Раздел III. Личность в истории

<i>Мусихин А. Л.</i> Вятский секретарь Аверкий Перминов: новые сведения о родословной, биографии и дате постройки кирпичного дома	132
<i>Приложение</i>	140
<i>Орлов М. А.</i> Иоанн Кронштадтский в Вятском крае: новые данные из архивных источников	142
<i>Мальшева Т. В.</i> Виктор Васнецов и его старинные подруги из Вятки	148
<i>Помелов В. Б.</i> Уроженцы вятской деревни Купсолá А. Ф. Конаков и К. И. Иванов (Ййван Кырла)	152
<i>Староверова Н. Г.</i> Александр Иванович Соловьев – ученый и педагог из Вятских Полян	162
<i>Шеш В. Ю.</i> Хранитель исторической памяти Уржума и Вятки Н. Б. Пентина	168
<i>Моргунова (Исакова) И. А., Кривушина В. А.</i> Исторический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина в воспоминаниях выпускников 1980-х годов	175
Сведения об авторах	187
Список сокращений	189